

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1

1 9 6 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· НАУКА ·

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1

1967

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Я. Гибианский.</i> Расстановка классовых сил в Югославии в 1944—1945 гг.	3
<i>Б. П. Матеев</i> (НРБ). Коллективизация в СССР и кооперативное движение в Болгарии в 30-х — начале 40-х годов	19
<i>А. И. Недорезов.</i> Роль К. Готвальда в осуществлении революционной линии чехословацкого рабочего движения	28
<i>Ю. И. Смирнов.</i> Проблемы изучения межславянской фольклорной общности	32
<i>А. Е. Супрун.</i> О системном и статистическом представлении грамматических изоглосс славянского мира	42

СООБЩЕНИЯ. ВОСПОМИНАНИЯ

<i>Христиан Катев.</i> В рядах борцов за победу революции	51
<i>М. М. Сумарокова.</i> Новые данные о начале революционной деятельности Филиппа Филипповича	56
<i>А. С. Мыльников, Т. А. Мыльникова.</i> Первая чешская газета о России.	60
<i>Д. М. Сегал.</i> Наблюдения над фонологической структурой польского стиха	65
<i>М. Я. Гольберг.</i> Еще о сербской балладе на Русском Севере	70
<i>В. А. Дыбо.</i> Памяти В. М. Иллitch-Свитыча	72

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры и рецензии

<i>С. А. Шерлаимова.</i> «Импульс» — новый журнал чешских литературоведов	78
<i>И. Ольшанский.</i> Новая книга о советско-польских отношениях	80
<i>О. П. Валева.</i> Воспоминания ветерана болгарских профсоюзов	82

<i>Игорь Бэла.</i> Монография о Стрыйковском	84
<i>С. Марлинский.</i> О дружбе вечной, перушиной	86
<i>Л. А. Аксамитова-Малаш.</i> Ценное исследование о З. Ходаковском	87
<i>О. М. Малевич.</i> «Sborník ževčenkovský»	89
<i>Марта Кырпачева</i> (НРБ). Вклад в славяноведческую библиографию	91
<i>В. П. Гудков.</i> И. В. Арбузова, П. А. Дмитриев, Н. И. Сокаль. Сербохорватский язык	92
<i>Н. Котова.</i> И. Умлепски. Кюстендилский говор	94

З а м е т к и о к н и г а х

<i>Ф. Петров.</i> И. П. Вацек — солдат ленинской гвардии	99
<i>Ф. А. Молок.</i> Josef Smrkovský — Cestmír Amort. Květnové povstání v Praze 1945	100

Б и б л и о г р а ф и я

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в июле — сентябре 1966 г.	100
Содержание иностранных журналов	107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>И. К.</i> Научная сессия, посвященная 1000-летию Польского государства	110
<i>Ф. М. Белецкий, М. В. Галинченко, В. А. Цокобран, В. А. Шадура.</i> VII украинская славистическая конференция	113
<i>Б. В. Н.</i> Конгресс балканистов в Софии	116
<i>Д. Мельцер.</i> В Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина	118
<i>И. В. Созин.</i> На кафедре истории западных и южных славян МГУ	119
<i>И. А. Калоева.</i> О работе Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР в области славяноведения	120

Н а у ч н а я ж и з н ь з а р у б е ж о м

<i>Владимир Матула</i> (ЧССР). Международный симпозиум в Смоленицах	125
<i>Игорь Бэла.</i> <u>Ярослав Ванцилий</u>	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ,
В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора),
Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ,
Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора),
Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ,
Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Л. Я. ГИБИАНСКИЙ

РАССТАНОВКА КЛАССОВЫХ СИЛ В ЮГОСЛАВИИ В 1944—1945 ГОДАХ

Героическая четырехлетняя освободительная борьба югославских народов, завершившаяся к 15 мая 1945 г. полным освобождением всей территории Югославии, привела не только к восстановлению национальной независимости. Она явилась одновременно пародной революцией, осуществившей коренные социальные изменения в стране. Одной из особенностей положения в Югославии в годы второй мировой войны было то, что почти вся югославская буржуазия как класс в той или иной форме сотрудничала с оккупантами. Поэтому борьба против гитлеровской Германии и ее сателлитов очень быстро слилась с борьбой против собственной буржуазии. А разгром фашистских держав означал и поражение прежнего правящего класса.

В огне войны югославские народы, решительно отвергнувшие возврат к старому, порвавшие с политикой эксплуатации, бесправия и национального угнетения, создали новое, государство — Демократическую Федеративную Югославию (ДФЮ), основы которого были заложены историческими решениями II сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), состоявшейся 29 ноября 1943 г. в г. Яйце. Власть в новом государстве сосредоточилась в руках широкого союза антифашистских демократических сил во главе с рабочим классом, объединенных в Народно-освободительном фронте (НОФ). Как и все освободительное движение, НОФ полностью находился под влиянием коммунистов — единственной политической партии, организовавшей и возглавившей борьбу против оккупантов и квислинговцев. Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) вела за собой подавляющее большинство народа, она была инициатором создания нового югославского государства и с самого начала стала его признанным руководителем. Руководящая роль КПЮ была специально отмечена в декларации II сессии АВНОЮ¹. Ведущее положение партии отразилось и на составе высших органов власти. Председателем созданного в г. Яйце Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ) — первого правительства ДФЮ и доверенным по делам народной обороны стал генеральный секретарь КПЮ, верховный главнокомандующий народно-освободительной армии И. Броз Тито, которому было присвоено звание маршала Югославии. Коммунисты заняли в НКОЮ еще ряд важных постов, в частности двух из трех заместителей председателя. Члены КПЮ составили больше половины избранного на сессии Президиума АВНОЮ. Коммунисты возглавляли работу возникших в годы войны народно-освободительных комитетов, ставших органами новой власти на местах.

¹ См.: «Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии». М., 1956, стр. 92.

В отличие от большинства других стран Центральной и Юго-Восточной Европы в Югославии процессы постепенного перерастания народно-демократической революции в социалистическую начались еще в ходе освободительной войны и к моменту ее окончания в основном уже завершались. По классовому характеру сил, стоявших у власти и направлявших политику ДФЮ, это государство к весне 1945 г. характеризовалось основными чертами диктатуры пролетариата. Таким образом, коренной вопрос революции — вопрос о власти был, по существу, уже решен.

Между тем, к концу войны положение несколько осложнилось в связи с соглашениями между НКЮЮ и эмигрантским правительством И. Шубашича (соглашения Тито — Шубашич).

Соглашения Тито — Шубашич, на которые в условиях давления западных союзников руководство народно-освободительного движения пошло в интересах упрочения положения ДФЮ, представляли собой определенный компромисс между новой Югославией и частью югославской буржуазии. КПЮ и НОФ согласились на этот компромисс по нескольким причинам. С точки зрения общей международной обстановки он способствовал укреплению антигитлеровской коалиции и тем самым успешному завершению войны с нацистской Германией. С точки же зрения непосредственно югославских дел соглашения давали освободительному движению ряд серьезных выгод: они значительно укрепляли внешнеполитическое положение ДФЮ и приближали к НОФ те довольно широкие слои населения, которые еще находились под влиянием буржуазии. Закрывая соглашения, руководство КПЮ учитывало также огромные радикальные перемены, происшедшие в стране за время войны, крепость позиций революционных сил, служивших гарантией против реставраторских устремлений контрреволюционной буржуазии².

Вместе с тем югославская буржуазия, потерпевшая поражение в ходе народной революции, получала теперь возможность доступа к власти. В частности, соглашение от 2 ноября 1944 г.³ предусматривало образование единого югославского правительства, куда наряду с представителями НКЮЮ должны были войти и некоторые деятели из правительства Шубашича⁴.

Буржуазные политики и их англо-американские покровители надеялись использовать соглашения Тито — Шубашич для подрыва единовластия НОФ, руководимого Коммунистической партией, для своеобразного раздела власти между трудящимися и буржуазией. Именно так толковал соглашения видный эмигрантский лидер М. Грол, вошедший в объединенное правительство⁵. Но вопреки надеждам западных империалистов и югославской буржуазии, они не смогли поколебать характер установившейся власти и позиции коммунистов в новом государстве.

В своей программной декларации⁶ объединенное Временное правительство, созданное 7 марта 1945 г., провозглашало основой своей деятельности — и на это были вынуждены пойти эмигрантские представители — решения II сессии АВНОЮ. Подтверждались основные завоевания революции — принципы федеративного устройства Югославии и равнопра-

² См.: *Ј. Б р о з Т и т о*. *Говори и члашти*. Књ. III. Загреб, 1959, стр. 437—438.

³ Текст соглашения см.: «Службени лист Демократске Федеративне Југославије», 1945. бр. 11.

⁴ Нужно помнить в виду, что в кабинет Шубашича, заменивший прежние, откровенно реакционные эмигрантские правительства, не были включены наиболее одиозные и скомпрометировавшие себя деятели. В него даже вошел три сторонника народно-освободительного движения (С. Вукосавевич, Д. Марушич, С. Косанович).

⁵ В. Р е т р а н о в и ć. *Političke i pravne prilike za vreme Privremene vlade DFJ*. Beograd, 1964, s. 145, 147.

⁶ Текст декларации см.: «Политика», 10 III 1945.

вия всех ее народов и созданная в ходе освободительной войны «структура народной власти», т. е. система народно-освободительных комитетов. Подчеркивалась необходимость проведения аграрной реформы в интересах крестьянской бедноты, «планового вмешательства государства в организацию и осуществление хозяйственного восстановления и в регулирование всей хозяйственной жизни», осуществления различных социальных реформ.

Надежной гарантией того, что декларация не останется лишь на бумаге, был и сам состав Временного правительства, в котором отразилось ведущее положение КПЮ, по-прежнему руководившей всеми звеньями государственного аппарата новой Югославии. П. Броз Тито занял посты премьер-министра и министра обороны. Член Политбюро ЦК КПЮ Э. Кардель стал вице-премьером и министром по делам Учредительной скупщины⁷. Еще 9 коммунистов возглавили важнейшие министерства: промышленности, горной промышленности, транспорта, финансов, торговли и снабжения, просвещения и другие⁸. 14 мест в правительстве ДФЮ заняли бывшие деятели буржуазных партий и групп и беспартийные, примкнувшие к НОФ. Все они являлись в этот период стойкими союзниками КПЮ, в большинстве активно участвовали в народно-освободительном движении и были членами НКОЮ. Контрреволюционная эмиграция получила всего 3 места: правый лидер сербской Демократической партии М. Грол стал одним из двух вице-премьеров, а представитель Хорватской крестьянской партии (ХКП) И. Шубашич и Ю. Шутей заняли посты министра иностранных дел и министра без портфеля.

С точки зрения реальной роли в управлении страной участие эмигрантских деятелей во Временном правительстве оказалось фикцией. За время своего пребывания в нем они не смогли помешать проведению ни одного сколько-нибудь важного мероприятия. Как раз в этот период был принят целый ряд законов, направленных против экономических позиций буржуазии (конфискация вражеского имущества, изъятие военных прибылей, ликвидация прав на горнопромышленные разработки и т. п.), в результате которых уже в первый год после освобождения в руках народного государства находились 82% всей промышленности, решающие позиции в банковском деле, подавляющая часть оптовой торговли⁹. Осторожные попытки М. Грола выступить под тем или иным предлогом против¹⁰ не давали никакого эффекта. Характерно также, что вскоре после создания объединенного правительства, 11 апреля 1945 г., был заключен советско-югославский Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, подписание которого маршал Тито охарактеризовал на III сессии АВНОЮ как «самый значительный внешнеполитический акт в истории новой Югославии»¹¹, хотя Англия и США,

⁷ Одновременно он был назначен председателем созданного 2 апреля 1945 г. Законодательного совета правительства ДФЮ.

⁸ Сюда следует также добавить Хозяйственный совет ДФЮ, который осуществлял координацию руководства народным хозяйством.

⁹ «V конгрес Комунистичке партије Југославије. 21—28 јула 1948». Стенографске белешке. Београд, 1949, стр. 594, 608; «Уставотворни одбори Савезне скупштине и Скупштине народа». Стенографске белешке. 10 децембар 1945 — 4 јануар 1946. Београд, стр. 189, 190.

¹⁰ «Законодавни рад Претседништва Антифашистичког већа народног ослобођења Југославије и Претседништва Привремене народне скупштине ДФЈ (19 новембра 1944 — 27 октобра 1945)». По стенографским белешкама и другим изворима. Београд, 1951, стр. 233, 245.

¹¹ «Треће заседање Антифашистичког већа народног ослобођења Југославије и заседање Привремене народне скупштине. 7—26 августа 1945». Стенографске белешке. Београд, стр. 57.

стоявшие за спиной эмиграции, были решительно против этого договора и выразили официально 14 апреля свое недовольство¹².

Очень важным было и то, что по соглашению от 7 декабря 1944 г. до Учредительной скупщины законодательную власть продолжало осуществлять АВНОЮ¹³, состоявшее из коммунистов и твердо следовавших за ними деятелей НОФ¹⁴. Что касается Временной скупщины, которая на основании решений, принятых в соответствии с рекомендациями Крымской конференции, должна была быть образована путем включения в АВНОЮ депутатов последней довоенной скупщины, не скомпрометировавших себя сотрудничеством с врагом, то ее удалось создать только в августе 1945 г., и антиреволюционные силы оказались в ней в ничтожном меньшинстве. Именно после абсолютного провала во Временной скупщине Гроз и подал 20 августа в отставку¹⁵. Три регента, номинально представлявшие короля, которому до Учредительной скупщины по-прежнему запрещалось возвращаться в страну, не обладали никакой властью; к тому же двое из них (А. Маидич и Д. Сернец) были участниками народно-освободительного движения.

КПЮ и руководимые ею революционные силы сохранили прежнее, практически монопольное положение во всех федеральных (все шесть федеральных правительств возглавлялись коммунистами) и местных органах власти, в суде и прокуратуре.

Особое значение имело то, что в отличие от ряда других народно-демократических государств, где коммунистам и другим прогрессивным силам пришлось еще в этот период вести серьезную борьбу с реакцией за влияние в армии, в Югославии в ходе народно-освободительной борьбы под непосредственным руководством КПЮ была создана совершенно новая, революционная армия. Ее командные кадры на 90% состояли из рабочих и крестьян, а больше 94% этих кадров составляли коммунисты¹⁶, занимавшие все высшие военные посты. Главнокомандующим по-прежнему был маршал Тито. В каждой части был комиссар-коммунист, в программу идеологического воспитания входило обязательное изучение марксистской литературы¹⁷. 11 тысяч бойцов состояли в 1945 г. в активе агитаторов¹⁸.

Наряду с армией КПЮ контролировала также укомплектованные и руководимые коммунистами органы безопасности и внутренних дел.

Занимая руководящее положение во всех органах государственной власти и вооруженных силах, Коммунистическая партия, завоевавшая огромный авторитет своей самоотверженной, героической борьбой в годы войны, опиралась на горячую поддержку и доверие широчайших масс. Ярким свидетельством тому явился бурный рост КПЮ. В 1941 г., вступая в сражение с фашизмом, она насчитывала лишь 12 тыс. членов, а к моменту окончания войны в ее рядах было больше 141 тыс. человек¹⁹. В тяжелейшее время народно-освободительной борьбы в партию вступило около 180 тыс. новых членов²⁰. Во много раз вырос и Союз коммунистической

¹² D. P l e n ĉ a. Međunarodni odnosi Jugoslavije u toku drugog svjetskog rata. Beograd, 1962, s. 397.

¹³ Соглашение от 7 декабря см.: King Peter II of Yugoslavia. A King's heritage. New York, 1957, p. 242—243.

¹⁴ В частности, новый состав назначенного 31 марта 1945 г. Законодательного комитета Президиума АВНОЮ опять возглавил видный деятель КПЮ М. Пьяде.

¹⁵ Шубашич и Шутей подали в отставку 8 октября 1945 г.

¹⁶ J. Б р о з Т и т о. Там же. Књ. III, стр. 439.

¹⁷ «V конгрес КПЈ», стр. 356.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 162.

²⁰ Около 50 тыс. коммунистов погибло во время войны.— Там же, стр. 154—155.

молодежи Югославии (СКМЮ). КПЮ и СКМЮ объединяли сотни тысяч человек. В конце войны в стране не было ни одного среза (района), в котором бы не действовали партийные организации²¹. Что особенно важно, КПЮ обладала сильными позициями не только в городе, но и в деревне, стала признанным руководителем большей части крестьянства. К концу войны было мало сел, в которых не существовали бы партийные организации коммунистов²².

Помимо того, что КПЮ сама была весной 1945 г. сильной массовой партией, непрерывно увеличивавшей свои ряды, она руководила созданными ею революционными организациями, объединявшими широчайшие слои народа. Партия вела за собой Объединенный союз антифашистской молодежи Югославии (ОСАМЮ), насчитывавший около 1,5 миллиона членов²³, и Антифашистский фронт женщин (АФЖ). Председателем и секретарем ЦК ОСАМЮ были руководители СКМЮ С. Комар и Р. Дугонич. I съезд АФЖ в июле 1945 г. избрал председателем ЦК АФЖ коммунистку С. Бабович. Коммунисты направляли также всю работу созданных весной 1945 г. единых профсоюзов, объединявших к концу года уже больше 662 тыс. человек²⁴. Лидером профсоюзов стал видный деятель КПЮ Дж. Салай.

Первостепенным политическим фактором в Югославии был НОФ, объединявший миллионные массы рабочих, крестьян, интеллигенции, городской мелкой буржуазии. Он представлял собой мощную организацию революционных сил, основу которой составлял союз рабочего класса и трудового крестьянства. Несмотря на некоторые изменения, происшедшие в структуре НОФ весной и летом 1945 г., на чем мы остановимся подробнее несколько позже, Коммунистическая партия по-прежнему полностью направляла его деятельность. Народно-освободительный фронт, пользовавшийся поддержкой подавляющего большинства населения²⁵, являлся важнейшим источником силы КПЮ, ее преобладающего положения в стране. Опираясь на него, она могла успешно парализовать все прощелки реакции.

Вместе с тем, несмотря на прочность позиций КПЮ и серьезные выгоды, даваемые соглашениями Тито — Шубашич народно-демократическому государству, эти соглашения создавали все-таки определенные, порой не столь уж малые трудности в укреплении завоеванной революции и ее дальнейшем развитии.

Во-первых, югославская буржуазия, разгромленная в войне, если и не получила подлинного доступа к власти, то во всяком случае обрела до некоторой степени реальную возможность легальной политической деятельности в стране, что усиливало ее контрреволюционную борьбу.

Во-вторых, используя компромиссный характер соглашений Тито — Шубашич и декларации Временного правительства, противники новой Югославии могли утверждать, будто все созданное революцией, в том числе и народная власть, является лишь временным, что вопрос о будущем страны еще только предстоит решить Учредительной скупщине, а до нее нельзя предпринимать никаких мер, «предопределяющих» основы государственного устройства, политической и экономической жизни.

²¹ «Преглед историје Савеза комуниста Југославије». Београд, 1963, стр. 454.

²² Там же.

²³ «Омладина», 5 X 1945.

²⁴ «Statistički godišnjak FNRJ. 1954». Drugo izdanje. Beograd, decembar 1954, s. 399.

²⁵ Это показали, в частности, результаты выборов в Учредительную скупщину 11 ноября 1945 г., на которых за кандидатов НОФ проголосовало больше 1/3 общего числа избирателей. См.: «Службени лист Демократске Федеративне Југославије». 1945, бр. 92.

Такую демагогическую линию активно проводили Грол и его группа во Временной народной скупщине в августе 1945 г.²⁶

В-третьих, что было более опасно, используя подобное превратное толкование соглашений Тито — Шубашич, правящие круги Англии и США тоже настаивали на «разделении власти» между контрреволюционной буржуазией и руководимым коммунистами НОФ. Это, в частности, выражалось в упорных попытках У. Черчилля вновь протащить пресловутый тезис о соотношении интересов Англии и СССР в Югославии как 50% к 50%²⁷, на чем британский премьер вновь заострял внимание в послании главе Советского правительства И. В. Сталину от 28 апреля 1945 г. Отмечая фактическое единовластие революционных сил, объединенных в НОФ, Черчилль трактовал такое положение как «начало однопартийного режима», нарушающего предусмотренное якобы соотношение 50 : 50²⁸. Иными словами, англичане пытались представить это как невыполнение соглашений Тито — Шубашич, что затем неоднократно повторялось западными представителями, в том числе и на конференции в Потсдаме²⁹. Дело осложнялось тем, что, используя эту версию, западные державы могли угрожать ДФЮ отказом в дипломатическом признании, условием которого было выполнение соглашений. Тем паче, что вплоть до решения Учредительной скупщиной вопроса о государственном устройстве страны, международный статус Югославии и признание со стороны Великобритании и США не были еще окончательными. Сам по себе вопрос дипломатического признания Западом не был так уж важен для ДФЮ, опиравшейся на мощную поддержку Советского Союза. Но у новой Югославии оставалось немало довольно важных неурегулированных проблем, решение которых в значительной степени зависело от позиции Англии и США. А отказ в признании создал бы дополнительные трудности на пути их урегулирования.

Из политических проблем речь шла прежде всего о стремлении правительства ДФЮ добиться пересмотра западных границ Югославии и воссоединения несправедливо отторгнутых после первой мировой войны территорий, населенных в основном югославами (Юлийская Крайна, Коруска и т. д.).

Не менее важными были проблемы экономического характера. После СССР и Польши Югославия понесла наибольшие потери; целые отрасли экономики были совершенно выведены из строя, не хватало предметов первой необходимости, жилищ; многим районам страны угрожал голод. Разоренная Югославия была очень заинтересована в выплате репараций, возвращении вывезенного в США югославского золотого запаса, югославского речного флота, угнанного гитлеровцами и находившегося в западных оккупационных зонах в Германии, морских судов, оказавшихся в руках

²⁶ «Треше заседање АВНОЈ...», стр. 134—137, 153—155, 353; «Rad zakonodavnih odbora Predsedništva Antifašističkog veća narodnog oslobođenja Jugoslavije i Privremene narodne skupštine DFJ (3 aprila — 25 oktobra 1945)». Po stenografskim beleškama i drugim izvorima. Izdanje Prezidijuma Narodne skupštine FNRJ. Beograd, 1952, s. 283—284, 295—296, 465.

²⁷ Эту идею о распределении влияния выдвинул Черчилль, в частности, на переговорах в Москве в октябре 1944 г. По утверждению Черчилля, СССР принял его предложение. В действительности же Советский Союз отверг план британского премьера, решительно осудив империалистическую политику раздела на сферы влияния. Подробнее об этом см.: И. Земсков. О так называемом «разделе» Югославии на «сферы влияния». — «Международная жизнь», 1958, № 8.

²⁸ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I. М., 1957, стр. 345.

²⁹ «Потсдамская конференция руководителей трех великих держав». — «Международная жизнь», 1965, № 12, стр. 145.

Англии. Благоприятное решение этих вопросов было довольно тесно связано с нормальными дипломатическими отношениями между ДФЮ и Англией и США, особенно в условиях, когда последние и без того саботировали справедливые югославские требования³⁰.

Вопрос о признании был связан и с экономической помощью Запада, в которой ДФЮ серьезно нуждалась.

Советский Союз, стремясь помочь Югославии в преодолении трудностей, еще осенью 1944 г. передал для населения Белграда и некоторых других районов больше 50 тыс. тонн зерна и муки, что было особо отмечено маршалом Тито в докладе на III сессии АВНОЮ³¹. Несколько раньше — летом 1944 г. СССР оказал НКЮЮ финансовую помощь³². Весной 1945 г. началось восстановление с помощью СССР белградского моста через Дунай, имевшего большое хозяйственное значение. Экономическое положение страны было значительно облегчено и тем, что в течение 1944—1945 гг. югославская армия получила много оружия от Советского Союза³³. Это не только сильно укрепило обороноспособность ДФЮ, но и избавило Югославию от необходимости затратить в тот момент огромные деньги на вооружение. Но СССР сам переживал серьезные трудности, связанные с восстановлением народного хозяйства, и не мог в тот период оказать Югославии очень большой помощи продовольствием, товарами широкого потребления, транспортными средствами, т. е. тем, в чем она тогда сильно нуждалась. Поэтому ДФЮ была заинтересована и в помощи Запада.

США и Англия не хотели действительно помочь новой Югославии. ДФЮ приложила немалые усилия, чтобы получить необходимые ей средства по ленд-лизу. Но переговоры по этому поводу в конце 1944 — начале 1945 г. оказались безрезультатными ввиду отрицательной позиции США³⁴. Почти единственным источником значительной помощи предметами первой необходимости были с лета 1945 г. поставки Администрации Объединенных наций по вопросам помощи и восстановления (ЮНРРА)³⁵. Однако здесь тоже очень многое зависело от западных держав, которые, занимая в ЮНРРА ведущее положение, под всякими предлогами старались (в частности, летом 1945 г.³⁶) максимально сократить и даже прекратить поставки в Югославию. Разумеется, США и Англия должны были считаться с Советским Союзом, поддерживавшим Югославию в ЮНРРА, и с авторитетом самой ДФЮ, завоеванным героической борьбой югославских народов. Но в случае отказа Запада признать новую Югославию, получение поставок ЮНРРА было бы весьма сомнительным, что, конечно, сильно ухудшило бы и без того очень тяжелое положение страны.

Следовало предусмотреть и то, что под предлогом своей так называемой ответственности за выполнение соглашений Тито — Шубашич —

³⁰ См.: *Ж. Броз Тито. Гонимый члаци. Књ. II, стр. 57—58, 63, 175, 205—206; «Борба», 10 IX 1945; «Уставотворни одбори...», стр. 190, 194.*

³¹ «Треће заседање АВНОЈ...», стр. 53.

³² «История Югославии», т. II, М., 1963, стр. 237; *D. P l e n ċ a, Ibid., s. 244.*

³³ «Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии». Под общ. ред. Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова. М., 1960, стр. 51—52; «Белградская операция». Под общ. ред. Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова, генерал-полковника Югославской Народной Армии Р. Хамовича. М., 1964, стр. 85.

³⁴ *B. P e t r a n o v i ć. Ibid., s. 31.*

³⁵ Помощь ЮНРРА играла серьезную роль; однако, ее, как верно заметил Б. Петранович, ни в коем случае нельзя переоценивать, хотя некоторые западные авторы считали ее чуть ли не основой послевоенного хозяйственного восстановления Югославии. См.: *B. P e t r a n o v i ć. Ibid., s. 31; е го ж е. Помоћ UNRE Jugoslaviji. — «Istorija XX veka». Zbornik radova, II. Beograd, 1961, s. 204—205.*

³⁶ *B. P e t r a n o v i ć. Помоћ UNRE Jugoslaviji, s. 191.*

тезис, активно проповедовавшийся западными союзниками³⁷, — Англия и США могут прибегнуть к прямому вмешательству в югославские дела, тем паче, что уже в мае — июне 1945 г. ДФЮ пришлось столкнуться даже с опасностью военного конфликта во время спровоцированного Западом триестского кризиса.

Хотя Юлийская Крайна и Триест — югославские земли, оказавшиеся после первой мировой войны под властью Италии, были освобождены в конце апреля 1945 г. частями Югославской армии, Запад в оскорбительном тоне потребовал от ДФЮ отвода войск и передачи этих районов под контроль англо-американского командования. Для подкрепления своих требований, вызвавших справедливый протест югославского правительства, Великобритания и США начали с первых чисел мая проводить демонстрацию силы на западных границах Югославии, стягивая туда большое количество войск и боевой техники. Положение день ото дня становилось все напряженнее. Ультиматумы в адрес ДФЮ следовали один за другим. В беседе с Шубашичем в конце мая 1945 г. президент США Г. Трумэн угрожал Югославии «подавляющей силой»³⁸.

Однако, как видно, в частности, из переписки У. Черчилля с командующим союзными силами на Средиземноморье фельдмаршалом Г. Александером, Запад прекрасно понимал, что в случае столкновения ему пришлось бы иметь дело с Советским Союзом, поддерживавшим новую Югославию и связанным с ней договором от 11 апреля 1945 г.³⁹. И это оказывало на Англию и США сильное сдерживающее влияние. Тем более, что в самый разгар англо-американских военных демонстраций, 22 мая, Председатель Совнаркома СССР Сталин направил Трумэну послание, в котором весьма категорически было заявлено о необходимости считаться со справедливыми требованиями Югославии⁴⁰. Текст послания был сообщен также Черчиллю⁴¹. Советское правительство столь же энергично поддержало Югославию и в своих посланиях Трумэну от 8 июня⁴² и Черчиллю от 21 июня 1945 г.⁴³.

Поддержав ДФЮ, Правительство СССР вместе с тем не исключало какого-то компромиссного решения. Серьезное осложнение в отношениях между союзниками не способствовало бы в тот момент ни успешному завершению второй мировой войны, ни развитию революционных процессов в ряде европейских стран, ни, наконец, укреплению положения самой новой Югославии. Поэтому, твердо отстаивая законные права Югославии и категорически отвергая ультимативные действия Запада, ДФЮ и СССР высказались в интересах мира за временное компромиссное урегулирование, приемлемое, однако, для Югославии. В результате 9 июня 1945 г. ДФЮ, США и Великобритания подписали в Белграде военное соглашение о Юлийской Крайне, временно разделявшее эту область на две зоны: западная, включающая и Триест, передавалась под контроль англо-американского командования, восточная оставалась под управлением ДФЮ⁴⁴. Устанавливалось, что в англо-американской

³⁷ См., например: «Потсдамская конференция...» — «Международная жизнь», 1965, № 12, стр. 145; «The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945». Vol. I. Washington, 1960, p. 826—828, 839 etc.

³⁸ «Memoirs by Harry S. Truman». Vol. I. New York, 1955, p. 252.

³⁹ W. S. Churchill. The Second World War. Vol. VI. London, 1954, p. 481, 482.

⁴⁰ «Переписка Председателя Совета Министров СССР ...», т. II, стр. 233—234.

⁴¹ Там же, т. I, стр. 363—364, 365.

⁴² Там же, т. II, стр. 239—240.

⁴³ Там же, т. I, стр. 375.

⁴⁴ Текст соглашения см.: D. P. I e n ĉ a. Ibid., s. 402—403; «Documents on American foreign relations». Vol. VII. Princeton, 1947, p. 914.

зоне будет действовать существующая югославская администрация, т. е. народно-освободительные комитеты, на чем настаивал Советский Союз⁴⁵. Особо оговаривалось, что временная военная оккупация Юлийской Краины не должна иметь никакого отношения к вопросу об окончательном установлении принадлежности этой области.

Триестский кризис показал, что Советский Союз, влияние которого неизмеримо возросло в обстановке разгрома фашизма, а также революционных перемен в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, был мощнейшим фактором предотвращения авантюры империализма. В то же время он показал всю степень опасности со стороны Англии и США. Конечно, в случае с Триестом имел место в немалой мере и шантаж, попытка устрашить демонстрацией силы, о чем свидетельствует и переписка военных и политических деятелей Запада⁴⁶. Но шантаж этот очень быстро достиг той грани, когда могло стать вероятным непосредственное столкновение; западные руководители, как видно, в частности, из распоряжений У. Черчилля и Г. Трумэна, серьезно готовились к прямым военным действиям против ДФЮ⁴⁷.

Кстати, западные державы, и прежде всего Англия, не оставляли попыток вмешаться в югославские дела и после триестского кризиса. Так, одновременно с провоцированием кризиса во Временном правительстве путем его раскола на сторонников Тито и сторонников Шубашича⁴⁸ Черчилль, ссылаясь на невыполнение якобы Крымских решений, потребовал обсудить «югославский вопрос» на встрече «большой тройки» в Потсдаме⁴⁹. Но поскольку добиться открытого раскола в правительстве ДФЮ в тот момент так и не удалось⁵⁰, а из попыток поставить «югославский вопрос» тоже ничего не вышло прежде всего ввиду позиции СССР, считавшего, что ялтинские рекомендации выполняются, и отказавшегося обсуждать что-либо без представителей правительства маршала Тито⁵¹, эта затея потерпела неудачу.

Говоря о периоде народно-освободительной войны после II сессии АВНОЮ, Д. А. Севьян справедливо заметил, что уже тогда судьба революции как внутренняя проблема по существу была предreshена, и все большую актуальность для КПЮ приобретал международный аспект югославской революции⁵². К моменту окончания войны, когда победа в вооруженной борьбе была уже достигнута, когда, как мы видели, революционные силы во главе с коммунистами прочно держали власть, опираясь на горячую поддержку подавляющего большинства населения страны, эта особенность развития югославской революции стала еще нагляднее.

Югославская буржуазия сама по себе не в состоянии уже была серьезно угрожать народно-демократическому строю. Если иметь в виду внутреннее положение, судьба революции была решена. Что касается международного аспекта, то (как показал, в частности, триестский кризис) народно-демократический строй в Югославии пользовался всемерной под-

⁴⁵ «Переписка Председателя Совета Министров СССР...», т. II, стр. 234.

⁴⁶ См.: W. S. Churchill. Ibid., p. 482—483; C. R. S. Harris. Allied military administration of Italy 1943—1945. London, 1957, p. 341.

⁴⁷ См.: W. S. Churchill. Ibid., p. 484; H. S. Truman. Ibid., p. 249—250.

⁴⁸ См. J. Броз Тито. Там же. Кн. II, стр. 34.

⁴⁹ «Потсдамская конференция...» — «Международная жизнь», 1965, № 12, стр. 144—145.

⁵⁰ См.: J. Броз Тито. Там же. Кн. II, стр. 34.

⁵¹ «Потсдамская конференция...» — «Международная жизнь», 1965, № 12, стр. 144—145.

⁵² Д. А. Севьян. Коммунистическая партия во главе народно-освободительной войны и народной революции в Югославии. — «Новая и новейшая история», 1965, № 6, стр. 46.

держкой Советского Союза, которая играла роль важнейшего фактора защиты ДФЮ; западные же державы оказывали на новую Югославию всевозможное давление, стремясь воспрепятствовать коренным демократическим и социалистическим преобразованиям в стране и помочь разгромленной югославской буржуазии⁵³. Давление международного империализма было главной и, строго говоря, единственной опасностью. Не случайно, разрабатывая политическую линию и тактику применительно к новому этапу революционного развития, КПЮ обращала сугубое внимание как раз на внешнеполитическую ситуацию, стремились не допустить прежде всего осложнений в международном положении Югославии⁵⁴.

Это, однако, вовсе не означало, что буржуазия не сохранила известных позиций в стране. На выборах в Учредительную скупщину 11 ноября 1945 г. число бойкотировавших выборы или голосовавших против кандидатов НОФ составило приблизительно $\frac{1}{5}$ общего числа избирателей⁵⁵. Объяснение этому следует искать, во-первых, в экономике и связанной с нею классовой структуре довоенной Югославии, где больше $\frac{3}{4}$ населения было занято в сельском хозяйстве, а почти половина рабочих связана с ремеслом. Мелкобуржуазный элемент преобладал в городе и в деревне. Малочисленный же пролетариат был в большинстве распылен на мелких предприятиях в основном легкой промышленности. Четырехлетний пожар освободительной войны и революции не мог сразу уничтожить всех буржуазных устремлений, взглядов, традиций, создававших почву для политического влияния буржуазии. Во-вторых, резкое национальное неравенство в довоенной Югославии, натравливание одного народа на другой питало националистические и шовинистические настроения, что всячески раздувала и активно использовала в своих целях реакция. Причем особые трудности это создавало прежде всего в тех районах страны, которые были освобождены позже, ближе к концу войны.

Самые сильные позиции буржуазия сохранила в Сербии. Достаточно сказать, что на территории собственно Сербии (без Воеводины и Космета) во время выборов 11 ноября 1945 г. количество избирателей, не принявших участие в голосовании, было самым большим в стране — примерно 23%. А общее число бойкотировавших выборы и голосовавших против кандидатов НОФ составило около $\frac{1}{3}$ избирателей⁵⁶. Серьезные трудности появились сразу после освобождения в Хорватии (особенно в северных районах), где к тому же в течение определенного периода верхушка ХКП во главе с В. Мачеком все еще сохраняла известные позиции среди части крестьянства⁵⁷. Дело усугублялось и большим влиянием в Хорватии, а также в Словении католической церкви, руководство которой вело бешеную подрывную деятельность⁵⁸. Довольно сложной была весной 1945 г. и ситуация на Космете, что явилось предметом обсуждения на I съезде КП Сербии (май 1945 г.)⁵⁹.

Используя сохранившиеся позиции, контрреволюционная буржуазия развернула активную подрывную деятельность, направленную против

⁵³ Характеризуя внешнеполитическое положение ДФЮ в период существования объединенного правительства, И. Броз Тито специально подчеркивал это обстоятельство. См.: *Л. Б р о з Т и т о*. Там же. Кн. III, стр. 440.

⁵⁴ См.: *Е. К а р д е л ј*. Problemi naše socijalističke izgradnje. Knj. I. Beograd, 1954, s. 261.

⁵⁵ См.: «Службени лист Демократске Федеративне Југославије», 1945, бр. 92.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ «Борба», 8 IX 1945.

⁵⁸ Подробно об этом см.: *В. Р е т р а н о в и ć*. Aktivnost rimokatoličkog klera protiv srediđanja prilika u Jugoslaviji (mart 1945 — septembar 1946).— «Istorija u XX veku». Zbornik radova, V. Beograd, 1963.

⁵⁹ См.: *А. Р а н к о в и ć*. Izabrani govori i članci 1941—1951. Beograd, 1951, s. 46—47.

стабилизации ДФЮ. Наряду с клеветнической антинародной агитацией реакция широко использовала саботаж, диверсии и вооруженные террористические банды, насчитывавшие в середине 1945 г. около 12 тыс. человек⁶⁰.

Между тем известное оживление деятельности разгромленной в ходе революции буржуазии, стремившейся использовать в своих целях соглашение Тито — Шубашич, происходило в условиях переориентации и колебаний среди некоторых слоев, следовавших ранее за народно-освободительным движением.

Прежде всего часть средних слоев города и деревни, поддерживавших во время войны КПЮ и НОФ как единственную реальную силу, борющуюся за освобождение Югославии, не была готова идти на продолжение революции, на углубление ее социалистического содержания. Примером может служить выступление в конце 1944 — начале 1945 г. буржуазно-националистической группы во главе с председателем Антифашистского собрания народного освобождения Македонии М. Андоновым-Ченто, которая пыталась под всякими предлогами сорвать меры, направленные против буржуазных элементов, спекулянтов, отстаивала свободу торговли и выступала против проведения в Македонии аграрной реформы. Все это сопровождалось проповедью о «едином», бесклассовом македонском народе, националистическими выступлениями и сепаратистскими требованиями⁶¹. Тенденции к сползанию вправо или, по крайней мере, колеблющаяся, выжидательная позиция были характерны прежде всего для тех слоев средней и мелкой буржуазии, которые примкнули к НОФ уже к концу войны ввиду явной неизбежности победы народно-освободительного движения или под влиянием соглашений Тито — Шубашич.

Колебания проявляла и известная часть трудящегося населения внутри НОФ: сказывался груз буржуазных привычек, традиций, взглядов, тяготивший даже над искренними сторонниками Фронта.

Все это не может и не должно заслонить того, что подавляющее большинство членов НОФ твердо шло за КПЮ, а огромные массы трудящихся, прошедшие школу четырехлетней революционной борьбы, составили к моменту освобождения армию сознательных борцов за победу социалистической революции. Но буржуазия все еще имела определенные позиции и стремилась восстановить и усилить свое влияние среди колеблющихся слоев, особенно среди тех, весьма значительных групп населения, которые в годы войны держались довольно пассивно, а вступили в активную политическую жизнь лишь после победы, не имея опыта и принося с собой мелкобуржуазные навыки и психологию. Это таило в себе довольно серьезную опасность для успешного развития революционных процессов. Тем паче, что укрепление позиций реакции среди сравнительно значительной части населения, в том числе среди трудящихся, если и не могло поколебать господствующего положения сил революции, сплоченных в НОФ под руководством КПЮ, все же давало бы буржуазии несравненно большие возможности для провокационной, подрывной деятельности, для попыток вызвать кризис с целью создания условий для вмешательства Запада. Поэтому руководство КПЮ в качестве одной из важнейших задач считало терпеливую работу среди как неустойчивой части НОФ, так и внефронтовых масс, категорически выступило против всяких

⁶⁰ Ibid., s. 268—269; «V конгрес КПЈ», стр. 706. Одновременно в Италии, в западных зонах оккупации в Австрии и Германии под покровительством Англии и США формировались воинские соединения югославской реакции, которые эмиграция надеялась использовать против ДФЮ. См.: King Peter II. Ibid., p. 289.

⁶¹ См.: L. K o l i š e v s k i. Politički izvještaj SK KPM na I kongresu Komunističke partije Makedonije. Zagreb, 1950, s. 95—96; «V конгрес КПЈ», стр. 331.

проявлений сектантства в Народно-освободительном фронте, ОСАМЮ и других массовых организациях⁶². В борьбе за укрепление НОФ и усиление его влияния партия пошла и на известные изменения в самом Фронте, на образование внутри него ряда буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Война привела к острому кризису старых партий и, в конечном счете, к их распаду. Подавляющая часть буржуазных политических деятелей и в стране и в эмиграции сама сотрудничала с врагом или активно поддерживала коллаборационистов. Некоторые буржуазные политики заняли выжидательную позицию, уповав на приход западных союзников. Лишь очень небольшая группа наиболее левых и патриотически настроенных представителей старых партий приняла участие — одни раньше, другие позже — в народно-освободительном движении, но они выступали там не от имени партий, а как отдельные демократические деятели. В отличие от ряда других стран НОФ в Югославии образовался не как коалиция партий, а как единая организация народно-освободительного движения, руководимая КПЮ. Органы НОФ строились не на паритетной основе, а по принципу единства независимо от партийной принадлежности членов Фронта. На освобожденной территории до начала 1945 г. действовали только НОФ и КПЮ. Известное исключение составляла левая ХКП, созданная в 1943 г. группой функционеров во главе с Ф. Гажи, порвавших с предательской кликой В. Мачека и участвовавших в освободительной борьбе. Между тем соглашение от 7 декабря 1944 г. предусматривало, в частности, свободную деятельность политических партий и групп, не сотрудничавших с врагом. И в течение первой половины 1945 г. в ДФЮ начали открыто действовать несколько различных партий.

Что касается партий, оформившихся вне Фронта и занявших по отношению к нему враждебную позицию, то их официально было две — Демократическая во главе с М. Гролом и Радикальная, предводительствуемая М. Трифуновичем. Фактически это были довольно небольшие группы правых элементов из бывших довоенных партий демократов и радикалов, которым декабрьское соглашение дало возможность легальной деятельности в новой Югославии, хотя группа Грола все еще сохраняла сравнительно серьезное влияние в районах собственно Сербии.

В отличие от упомянутых группировок, образовавших оппозицию, большинство воссозданных буржуазных и мелкобуржуазных партий вошли в НОФ. Это объяснялось, во-первых, тем, что даже некоторые весьма умеренные и правые буржуазные деятели поняли в тот момент невозможность открытого выступления против НОФ, решив сманеврировать и, пользуясь его силой, укрепить свой престиж и влияние, занять определенные позиции в органах государственной власти. К этой тактике тщето пыталась прибегнуть в начале 1945 г. даже реакционная Югославская национальная партия⁶³. Во-вторых, так же, как и в случае с демократами и радикалами, речь шла не о партиях в полном смысле слова, а о небольших группах их бывших лидеров. Значительная же масса бывших членов и сторонников воссозданных партий участвовала в народно-освободительном движении и уже находилась в рядах НОФ, что вынуждало и часть буржуазных политиков присоединиться к Фронту. В-третьих, поскольку, как правило, старые деятели проявили себя во время войны не только как крайние реакционеры, но и как предатели и пособники оккупантов, большинство воссозданных партий оказалось в основном

⁶² См.: *Ж. Б р о з Т и т о*. Там же. Кн. I, стр. 390; «Борба», 8 IX 1945; «Омладина», 7 IX 1945; *A. P a n k o v i ć*. Ibid., s. 45—50.

⁶³ «Глас», 6 III 1945.

в руках демократических элементов. Многие из них участвовали в народно-освободительной борьбе и в, сущности, уже давно находились в НОФ.

Из вошедших в НОФ партий наиболее влиятельной и массовой была левая, разорвавшая с В. Мачеком ХКП, переименованная в конце июня 1945 г. в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию (ХРКП). Она единственная, кроме КПЮ, имела сеть местных организаций. Выражая интересы части трудового крестьянства Хорватии, а также некоторых слоев городской мелкой буржуазии и левой интеллигенции, ХРКП выступала за федеративную «рабоче-крестьянскую республику» и значительные социально-экономические преобразования, за тесное сотрудничество с коммунистами, признавая роль КПЮ как руководителя, зачинателя и вдохновителя освободительной борьбы⁶⁴. Представители партии имели два места в правительстве ДФЮ.

Очень близко к КПЮ стояла и вступившая в НОФ в начале 1945 г. Югославская республиканская демократическая партия (ЮРДП) во главе с Я. Продановичем, министром в правительстве Тито. Она выступала за «политическую социальную демократию», в частности, за национализацию всех основных источников народного богатства⁶⁵. Влияние ЮРДП ограничивалось довольно узким кругом интеллигенции.

Последовательно поддерживала НОФ и вошедшая в него буржуазная Независимая демократическая партия (НДП), за которой шла незначительная часть сербского населения Хорватии и Боснии и Герцеговины. В отличие от ХРКП и ЮРДП с их весьма левыми взглядами не только в области политики, но и в области социально-экономических отношений буржуазных либералов НДП привели в ряды участников освободительного движения и в НОФ последовательные антифашистские убеждения и стойкий патриотизм. Правда, в партии оказались и некоторые реакционные элементы. НДП имела три портфеля в союзном правительстве.

Вступивший в НОФ Союз земледельцев был создан группой деятелей бывшей Земледельческой партии, объявивших о разрыве со старыми реакционными лидерами. В новое руководство вошли многие люди, известные своими левыми взглядами и близостью к коммунистам, подобно заместителю председателя АВНОЮ М. Вуяичу и министру сельского хозяйства в правительстве Тито В. Чубриловичу. Вместе с тем там оказались и некоторые правые деятели вроде вернувшегося из эмиграции Б. Чубриловича. В целом Союз земледельцев, сохранивший известные позиции среди сравнительно ограниченного слоя среднего сербского крестьянства, поддерживал меры, направленные против крупных собственников, выдвигая в качестве основного программного положения принцип частной собственности, «мелкого и среднего землевладения»⁶⁶.

Приблизительно на тех же позициях стояли оформившиеся в НОФ группы членов Демократической партии во главе с видным деятелем народно-освободительного движения, верным союзником коммунистов министром внутренних дел в правительстве ДФЮ В. Зечевичем и министром сербского правительства М. Царевичем и Радикальной партии во главе с Б. Димовичем, выступавшие против Грола и Трифуновича. Первая из них пользовалась немалым влиянием в Сербии.

В феврале 1945 г. в НОФ вступила и Народно-крестьянская партия (НКП) во главе с Д. Йовановичем, проповедовавшим буржуазно-реформистские идеи «крестьянского» «кооперативного» социализма. Йованович, выражавший по существу интересы определенных слоев сельской

⁶⁴ См.: «Slobodni dom», 8 VII 1945; «Борба», 17 VIII 1945.

⁶⁵ См.: «Уставотворни одбори...», стр. 51, 53.

⁶⁶ «Борба», 7 VIII 1945.

буржуазии и зажиточного середнячества, требовал, чтобы за ним признали абсолютное право руководства крестьянством, в то время как коммунистов он рассматривал лишь как представителей рабочих, что проявилось во время его переговоров с КПЮ в 1944 г.⁶⁷ В результате Йованович и его окружение отказались от участия в руководимой КПЮ освободительной борьбе, ожидая прихода западных союзников. Победа заставила их примкнуть к НОФ из опасения растерять всякое влияние и в надежде укрепить свои позиции. Однако Йованович пытался под всякими предлогами проводить курс на «смягчение» классовой борьбы, на «объединение» разных общественных элементов и примирение идеологий⁶⁸, игнорируя коренные социально-политические перемены, происшедшие за годы войны⁶⁹. Он надеялся постепенно увлечь за собой широкие массы крестьян и выступить затем внутри Фронта в роли «второго центра», оспаривая ведущее положение КПЮ⁷⁰. Вместе с тем в НКП имелось и левое крыло во главе с заместителем прокурора ДФЮ Н. Петровичем, министром сербского правительства Ж. Джермановичем и другими. Его влияние в партии непрерывно росло.

С позицией Йовановича перекликалась позиция И. Шубашича, который, понимая бесперспективность реакционной политики старых партий, видел спасение в том, чтобы либеральная буржуазия, отмежевавшаяся от реакции, постаралась постепенно отделить народные массы в освободительном движении от КПЮ⁷¹. Поэтому Шубашич тоже стал на какой-то момент сотрудничать с НОФ.

Руководство КПЮ прекрасно понимало действительные намерения оказавшихся в Народно-освободительном фронте антинародных элементов. На I съезде КП Сербии в мае 1945 г. подчеркивалось, в частности, что Д. Йованович «вступил во Фронт из спекулятивных соображений»⁷². Тем не менее партия пошла на это, а также на введение некоторой коалиционности в руководящих органах НОФ. Это нашло отражение на состоявшемся 5—7 августа 1945 г. в Белграде I съезде Фронта, который объединил существовавшие отдельно фронтовские организации шести федеральных частей ДФЮ в общегославскую организацию, названную Народный фронт Югославии (НФЮ). Принятый съездом устав⁷³, подтверждая существование в НФЮ партий, групп и массовых организаций⁷⁴, предусматривал, что каждая из них делегирует в Союзный комитет Народного фронта наряду с его членами, избранными обычным порядком, по одному представителю. В исполком НФЮ, избранный на съезде, также вошли представители всех его партий.

Образование внутри Народного фронта ряда партий имело большое значение в политической борьбе 1945 г. — борьбе за окончательную внутреннюю и международную стабилизацию новой Югославии.

С внешнеполитической точки зрения это было серьезным противоречием шумной кампании, проводившейся эмиграцией и правящими кругами западных держав по поводу «однопартийного режима» и «коммунистической диктатуры», якобы нарушающих соглашения Тито — Шубашич.

⁶⁷ См.: I. R i b a r. Uspomene iz narodnooslobodilačke borbe. Beograd, 1961, s. 22.

⁶⁸ См.: «Глас», 13 III 1945.

⁶⁹ См.: «Политика», 11 III 1945; «Борба», 13 III 1945.

⁷⁰ Это проявилось наглядно уже в Учредительной скупщине. См.: «Уставотворни одбори...», стр. 27—35.

⁷¹ См.: D. P i e n ċ a. Ibid., s. 284—285.

⁷² A. R a n k o v i ć. Ibid., s. 48.

⁷³ См.: «Основна организациона начела Narodnog fronta Jugoslavije». — «Борба», 7 VIII 1945.

⁷⁴ В НФЮ входили профсоюзы, ОСАМЮ, АФЖ, а также еще несколько незначительных партий и групп помимо тех, что уже упоминались.

Создание ряда партий доказывало на деле, что КПЮ готова сотрудничать со всеми антифашистскими силами, которые признают революционные перемены, происшедшие в годы народно-освободительной войны, в качестве основы развития Югославии.

С точки зрения ситуации в стране присоединение к Народному фронту ряда буржуазных и мелкобуржуазных партий раздробляло, во-первых, буржуазные силы, не дав реакции сколотить единый блок контрреволюции в очень важный и ответственный период лета и осени 1945 г. Во-вторых, укрепляло и активизировало внутри Народного фронта тех приверженцев присоединившихся партий, которые являлись искренними его сторонниками, но в глазах которых авторитет партийных лидеров, даже таких, как Д. Йованович, все еще был довольно высок. На это специально обращалось внимание на I съезде КП Сербии ⁷⁵.

Одновременно присоединение партий в известной степени предотвращало или, во всяком случае, замедляло в течение определенного времени отход от Народного фронта массы колеблющихся. На них действовал сам факт присутствия в рядах Фронта их «традиционных» партий и, в частности, таких фигур, как И. Шубашич, Д. Йованович, Б. Чубрилович и др. Вступление в Народный фронт партий делало его более близким и для тех довольно еще значительных слоев крестьянства и городской мелкой буржуазии, которые относились к нему недоверчиво и даже враждебно. Это, в частности, играло важную роль в Сербии, а особенно в Хорватии, где сравнительно большое влияние ХРКП помогло в ряде случаев серьезно ослабить воздействие В. Мачека и католической церкви.

Наряду с этими значительными выгодами изменения, происшедшие в Народном фронте в 1945 г., не смогли поколебать и ведущего положения в нем КПЮ.

Прежде всего в руководстве большинства воссозданных и присоединившихся к Народному фронту партий преобладали, как уже отмечалось, демократические элементы, искренне шедшие с коммунистами. Затем, влияние этих партий, представлявших собой в основном лишь небольшие группы руководящих деятелей без аппарата, местных организаций и постоянного членства, не шло ни в какое сравнение с огромным влиянием и авторитетом массовой, хорошо организованной КПЮ, открытое выступление против которой грозило им в тот момент дискредитацией, исключением из Народного фронта, провалом всяких надежд на занятие каких-то позиций. В отличие от некоторых других стран народной демократии партии, находившиеся в НФЮ, в том числе и НКП, должны были публично признать на I съезде Фронта главенствующую роль коммунистов ⁷⁶.

Следует отметить, что лишь одна КПЮ была общегославской партией, а все остальные действовали в какой-нибудь одной национальной области, за пределами которой они уже не имели никакого влияния. Это — одна из причин, почему в Югославии не было, в частности, и сколько-нибудь крупной крестьянской партии, способной соперничать с коммунистами в масштабах всей страны как внутри, так и вне Фронта, что имело место в ряде других стран. Партии же, действовавшие в отдельных районах, не могли договориться ввиду противоречий между буржуазией различных национальных областей. Примером может служить хотя бы позиция руководства ХКП, отвергнувшего в конце августа 1944 г. предложение Б. Чубриловича о коалиции с земледельцами ⁷⁷. К тому же — и это было крайне важно — рабочий класс Югославии не был расколот, как

⁷⁵ См.: А. Ranković. Ibid., s. 48.

⁷⁶ См.: «Борба», 7 VIII 1945.

⁷⁷ D. Plečiča. Ibid., s. 304.

в других странах. Во время войны почти все социал-демократические вожаки оказались в лагере пособников фашистских оккупантов, а лидер партии Ж. Топалович стал даже председателем созданного четническим главарем Д. Михайловичем так называемого «Центрального национального комитета» и при отступлении гитлеровцев бежал на Запад. И хотя после освобождения некоторые социалистические деятели публично осудили старое руководство и вступили в Народный фронт, они не смогли завоевать решительно никакого политического влияния. Наконец, КПЮ безраздельно руководила массовыми организациями (профсоюзы, ОСАМЮ, АФЖ), составлявшими основу НФЮ. А попытки некоторых руководителей буржуазных партий, в частности Д. Йовановича, создать, например, свои молодежные организации, провалились ⁷⁸. Что же касается элементов коалиционности, то она вводилась только в отношении высших органов НФЮ. Фронт по существу был, как и прежде, единым, а не коалицией партий. Его местные организации также оставались едиными на основе индивидуального членства. Всей их работой по-прежнему руководили коммунисты. Коммунисты и их стойкие союзники составляли также подавляющее большинство в избранных на I съезде высших органах НФЮ, в том числе в исполкоме и секретариате. И. Броз Тито занял пост председателя Народного фронта Югославии ⁷⁹.

Принятая съездом программа НФЮ ⁸⁰, в которой выдвигались требования демократической федеративной республики с широким участием народа в органах власти, планового хозяйства и усиления государственного сектора, глубокой аграрной реформы и развития массового кооперативного движения, была в сущности конкретизацией политической линии КПЮ, направленной на закрепление революционных завоеваний и дальнейшее развитие социалистических преобразований не только в области политических, но и социально-экономических отношений. «Народный фронт,— подчеркивалось в программе,— считает, что для укрепления и дальнейшего строительства демократического строя в стране нужно не только развитие демократических форм, но и то, чтобы материальные средства власти оставались и дальше в руках трудовых слоев народа (выделено нами.— Л. Г.): именно в этом существо демократического переворота, который явился результатом народного восстания».

Опираясь на завоеванные позиции внутри страны и поддержку СССР на международной арене, Коммунистическая партия Югославии и руководимые ею революционные силы полностью довершили разгром буржуазной контрреволюции. Реставраторским устремлениям реакции было нанесено сокрушительное поражение сначала во Временной народной скупщине (август 1945 г.), а затем на выборах в Учредительную скупщину, которая 29 ноября 1945 г., ровно два года спустя после II сессии АВНОЮ, провозгласила Югославию Федеративной Народной Республикой. Но эти сюжеты требуют специального рассмотрения и выходят за рамки данной статьи, цель которой — проследить расстановку и позиции классовых сил в результате народно-освободительной войны, определившие исход всей острой политической борьбы 1945 г.

⁷⁸ «V конгрес КПЈ», стр. 391.

⁷⁹ «Борба», 8 VIII 1945.

⁸⁰ См.: «Основна програмска начела Народног фронта Југославије». — Там же.

В. П. МАТЕЕВ

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В СССР И КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ В БОЛГАРИИ В 30-х — НАЧАЛЕ 40-х ГОДОВ

Болгарские трудящиеся восторженно встретили весть о Великой Октябрьской социалистической революции. Они принимали участие в героической борьбе прогрессивных сил всего мира, направленной на защиту молодого Советского государства. С большим интересом следили болгарские трудящиеся за каждым последующим шагом в жизни советского народа, прокладывавшим путь к социализму.

Внимание трудящихся крестьян Болгарии было приковано к развернувшейся коллективизации советской деревни, к строительству крупных механизированных сельских хозяйств, вооруженных современной техникой. Этот интерес понятен. Ведь согласно официальным статистическим данным в 1934 г. только 10,7% хозяйств в Болгарии имели наделы свыше 10 га и владели 33% земли (из них 0,1% имели свыше 50 га и владели 1,6% земли). В то же время свыше 60% хозяйств имели менее 5 га и владели 30% земли¹.

Болгарская коммунистическая партия даже в условиях жестокого террора широко популяризировала в стране успехи колхозного строительства в Советском Союзе. Пропаганду колхозного строя Болгарская коммунистическая партия всегда связывала с конкретной борьбой трудящихся крестьян Болгарии. Важную роль в этом отношении играли сельские комитеты (СК)², которые создавались по инициативе БКП в начале 30-х годов из бедняков и середняков для защиты их непосредственных экономических интересов. Комитеты проводили в селах собрания, на которых сравнивалось положение болгарских крестьян с положением крестьян в советских колхозах, и болгарские крестьяне призывались последовать их примеру. Так, например, уже один из первых призывов Центрального комитета СК, в котором излагались требования, вокруг которых сельские комитеты должны были проводить разъяснительную работу и мобилизовывать крестьянские массы на борьбу против власти буржуазии, содержал требование о необходимости пойти по пути советских колхозников. Призыв заканчивался лозунгом: «Да здравствует коллективизация!»³.

На собраниях крестьян, в народных читальнях, на общесельских и молодежных собраниях, на конференциях болгарские крестьяне знакомились с успехами колхозного строительства в СССР. В архиве

¹ «Статистически годишник на Царство България за 1941 г.», София, 1942, стр. 203.

² Во главе Центрального комитета сельских комитетов стоял пламенный народный трибун Лазар Станев.

³ «Народният трибун Лазар Станев». Избрани речи и статии. Спомени на съвременници. София, 1954, стр. 116.

полицейские сохранились многочисленные листовки партийных и других политических и массовых организаций, свидетельствующие о широкой пропаганде в стране успехов социалистического строительства в советской деревне⁴. В одном из полицейских донесений говорилось, что эти листовки «призывали к изменению политического и экономического строя государства...»⁵.

В этой пропаганде активно участвовала парламентская группа Трудового блока (1931—1934) в Народном собрании, за что не раз реакционное парламентское большинство удаляло ее с заседаний. Например, депутат Лазар Станев в своей речи о проекте бюджета министерства земледелия на 1933 г. подробно говорил о механизации советского сельского хозяйства, об увеличении сельскохозяйственной продукции и доходов колхозников, подчеркивая, что это стало возможным потому, что «в Советском Союзе нет больше границ и меж. Там земля обрабатывается коллективно, а коллективная обработка земли дает гораздо большие результаты, увеличивает продукцию»⁶.

Подробные информации о колхозном строительстве в СССР публиковались в легальной партийной и прогрессивной кооперативной печати. Вот для иллюстрации несколько заглавий статей из газеты «Поглед»: «Как устроены колхозы?», «Русский мужик становится колхозником», «Преимущества колхозной системы», «Машинно-тракторные станции в СССР», «Путь советской деревни», «Путь колхозов — единственно правильный путь», «Коллективизация на Северном Кавказе»⁷. Уже в одном из первых номеров газета «Поглед» писала: «Взоры всего мира обращены на широкие поля Советского Союза, где миллионы рабочих и крестьян прилагают все усилия для осуществления одной из самых великих задач современного человечества: коллективизации и механизации сельского хозяйства в целом»⁸. В специальной рубрике «Социализм на практике» другой легальной партийной орган газета «Эхо» также информировала о достижениях социализма в СССР, в том числе и о достижениях колхозного строя. Газета знакомила читателей с организацией колхозов и их жизнью. «СССР становится все более привлекательным для всех эксплуатируемых и угнетенных капиталом»⁹, — подчеркивалось в одной из ее статей.

Подобные же материалы помещались и в других прогрессивных газетах. Так, газета «София» опубликовала информацию о съезде колхозников в 1936 г. и поместила фотографию президиума съезда¹⁰. Газета «Последна пошта» сообщала о мероприятиях Советской власти по укреплению личного хозяйства колхозников¹¹.

В 1935 г. буржуазная газета «Утро» поместила серию корреспонденций Н. Т. Балабанова из Советского Союза, в которых подробно и объективно рассказывалось о колхозном строительстве в СССР¹². В одном рапорте полицейского агента в Дирекцию полиции с большой тревогой сообщалось, что тираж газеты в результате широкого интереса к этому материалу возрос на 7000 экземпляров¹³.

⁴ Централен държавен исторически архив (далее ЦДИА), ф. 370, оп. 2, ед. хр. 169, л. 10, 35 и др.; ед. хр. 172, л. 35, 40 и др.; ед. хр. 186, л. 11.

⁵ Там же, ед. хр. 169, л. 9.

⁶ «Народният трибун Лазар Станев», стр. 183.

⁷ «Поглед», 23 I 1931, 22 II, 1 и 30 XI 1931; 2 I и 2 IV, 15 и 22 X 1932 и др.

⁸ «Поглед», 23 I 1931.

⁹ «Эхо», 5 X 1933.

¹⁰ «София», 8 IV 1936.

¹¹ «Последна поща», 27 IV 1936.

¹² «Утро», 6 II 1935.

¹³ ЦДИА, ф. 370, оп. 4, ед. хр. 78, л. 3.

Целую страницу посвятила «кооперации в стране строящегося социализма»¹⁴ газета «Кооперативна трибуна» (орган так называемой кооперативной оппозиции, направляемой БКП).

Сравнивая положение советского колхозника с положением дореволюционного крестьянина, газета «Кооперативно знаме» отмечала: «Сегодняшний колхозник в России не похож на прежнего темного неграмотного крестьянина — мелкого хозяйчика в царской России... Коллективный способ производства создает из колхозников новых людей с широким разносторонним кругозором. Прежняя мелкособственническая психология и ограниченность единоличника уже чужды советскому колхознику, который живет в более хороших материальных и культурных условиях»¹⁵.

На значение опыта советских колхозов для организации кооперативной обработки и хозяйственного использования земли в Болгарии указывалось в статье Б. Патева, помещенной в журнале «Кооперативно дело». В статье делался вывод, что болгарское земледелие могло идти вперед только через кооперативную обработку земли и кооперативное хозяйство»¹⁶.

Интерес болгарских трудящихся крестьян к колхозному строительству выразился и в посылке рабоче-крестьянских делегаций в Советский Союз. Большим событием для всех был отъезд летом 1931 г. в СССР первого делегата болгарских рабочих и крестьян, секретаря Центрального комитета Рабочей партии Петко Напетова. Газета «Эхо» писала, что он поехал в СССР, «чтобы увидеть на месте грандиозное социалистическое строительство русских рабочих и крестьян и чтобы по возвращении иметь возможность яснее и нагляднее рассказать болгарским рабочим и крестьянам о достижениях русских братьев»¹⁷.

После возвращения П. Напетов развернул еще более энергичную деятельность по популяризации социалистического строительства в Советском Союзе. Хотя полиция запрещала ему выступать на массовых собраниях и даже арестовывала его, он все же на уличных сходках не раз рассказывал о своей поездке в СССР и опубликовал ряд страстных статей о грандиозном строительстве социализма, которое осуществляли русские рабочие и крестьяне¹⁸. Напетов написал и восторженную книгу о стране строящегося социализма, которая выдержала несколько изданий¹⁹. Подобную же работу проводил и ряд других рабоче-крестьянских делегатов, побывавших в Советском Союзе²⁰.

Популяризации советского колхозного строительства среди трудящихся Болгарии во многом способствовал и установившийся контакт потребительской кооперации «Съгласие» в Софии с советской кооперацией²¹.

¹⁴ «Кооперативна трибуна», 2 VII 1933.

¹⁵ «Кооперативно знаме», 1 VIII 1940.

¹⁶ Б. П а т е в. За кооперативно стопанисване на земята. — «Кооперативно дело», 1939, № 5.

¹⁷ «Эхо», 16 IV 1931.

¹⁸ Л. П а н а й о т о в. Петко Напетов (биографичен очерк). София, 1956, стр. 31—37.

¹⁹ П. Н а п е т о в. В страната на строящия се социализъм. Впечатления на първия български работническо-селски делегат от посещенията му в Съветския Съюз през 1931 година. София, 1932, 64 стр.

²⁰ В. Х а д ж и н и к о л о в. Стопански отношения и връзки между България и Съветския Съюз до Девети септември (1917—1944). София, 1955, стр. 113—114.

²¹ Кооперация «Съгласие» была создана в 1932 г. Среди ее учредителей были секретарь ЦК Рабочей партии Петко Напетов, видный пропагандист марксизма-ленинизма в Болгарии Георгий Бакалов, такие известные партийные работники, как Мито Станев, Мпнчо Нейчев, д-р Иван Пашов, Тодор Павлов и др. Только за один год в кооперацию

В 1933 г. при кооперации «Съгласие» было учреждено представительство советского «Интуриста» в Болгарии. Основной его задачей была организация групповых и одиночных выездов в СССР. Скоро представительство было завалено просьбами желающих «ознакомиться поближе со страшной Советов»²². Показательно в этом отношении письмо одного крестьянина из села Ветреп Казанлыкской околии: «Сейчас мне 55 лет,— писал он.— Осталось прожить еще немного. Прежде чем умереть я хочу увидеть Советский Союз. Скажите мне, сколько денег нужно готовить. Я готов продать часть земли, волов, дом, чтобы поехать»²³. В 1936 г. через это представительство была организована поездка в Советский Союз первой кооперативной делегации, что дало новый толчок дальнейшему развитию кооперативного движения в Болгарии, способствовало расширению влияния советской кооперации на болгарское кооперативное движение²⁴.

Вопреки препятствиям монархо-фашистской власти, представительство «Интуриста» в Софии проводило большую работу по распространению советских печатных материалов, в которых пропагандировались хозяйственные и культурные достижения в СССР, публиковались проспекты и фотоснимки, среди которых были фотоснимки советских сел, колхозов, совхозов и МТС. Многие из этих материалов попали в руки болгарских крестьян, которые с интересом и любовью читали их, разглядывали фотоснимки, восхищаясь успехами советских колхозников. «Пришлите нам 20—30 проспектов,—писали из Чирпап,—для распространения в селах и общественных местах города»²⁵.

Особенно много сделал для популяризации советского колхозного строя Лазар Станев, который трижды побывал в СССР. В своих выступлениях он горячо рассказывал о том, как живут и работают советские крестьяне в колхозах и совхозах, каковы плоды их труда, отмечал дружеские отношения крестьян с рабочим классом и ту помощь, которую оказывает им Советское государство²⁶.

С большим интересом в 1935—1936 гг. болгарская общественность встретила доклады и статьи профессоров Асена Златарова и Дончо Костова. Златаров был крупнейшим ученым химиком и биологом и в то же время активным общественно-политическим деятелем, сторонником единого фронта. Летом 1935 г. при содействии представительства «Интуриста» в Софии он посетил Советский Союз для того, чтобы принять участие в съезде физиологов в Ленинграде. Проф. Д. Костов в течение ряда лет (1932—1939 гг.) работал в сельскохозяйственных институтах Академии наук СССР и в других советских научных учреждениях. Это дало ему возможность хорошо узнать жизнь Советского Союза, изучить сельскохозяйственную науку и организацию колхозов и совхозов. Находясь в Болгарии в 1936 г., он пропагандировал достижения Советского Союза²⁷.

Донесение, направленное полицейским агентом в Дирекцию полиции, ярко отражает ту обстановку, в которой проходили публичные выступле-

вступило более 600 человек из столицы и провинции. См.: Т. Д а н а и л о в. Една историческа справка.— «Народна кооперация», 1957, № 8.

²² ЦДИА, ф. 370, оп. 4, ед. хр. 43, л. 62—68, 99—101, 104—105, 114—116 и др.; «Заря», 25 X 1933.

²³ «Эхо», 31 III 1934.

²⁴ С. Я н е в. Българската кооперация в условията на капитализма и работата на БКП в кооперативното движение.— «Ново време», 1957, № 7.

²⁵ ЦДИА, ф. 370, оп. 4, ед. хр. 43, л. 190.

²⁶ Р. В и д и н с к и. Лазар Станев — непоколебим борец за единство между селяни и работници.— В сб.: «Народният трибун Лазар Станев», стр. 30—31.

²⁷ И. Ч о л а к о в. Асен Златаров. София, 1960, стр. 87—89; Д. К о с т о в. Библиографски принос от Д. Циков и М. Стойлов. София, 1959, стр. 28.

ния Д. Костова. В нем говорится, что 2 февраля 1936 г. Болгарское земледельческое общество организовало в зале народной читальни «Славянска беседа» доклад проф. Д. Костова о советской сельскохозяйственной науке. Собрание было назначено на 10 часов утра, но «уже в 9 часов зал был переполнен». «Хотя все места были заняты,— продолжает агент,— непрерывно подходили новые посетители. Были заполнены все свободные места как в зале, так и на балконах и в коридорах. На собрании присутствовало 1000 человек»²⁸.

Почти два часа, приводя цифры и многочисленные примеры, проф. Костов рассказывал о развитии советской сельскохозяйственной науки, о ее связи с колхозами и совхозами и о том, как заботится Советская власть о развитии науки и народного хозяйства. «Я боюсь, что я не смог дать точной, полной и ясной картины того, что сделано и делается в Советском Союзе,— сказал Д. Костов,— потому что у меня нет возможности рассказать обо всем, что я видел, пересекая из края в край необъятную территорию Советского Союза, и отразить тот прогресс, который удивил меня. Вы убедитесь в правоте моих слов и в том, что я не все сказал только тогда, когда приедете туда и увидите своими глазами». Его слова, отмечает полицейский агент, были прерваны бурными аплодисментами. А на улице перед залом проф. Костов был окружен многочисленной группой людей, которые просили его повторить свое выступление, так как многие желающие не смогли попасть в зал²⁹.

Профессор Асен Златаров написал целую серию восторженных статей о своих впечатлениях от поездки в страну Советов, которые впоследствии были изданы отдельным сборником³⁰, вызвавшим широкий интерес болгарской общественности. Ряд прогрессивных общественно-политических и культурных деятелей сумели, несмотря на цензуру, опубликовать в газетах положительные рецензии на эту книгу³¹, что еще более увеличило ее популярность в стране.

В правильном освещении в Болгарии социалистического строительства в СССР принял участие и видный общественный деятель, сторонник единого фронта, д-р Никола Сакаров, который после длительных идейных шатаний в последние годы своей жизни снова встал на прогрессивные демократические позиции. В 1939 г. по приглашению Советского правительства он посетил СССР и после возвращения выступил с докладами о впечатлениях от этой поездки. Никола Сакаров дал высокую оценку изменениям, которые произошли в России во всех областях жизни за годы Советской власти. Некоторые его статьи были запрещены фашистской цензурой³².

Большую роль в пропаганде успехов колхозного строительства в СССР сыграли Пловдивская международная ярмарка и Международная выставка образцов товаров в Варне летом 1940 г. Советскому Союзу на Пловдивской ярмарке были предоставлены два небольших помещения, в которых удалось разместить только фотоснимки, схемы и диаграммы о колхозном строительстве. Несмотря на это в советских павильонах постоянно толпились желающие узнать побольше об СССР. Настроение посетителей хорошо отражают книги отзывов из советского павильона на ярмарке. «Можно только пожелать, чтобы и наша страна пошла по

²⁸ ЦДИА, ф. 370, оп. 1, ед. хр. 481, л. 2.

²⁹ Там же, л. 5.

³⁰ А. З л а т а р о в. В страната на Съветите. Т. I. София, 1936, 232 стр.

³¹ «Дъга», 18 IV 1936; «Ведрина», 14 VII 1936; «Нова камбана», 13 VIII 1936; «Час», 19 IX 1936; «Научна мисъл», 1936, № 24 и др.

³² ЦДИА, ф. 11, оп. 1, ед. хр. 1885.

этому пути!», «С правом вся Болгария говорит только о советском павильоне. Держайте!», — писали посетители³³.

Советский павильон на Варненской выставке также вызвал исключительный интерес. Его посетило более 135 тысяч человек. Шесть больших тетрадей были исписаны отзывами, в которых болгарские трудящиеся выражали свое восхищение грандиозными успехами своих советских братьев.

Вернувшиеся с Пловдивской ярмарки и Варненской выставки крестьяне долго и с восторгом рассказывали односельчанам о советских колхозах и выражали надежду, что и болгарское сельское хозяйство станет быстро развиваться, если болгарские крестьяне пойдут по пути своих русских братьев — советских колхозников. Этот путь — единственный спасительный путь для всех трудящихся крестьян³⁴.

Выставленный на Варненской выставке трактор был закуплен сельскохозяйственным кооперативом села Веселиново Ямболской околии. «Шествие» трактора от Варны до с. Веселиново с надписью «Октябрьская революция» превратилось в яркую демонстрацию болгаро-советской дружбы. Много крестьян приходило из окрестных сел в село Веселиново для того, чтобы посмотреть на мощную советскую машину. Еще больший восторг и радость вызвал трактор у крестьян в тот момент, когда к нему был прицеплен плуг и он начал прокладывать первые глубокие борозды на кооперативной земле³⁵. Этот трактор сохранился до сегодняшнего дня и стоит в музее кооператива в селе Веселиново.

Широкая пропаганда опыта колхозного строительства в СССР, проводимая БКП, сыграла решающую роль в ориентации самой передовой части болгарского крестьянства на кооперативное земледелие и в разрывании в конце 30-х — начале 40-х годов активного движения за кооперативную обработку земли и кооперативное ведение хозяйства.

Первые опыты кооперативной обработки земли в Болгарии связаны с появлением в конце XIX — начале XX в. кредитной и потребительской кооперации, возникших среди крестьян как ответ на притеснения со стороны ростовщического и торгового капитала. Но до середины 30-х годов эти опыты были безуспешными. Причины этого кроются прежде всего в самом капиталистическом строе и особенно в характере капитализма в Болгарии. Болгарскому государству и классу капиталистов эксплуатацию болгарской деревни было легче осуществлять при наличии мелких крестьянских хозяйств. Государство не оказывало никакой помощи кооперативным хозяйствам и даже создавало трудности в деятельности кооперативов. Буржуазные эконоимисты всевозможными способами пытались доказать преимущества мелкого крестьянского земледелия перед крупным. Так, например, в докладе Съезду болгарской кооперации в 1927 г. говорилось: «Сам факт, что наше сельское хозяйство мелкое, раздробленное и трудовое не только не печален, но во многих отношениях радостен. Не беда, что наше земледелие мелкое, напротив, это преимущество»³⁶.

Неуспех первых попыток кооперативного хозяйствования объясняется также и тем, что их предпринимали преимущественно бедные крестья-

³³ «История Болгарии», т. II. М., 1955, стр. 244.

³⁴ В. Х а д ж и н и к о л о в. Там же, стр. 216—219.

³⁵ Письмо ТКЗХ «Г. Димитров» в с. Веселиново Ямболской околии Харьковскому тракторному заводу, написанное в августе 1959 г., хранящееся в архиве кооператива; Воспоминания руководителя кооператива С. Сюлемезова см.: «Народна младеж», 1 VI, 5 п 15 XI 1959.

³⁶ А. Г е ц о в. Нашето селско стопанство и кооперацията — средства за рационализирането му. София. 1927, стр. 8.

яне, у которых было мало земли, почти отсутствовал сельскохозяйственный инвентарь и рабочий скот. Поэтому созданные хозяйства были мало-земельными и не имели средств для покупки современного сельскохозяйственного инвентаря. Крестьяне не имели никакого опыта в деле руководства и организации практической работы в кооперативах.

В 30-е годы кооперативный сектор, как самостоятельный и значительный, стал оформляться во всех областях народного хозяйства. Были созданы и развернули свою деятельность 48 сельскохозяйственных кооперативов, располагавших 6000 га земли. В них состояло 3000 семей. Эти кооперативы сохранились до победы 9 сентября 1944 г. Во многих селах предпринимались попытки по созданию кооперативов, оформлялись группы желающих обрабатывать землю и вести хозяйство кооперативно. Только в тогдашних Врачанской и Плевенской областях подобные попытки были предприняты в более чем 40 селах³⁷. В кооперативном движении все более укреплялось влияние БКП, преодолевшей левосектантский уклон и принявшей на вооружение новый ленинский курс. Этот курс обеспечил завоевание доверия масс и дал возможность направить их борьбу по правильному пути. При Центральном комитете партии была создана специальная кооперативная комиссия. Подобные комиссии были созданы и при окружных комитетах. Большинство искренних приверженцев кооперативного земледелия и прежде всего коммунисты и пахотящиеся под их влиянием кооперативные деятели правильно понимали, что только организация сельскохозяйственного производства на кооперативных началах не может ликвидировать язв капиталистического строя в болгарской деревне. Они рассматривали кооперативы как одно из средств борьбы с капиталистическими недугами, которое может привести к некоторому облегчению положения крестьянских масс еще в рамках капиталистического строя, как способ воспитать трудящихся в революционном духе.

Один из самых активных партийных деятелей кооперативного движения Илья Бояджиев писал, что в кооперативе «капиталист и сельский туз не могут играть роль „благодетелей“, „доброжелателей“, „спасителей“, которые кормят народ. Там происходит очищение от омерзительной рабской психологии, которая рождается в голове зависимой от капиталистов „райи“ в результате их экономических взаимоотношений. Одним словом, крестьянин-труженик становится человеком. А как только он станет человеком, мы уже сможем сказать ему, и он поймет это, какое устройство жизни будет лучше»³⁸.

Коммунисты предупреждали, что являются несбыточными надежды тех кооперативных деятелей, которые вообразили будто возможно через одно кооперирование заменить капитализм другим общественным строем, ликвидировать классовые противоречия и решить аграрный вопрос в стране. «Основные проблемы нашего села,— писал тогда Т. Черноколев,— можно разрешить только на новой основе, которая явится результатом существенных социальных преобразований. На базе существующей экономической системы нельзя создать социалистических сельских хозяйств, и все мечтатели, которые не хотят понять этой элементарной экономической истины, увидят в самом ближайшем времени полное крушение своих надежд»³⁹.

В то же время болгарские коммунисты понимали, что даже в условиях капитализма кооперативные земледельческие хозяйства имеют ряд преимуществ.

³⁷ Подсчитано автором по различным материалам архивов и литературе.

³⁸ ЦДИА, ф. 264, оп. 3, ед. хр. 2864, л. 170.

³⁹ Т. Чернок о л е в. Кооперативно обработване на земите и кооперативните земеделски стопанства.— «Стопански проблеми», 1940, № 1, стр. 12.

ществ перед мелкими раздробленными сельскими предприятиями. В 1939 г. В. Коларов указывал, что в Болгарии есть условия для организации кооперативных сельскохозяйственных хозяйств еще при капитализме и что надо их создавать. Кооперативы, отмечал В. Коларов, накопят известный опыт для коллективного хозяйствования на земле, который партия сможет использовать после освобождения страны от фашизма и капитализма при проведении социалистического преобразования в деревне. Если же фашистская власть запретит кооперативы, то при существующем стремлении крестьянских масс к созданию таких кооперативов, она разоблачит себя как враг крестьян. Поэтому коммунистам нужно активно участвовать в их создании ⁴⁰.

Коммунисты были инициаторами организации кооперативов и во многих случаях их руководителями. Так, например, в с. Вербовка Севлиевокой околии руководителем кооператива был коммунист К. Калчев, в с. Веселиново Ямболской околии — С. Сюлемезов, в с. Слатина Ловечской околии — Б. Илиев, в с. Видно Балчикской околии — Д. Янлызов, в с. Паскалево Добричской околии — Г. Милчев, в городе Разград — Т. Бухтев, в с. Первенец Ямболской околии — П. Видев и многие другие.

Инициаторы организации кооперативных сельскохозяйственных хозяйств и их руководители пользовались опытом советских колхозов. Важное значение в этом отношении имела поездка в СССР осенью 1939 г. первой болгарской делегации сторонников кооперативного земледелия. Ей были предоставлены хорошие условия для осмотра Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве и для ознакомления с работой ряда колхозов и МТС. Делегация привезла ценную литературу по колхозному строительству, а также формуляры по регистрации и учету труда и продукции в колхозах ⁴¹.

На конференции кооперативных сельскохозяйственных хозяйств Северной Болгарии, проходившей в Плевене в январе 1941 г., один из самых активных сторонников и пропагандистов идеи кооперативного земледелия Д. Бакарджиев отметил, что при организации этих кооперативов «надо выдвинуть лозунг: от каждого по способностям, каждому по его труду. Ценные указания для реализации нашего дела кооперирования земли и используемых на ней средств труда мы могли бы черпать из большого опыта колхозов СССР. Несмотря на то, что в колхозах нет частной собственности, существуют многие общие положения в отношении трудовых процессов там и в наших кооперативах. Без слепого подражания мы можем использовать из опыта колхозов то, что для нас полезно» ⁴². К. Калчев из села Вербовка сообщил, что при создании кооператива в этом селе, при организации и учете труда в нем был использован опыт советских колхозов ⁴³.

Монархо-фашистская власть и реакционная буржуазия вначале отнеслись пренебрежительно к идее кооперативного земледелия, рассчитывая на то, что и на этот раз дело не дойдет до ее практического осуществления. Но после того как движение активизировалось, а прогрессивная общественность оказала ему поддержку, после того, как были созданы и стали успешно функционировать первые кооперативы, власти открыто выступили против них.

⁴⁰ Б. Илиев. 20 години пионер на кооперативния строй на село. София, 1962, стр. 14.

⁴¹ Окръжен държавен архив в Плевен, ф. 37-к, оп. 1, ед. хр. 1, л. 18—19.

⁴² Централен държавен архив на НРБ, ф. 119, оп. 1, ед. хр. 13891, л. 285.

⁴³ Там же, л. 300.

Реакционная печать (газеты «Слово», «Мир», «Днес» и другие) предприняла настоящий поход против все более растущего числа сторонников кооперативного земледелия. «Туманные проекты», «Бредовая реформа», «Увлечение или пропаганда», «Не большевизм ли это?», «Не рушатся ли основы государства?», «Откуда идет попустительство кооперативному земледелию?» и т. п. — самые распространенные заголовки статей в буржуазных газетах. Участники этого движения назывались «колхозными идеологами», «посягающими на частную собственность и свободу крестьянина», «большевистскими агитаторами» и т. д. «Идеологи, которые ревностно проповедают создание колхозов в нашей стране, — писала газета „Слово“, — не подрывают ли этим авторитет болгарской семьи, заменяя ее сокровенные устои какими-то приказами безликих колхозов. Проповедуемая реформа нанесет удар личной инициативе, которая является основой пашей хозяйственной системы»⁴⁴.

В сущности кооперативное земледельческое производство в тогдашних условиях не было и не могло быть колхозным. Это хорошо сознавало и большинство его истинных приверженцев и пропагандистов.

Страх реакционной буржуазии перед кооперативным движением объяснялся главным образом боязнью усиления влияния коллективных форм ведения хозяйства на трудящихся страны. В реакционной печати открыто признавалось, что «кооперативное хозяйствование на земле затрагивает не только сельское хозяйство, но и влечет за собой полную революцию в способе хозяйствования»⁴⁵. С его введением «подрываются устои не только существующих форм земледельческого хозяйства, но и имеющаяся у нас социальная организация»⁴⁶. В полицейском досье о кооперативе с. Слатина Ловечской околии открыто указывается, что кооператив «демонстрирует устройство большевистского колхозного хозяйства, большевистский хозяйственный порядок, который выдается за образцовый»⁴⁷. Министр внутренних дел Н. Габровский осенью 1941 г. грубо запугивал всех участников кооперативов: «Коммунизм не остановится на своих попытках ввести в заблуждение крестьянина, увлечь его, захватить его землю и сделать из него обыкновенного наемного рабочего. Поэтому, — заявил он, — необходима борьба против этих попыток коммунизма. Это долг государства»⁴⁸.

Монархо-фашистская власть действительно ревностно выполняла этот «долг». Руководители и ряд участников кооперативов подвергались преследованиям и выселялись, сами кооперативы облагались большими налогами и реквизициями, умышленно создавались всевозможные препятствия их нормальной деятельности, некоторые из них были разогнаны. Однако, несмотря на все это, большинство кооперативов сохранилось. В годы вооруженной борьбы против монархо-фашистской власти они были одной из прочных баз снабжения партизан. Многие кооператоры участвовали с оружием в руках в этой борьбе.

Подводя итог, можно сказать, что уже к моменту восстания 9 сентября 1944 г. и установления народно-демократической власти часть трудящихся крестьян в стране прониклась идеей кооперативного земледелия. Ныне в болгарской деревне утвердился социалистический строй. Важную роль в его победе сыграли всесторонняя помощь СССР Болгарии, использование советского опыта и традиции болгарского кооперативного движения.

⁴⁴ «Слово», 13 XII 1939.

⁴⁵ «Земеделска камара», 1940, № 17, стр. 3.

⁴⁶ Там же, № 26, стр. 2.

⁴⁷ ЦДИА, ф. 264, оп. 3, ед. хр. 2865, л. 60.

⁴⁸ «Днес», 3 IX 1941.

А. И. НЕДОРЕЗОВ

РОЛЬ К. ГОТВАЛЬДА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИНИИ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

23 ноября 1966 г. исполнилось 70 лет со дня рождения выдающегося деятеля чехословацкого и международного коммунистического движения Клемента Готвальда.

Политическая деятельность Готвальда была органической частью борьбы Коммунистической партии Чехословакии за освобождение народа от социального и национального гнета, за победу в стране социалистической революции и построение социализма. Глубокое проникновение в существо общественных процессов, умение правильно применять марксистско-ленинское учение к конкретным условиям чехословацкого общества, вера в правоту и успех дела освобождения рабочего класса, замечательные организаторские способности — все это сделало Готвальда выдающимся руководителем чехословацкого народа. С его именем коммунисты и все трудящиеся Чехословакии связывают разработку революционной линии в рабочем движении страны в период господства буржуазии, создание народно-демократической республики, пресечение контрреволюционного заговора в феврале 1948 г. и начало социалистического строительства в стране.

Свою деятельность в КПЧ Готвальд начал в 1921 г. в качестве скромного работника по распространению партийной печати. Скоро талант журналиста, политического деятеля и организатора выдвинул его на важные посты, сначала в партийной прессе, а затем в руководстве партии. В 1924 г. Готвальд участвует в работе II съезда КПЧ, а спустя год на III съезде он избирается в состав ЦК и Политбюро.

В 1928 г. Готвальд — делегат VI Конгресса Коминтерна; здесь он выступил с докладом о международном положении Чехословакии и опасности империалистической войны¹. В специальной чехословацкой комиссии конгресса он изложил взгляды левой оппозиции, боровшейся против оппортунистической линии большинства тогдашнего руководства КПЧ. Позиция группы коммунистов во главе с Готвальдом получила полную поддержку в комиссии со стороны представителей братских партий². Таким было начало трудной борьбы революционного крыла партии за восстановление ее боеспособности, преодоление социал-демократических пережитков и осуществление революционной линии в рабочем движении Чехословакии. Ведущее место в этой борьбе принадлежало Готвальду.

К. Готвальд сумел раскрыть существо классовых противоречий тогдашнего чехословацкого буржуазного общества, выявить основные тен-

¹ См. Klement Gottwald. Spisy, sv. I. Praha, 1951, s. 92—100.

² «История Коммунистической партии Чехословакии» М., 1962, стр. 287.

денции классовой борьбы, увидеть возможности революционирования рабочего класса в условиях временной стабилизации капитализма и на основе этого анализа наметить перспективы революционного движения в стране. Большое внимание уделил Готвальд рассмотрению положения потенциальных союзников пролетариата, в особенности крестьянства. В противоположность оппортунистическим взглядам, проявившимся в так называемом Глоговецком меморандуме, в котором отрицались революционные возможности как рабочего класса, так и крестьянства, а единственным средством революционирования масс признавалась империалистическая война, Готвальд первым подверг анализу положение чехословацкого крестьянства и пришел к выводу о его революционных способностях, возможности союза рабочего класса, крестьянства и других угнетенных масс в борьбе против буржуазии³. Тем самым была заложена основа для разработки будущей тактики Народного фронта, принесшей победу трудящимся массам в борьбе за власть в стране.

На V съезде КПЧ (1929 г.) Готвальд выступил с докладом о положении в партии и ее задачах⁴. Съезд отверг оппортунистическую тактику прежнего руководства КПЧ и одобрил предложенную Готвальдом и его соратниками новую революционную линию развертывания классовой борьбы трудящихся масс. Готвальд был избран генеральным секретарем КПЧ. Вместе с ним к руководству партией пришли новые силы, которые в содружестве с ветеранами чехословацкого рабочего движения Богумиром Шмералем и Антонином Запотоцким, возглавили классовую борьбу пролетариата в условиях начавшегося экономического кризиса и возросшей угрозы фашизма.

В годы экономического кризиса Готвальд принимал самое непосредственное участие в организации крупных стачечных боев. По его инициативе коммунистическая партия неоднократно обращается к руководству чехословацкой и отдельно существовавшей в стране немецкой социал-демократической партий, к исполнительному комитету партии чехословацких национальных социалистов с горячим призывом объединить силы в борьбе против антинародной политики крупной буржуазии, против опасности фашизма и войны, за защиту независимости республики.

В 1935 г. Готвальд участвует в работе VII конгресса Коминтерна и избирается в состав секретариата ИККИ; он участвовал в разработке концепции создания единого рабочего фронта как средства борьбы против фашистской угрозы. Основываясь на решениях VII конгресса Коминтерна, компартия Чехословакии разработала конкретную программу защиты национальной независимости страны и приняла ее на VII съезде КПЧ в 1936 г.

Нацеливая массы на выполнение важнейшей задачи — защиты республики от внешней агрессии, КПЧ, однако, не снимала вопроса об установлении народной власти. Тактика Народного фронта предполагала приход рабочего класса к управлению государством через участие его представителей в правительстве Народного фронта, которое должно было провести широкие социальные преобразования, направленные против капиталистской части буржуазии, на демократизацию общественной жизни в интересах трудящихся. Такая линия защиты республики, получившая название «якобинской», открывала путь к революционному преобразованию общества.

Будучи коммунистом-интернационалистом, Готвальд понимал всемирно-историческую роль Советского Союза и видел в первом пролетар-

³ Klement Gottwald. Ibid., s. 173—186.

⁴ Ibid.

ском государстве гарантию свободы и независимости народов Чехословакии. Под давлением народных масс в обстановке возросшей угрозы фашистской агрессии буржуазное чехословацкое правительство, наконец, признало СССР, и в 1935 г. заключило с ним договор о взаимопомощи. Но и после этого оно не изменило своей внешнеполитической ориентации на западные державы, что в конечном счете привело страну к национальной катастрофе в сентябре 1938 г.

Мюнхенское соглашение и последующая оккупация Чехословакии в марте 1939 г. коренным образом изменили условия жизни и борьбы ее народов. Черная ночь опустилась над страной. Чешской и словацкой нациям грозило полное физическое уничтожение.

В эти дни капитуляции и самороспуска буржуазных партий, коммунисты, находясь в подполье, начинают спланировать и поднимать массы на борьбу с врагом. Готвальд с группой руководящих деятелей КПЧ вынужден эмигрировать за границу. Усилия заграничного руководства партии направлены на выработку стратегии и тактики освободительного движения. Оно правильно определило, что это движение должно развиваться под руководством рабочего класса. Гегемония рабочего класса должна обеспечить перерастание антифашистской борьбы в национально-демократическую революцию, устранение господства буржуазии, образование народно-демократического государства, где власть будет принадлежать трудящимся. Готвальд отдает всю свою энергию делу практической организации движения сопротивления. Он прозорливо видит в Советском народе освободителя поработенных фашизмом стран⁵.

В условиях антифашистской борьбы большое значение приобрело сплочение всех патриотических сил. Исходя из коренных классовых интересов пролетариата, Готвальд вместе со своими соратниками выработал такую программу будущего преобразования и организации чехословацкого общества, в которой нашли отражение главные требования всех основных классов и социальных групп, принявших участие в движении сопротивления. Программа предусматривала создание благоприятных условий для национального развития словацкого народа.

На основе этой программы глубоких революционных социально-политических преобразований был создан Национальный фронт чехов и словаков, председателем которого стал Готвальд, и было сформировано первое правительство Национального фронта.

После освобождения страны от фашистских захватчиков Клемент Готвальд отдаст все силы делу строительства нового государства, упрочению власти народа. Велика его заслуга в определении характера революции, развернувшейся в стране. Готвальд указывал, что в конкретных условиях Чехословакии национально-демократическая революция имеет все основания перерасти мирным путем в революцию социалистическую. На своем VIII съезде в марте 1964 г. компартия устами Готвальда заявила, что целью ее деятельности является обеспечение социалистического развития страны:

«Мы стоим перед нацией, как партия честного труда, партия чистой совести и чистых рук. Конечная цель всех наших усилий, всей жизни всех нас, коммунистов, — это осуществление великих и святых идеалов социализма. Мы на правильном пути. Перед нами еще много препятствий. Но мы, составляющие с народом одну душу и тело, мы вместе с народом преодолеем все препятствия»⁶.

Вскоре после съезда партия одержала внушительную победу на выбо-

⁵ Klement Gottwald. *Ibid.*, sv IX, 1954, s. 34.

⁶ К Готвальд. Избранные произведения, т. II. М., 1957, стр. 140.

рах в Законодательное Национальное собрание. Председатель КПЧ Готвальд возглавил новое правительство Национального фронта, которое разработало двухлетний план восстановления и развития народного хозяйства. Был намечен также ряд новых революционных мер, направленных против буржуазии. Однако чем дальше развивалась революция, тем большее сопротивление оказывала ей реакция. На пленуме ЦК КПЧ в ноябре 1947 г. Готвальд предупредил партию и народ о возможности контрреволюционного путча буржуазии. И действительно, вскоре в феврале 1948 г. такая попытка была предпринята буржуазными министрами, входившими в правительство Национального фронта.

КПЧ возглавила массы в этой последней схватке с буржуазией. Личную роль Готвальда в обеспечении победы народа в февральские дни трудно переоценить. По его инициативе были предприняты экстренные меры по ознакомлению широких масс трудящихся с созданным положением. Руководство КПЧ обратилось к руководству социал-демократии с предложением единства действий против контрреволюции. На заводах, в учреждениях и общественных организациях были созданы комитеты действия. Сам Готвальд горячо выступал на массовых митингах трудящихся, на съездах заводских советов и крестьянских комиссий, информируя народ о сути и ходе разворачивавшихся событий. В эти дни, выступая на съезде Союза чехословацко-советской дружбы, он со всей категоричностью подчеркнул незыблемость советско-чехословацкой дружбы и союза с СССР, на которые замахивалась реакция⁷.

Вскоре после февральских событий народ, выражая свое уважение и доверие Клементу Готвальду, избрал его президентом республики.

Февральские события — эта, по выражению Готвальда, «очистительная буря» — окончились сокрушительным поражением реакционеров. Тем самым было обеспечено окончательное утверждение народно-демократического строя. Это позволило непосредственно приступить к строительству социализма. Такая задача была сформулирована Готвальдом в отчетном докладе ЦК КПЧ IX съезду, состоявшемуся в мае 1949 г. В докладе были намечены конкретные меры в области хозяйственной, социальной и государственной политики, обеспечивающие построение социалистического общества. Готвальд подчеркнул необходимость поддержания и укрепления союза рабочего класса с крестьянством. Съезд единодушно одобрил деятельность ЦК КПЧ и генеральную линию дальнейшей работы партии.

Строительство социализма разворачивалось в трудной обстановке экономической блокады и войны, начатой империалистическими державами в Корее. Не обошлось без отдельных ошибок и недочетов. Но большие успехи, одержанные народом под руководством коммунистической партии, позволили Готвальду с полным основанием констатировать в речи на торжественном открытии музея В. И. Ленина в Праге, что «свободный чехословацкий народ, который в 1945 г. начал новую эру своей истории, полностью идет за Лениным, как за своим величайшим учителем, идет за знаменем ленинизма, как за своим знаменем»⁸.

Клементу Готвальду не довелось дожить до полной победы социализма на его родине. 14 марта 1953 г. после тяжелой болезни Готвальд скончался. Память о выдающемся сыне чехословацкого народа, о революционере-ленинце, неустанном борце за укрепление советско-чехословацкой дружбы и братства будет вечно жить в сердцах народов Чехословацкой социалистической республики и Советского Союза.

⁷ Там же, стр. 197.

⁸ Там же, стр. 465.

Ю. И. СМЕРНОВ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖСЛАВЯНСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ОБЩНОСТИ

Межславянская фольклорная общность была предметом исследования со времени формирования фольклористики в качестве особой научной дисциплины. Любой ученый, даже поверхностно познакомившийся с устным творчеством хотя бы двух славянских народов, без труда замечал сходство тех или иных фольклорных фактов и явлений. Истолкование же сходства, как правило, носило односторонний характер, в рамках последовательно сменявшихся научных направлений (мифологическая школа, компаративизм и др.). Односторонность при этом нередко чудовищно гипертрофировалась и возводилась в абсолюте. Немногие ученые, видимо, ощущая многогранность объекта изучения, пытались в своих исследованиях соединить методологию разных научных направлений. Кроме того, межславянская фольклорная общность очень часто неправомерно смешивалась с общностями другого уровня или порядка: балтославянская общность, балканская, славяно-угрофинская, славяно-тюркская, славяно-германская, европейская, индоевропейская, мировая. Исследователей мало смущала и беспокоила причинность сходства, типология сходства, законы создания, эволюции и отмирания фольклора в его естественных формах бытования, в его эстетическом и функциональном значении.

Обо всем этом можно было бы совсем не упоминать, если бы методологические ошибки прошлого не повторялись в наше время. До сих пор, например, в истолковании генезиса и эволюции эпических жанров югославскими и болгарскими фольклористами господствует методология на уровне русской исторической школы конца XIX — начала XX в. Историческая (точнее — неисторическая) школа занимает значительные позиции и в советской науке. Конечно, слишком велик соблазн привязать фольклорные произведения к конкретным событиям национальной истории, ориентируясь лишь по именам, географическим названиям и другим реалиям фольклора, однако сколько бы занимательными ни были подобные истолкования, сколько бы ни были они логически безукоризненными, — они в лучшем случае помогают выяснить, когда и откуда (но не каким образом и почему) попали в фольклор те или иные исторические имена и другие реалии. Большого эти построения не могут дать именно в силу одностороннего характера исходных позиций и, следовательно, в силу их изначальной логической уязвимости. Вполне понятно, почему последователи исторической школы настаивают на самобытном происхождении рассматриваемых ими произведений, и отсюда не случайно, что общность славянских эпосов ими либо вовсе игнорируется, либо истолковывается преимущественно как заимствование.

Вместе с тем за последнее десятилетие в изучении межславянской фольклорной общности начали вырисовываться новые, более плодотворные научные направления. Значительно оживили внимание к славянскому фольклору международные конгрессы славистов в Москве (1958 г.) и в Софии (1963 г.). Усилились контакты между учеными разных стран, серьезно увеличился обмен информацией, убыстренными темпами накапливается фактический материал. На этом фоне совсем не случайным надо считать появление книги Б. Н. Путилова «Славянская историческая баллада» (М.— Л., 1965), уже вызвавшей отклики в Югославии и Советском Союзе. В сущности эта книга — первая попытка рассмотреть межславянскую фольклорную общность применительно к историческим балладам. Наряду с этим книга — первый после длительного перерыва опыт широкого обзора общеславянского материала, выполненного к тому же с принципиально новых методологических позиций. При всех серьезных упущениях¹ в работе Б. Н. Путилова намечены иные пути поиска и истолкования общего и специфического в славянском фольклоре, нежели те, что предлагают компаративизм и историческая школа. Думается, что для фольклористики было бы весьма полезным продолжить обсуждение проблем изучения межславянской фольклорной общности, поднятых в работе Б. Н. Путилова. Этому и посвящается настоящая статья.

* * *

По научной традиции принято, как это ни странно, предварительно определить объект изучения, а затем уже приниматься за его исследование, придерживаясь предписанной формулировки. На наш взгляд, любая формулировка, определяющая межславянскую фольклорную общность, будет сегодня сугубо условной и недостаточно глубокой. В такой формулировке мы испытываем значительно меньшую потребность, нежели в определении первоочередной проблематики изучения.

Межславянская фольклорная общность в этнических уровнях может быть выражена следующим образом:

1) фольклорная общность двух народов одной или разных славянских языковых групп (например, сербо-болгарская, русско-болгарская, словацко-украинская и т. д.);

2) фольклорная общность по признаку соседства (например, между поляками и соседними с ними чехами, словаками, украинцами, белорусами, русскими и сербами-лужичанами);

3) фольклорная общность двух славянских языковых групп (восточной и южной, западной и южной, восточной и западной);

4) фольклорная общность всех трех славянских языковых групп.

Говоря об этнических уровнях, мы, конечно, должны отдавать себе отчет в том, что современные славянские этнические общности отнюдь не отличались неизменными качествами на протяжении своей истории. Вопросы о создателях и исполнителях фольклора, о функциях фольклора и его национальных особенностях теснейшим образом связаны с представлениями о том или ином типе этнической общности, том или ином социальном составе общности. Теория «аристократического» происхождения эпоса бесспорно опиралась на определенные представления о социальном составе этнической общности эпохи раннего феодализма. Но, хотя эта и другие «аристократические» теории происхождения и эволюции фольклора утратили своих поборников в славянских странах, хотя относительно социального состава творцов и исполнителей фольклора почти не замечаются разногласия, остается все же не совсем ясным типаж этнических

¹ См. нашу рецензию в ж. «Советское славяноведение», 1966, № 4.

общностей и в особенности их конкретное выражение в рамках истории славянских народов.

В принципе можно принять, как рабочую, ту классификацию этнических общностей по их социальному составу, которую предложил С. А. Токарев². Однако и в этом случае будет неясно, какие конкретные этнические общности предшествовали современным славянским нациям³, как, в частности, соотносились между собой на протяжении истории русские и белорусы, болгары и — помаки и македонцы, сербы и черногорцы, сербы и хорваты и — боснийцы⁴, чехи и мораване. Вместе с тем кажется недостаточным перечень типов этнических общностей (без каких-либо вариантов), предложенный С. А. Токаревым: для общинно-родового строя — только племя, для раннего феодализма — народность, для позднего феодализма, капитализма и социализма — нация. Так, в пределах феодальной формации этническая общность эпохи первой государственности, вероятно, все же отличалась от этнической общности эпохи феодальной раздробленности и татарско-турецких нашествий, а эта последняя — от этнической общности в условиях многовекового чужеземного ига.

Из работы С. А. Токарева нельзя узнать, является ли фольклор обязательным признаком этнической общности. Сказанные им несколько фраз относительно культурной общности звучат довольно глухо (стр. 45), и можно лишь догадываться, что автор подразумевает под культурной общностью народную материальную и духовную культуру. Мы в свою очередь полагаем, что фольклор, этот важнейший элемент народной духовной культуры, несомненно был обязательным признаком этнической общности на протяжении истории славян, что его создатели и исполнители всегда составляли социальное большинство в границах того или иного типа этнической общности. В этом отношении содержание фольклора и его социальные функции являются наиболее серьезными аргументами. Фольклор утрачивает свою роль в качестве обязательного признака этнической общности по мере создания общенациональной культуры, создаваемой, как известно, на принципиально новой основе, начиная с эпохи позднего феодализма. В этом, вероятно, и заключается социальное значение отмирания фольклора в его естественных формах бытования.

Проблема типов этнической общности, их характеристики по экономическим, политическим, религиозным и иным связям важна также потому, что без ее конкретного решения невозможно объяснить, каким образом реальная действительность преломлялась в народном сознании и находила свое выражение в фольклоре. Историческая школа, судя по ее практике, как раз предполагает наличие только непосредственных связей между фольклором и действительностью. Тем самым игнорируются условность, вымысел, метафоричность, упрощение⁵ и другие существенные признаки фольклора, организующие его форму и содержание.

² С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей. — «Вопросы философии», 1964, № 11, стр. 43—53.

³ С. А. Токарев подчеркивает, что каждая нация складывалась не из одной, а из нескольких народностей.

⁴ Этническое определение боснийцев до сих пор затруднительно. По переписи 1953 г. абсолютное большинство славян-мусульман Боснии и Герцеговины (89%) значится как «югословенцы неопределены», лишь 11% из них назвали себя сербами и хорватами. По переписи 1961 г. из 3 277 948 жителей Боснии и Герцеговины мусульманами (как этническая принадлежность) назвали себя 842 248 жителей и «югословенцы неопределены» — 275 883 жителя («Народы Югославии». Сербская Академия наук и искусств. Посебна издава. Књ. СССLXXXV. Етнографски институт. Књ. 13. Београд, 1965, стр. 204).

⁵ Под упрощением здесь подразумеваются многочисленные случаи создания новых произведений в новых исторических условиях с использованием традиционных

Фольклористы вправе ожидать от ученых смежных наук (истории, этнографии, философии и др.) разработки типологии опосредованных и непосредственных связей между действительностью и сознанием той или иной этнической общности, однако и фольклористам следует принять участие в создании типологии опосредованных и непосредственных связей между народным сознанием и фольклором.

Итак, мы подчеркиваем, что межславянская фольклорная общность может и должна быть изучаема по отношению фольклора к действительности. Этот аспект межславянской фольклорной общности до сих пор крайне слабо исследовался. И если разобраться, почему в немногих работах, затрагивающих этот аспект, господствуют односторонние, механистические или сугубо умозрительные суждения, то, помимо неразработанности вопросов, подлежащих главным образом компетенции смежных наук, первое, что бросается в глаза, будет даже не методологическая ограниченность, а ограниченность использованного материала. Этот существенный недостаток свойствен гораздо более многочисленным работам, в которых славянский фольклор рассматривается, так сказать, сам по себе. Существуют многие причины, благодаря которым ограниченность в использовании материала становится нормой исследования. В фольклористике уже давно сложилось чуждое положение: наука лихорадочно копит и копит и без того фантастически огромный материал и — вроде бы не в силах им овладеть. Не рассчитывая на идеальные решения, мы тем не менее полагаем, что выход из создавшегося положения есть.

Одним из путей, позволяющим ввести славянский фольклор в межнациональный научный оборот, является создание фольклорных указателей. Нужно возродить и значительно расширить практику создания указателей, опираясь при этом на координируемые усилия ученых славянских стран. Именно «возродить»: известные нам указатели создавались преимущественно еще до второй мировой войны, их очень немного, и они теперь не исчерпывают наличный материал. Некоторые из них требуют существенных изменений и переиздания, другие должны быть заменены новыми указателями.

Интересным фактом истории фольклористики можно считать указатель болгарских сказок, сделанный проф. М. Арнаудовым⁶. М. Арнаудов осуществил систематизацию сказок примерно на тех же принципах, которые спустя шесть лет легли в основу известного указателя финского ученого А. Аарне. Однако указатель М. Арнаудова в силу ряда причин почти не нашел применения в болгарской науке. Кроме того, автор умышленно отказался от включения в указатель бытовых сказок и анекдотов. Уже этих двух обстоятельств было бы достаточно, чтобы говорить о замене указателя М. Арнаудова.

Вместе с тем нельзя считать неуязвимыми те принципы систематизации сказок, которые положены в основу указателей М. Арнаудова, А. Аарне и производных от указателя Аарне опытов классификации, в частности, русских⁷ и польских⁸ сказочных сюжетов. К числу свой-

фольклорных ситуаций. Эти случаи можно также рассматривать и как постоянную переработку традиционных произведений в духе меняющихся исторических условий. Подобные процессы свойственны всем фольклорным жанрам в течение всей их эволюции.

⁶ М. Арнаудов. Българските народни приказки. Опит за класификация. Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, т. XXI. София, 1905.

⁷ Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. В 1957 г. В. Я. Циринг дополнил указатель Н. П. Андреева ссылками на русские варианты, опубликованные после 1929 г. Эти варианты соотносятся только с сюжетным составом собрания сказок А. П. Афанасьева. См. «Народные русские сказки А. П. Афанасьева», т. 3. М., 1957, стр. 454—502.

⁸ J. Krzyżanowski. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym, t. 1 — II. Wrocław, 1962—1963. (Первое издание вышло в Варшаве в 1947 г.) Ю. Кши-

ственных им очень серьезных логических ошибок относятся: смешение различных сказочных уровней (мотив, сюжет, контаминация); образование многих контаминаций; выделение лишь одной темы в пределах того или иного сюжетного типа вопреки очевидному множеству тем и т. п.

Указатель белорусских сказок, выполненный несколько лет назад Л. Г. Барагом по системе Аарне, пока не опубликован. Новейшие опыты систематизации чешских суеверных рассказов (былишек)⁹ и местных преданий¹⁰, разумеется, не охватывают ведущих жанров народной прозы.

Но если отсутствуют или устарели национальные указатели, то тем более неблагоприятно обстоит дело с созданием межславянских указателей народной прозы. Практически здесь трудно что-либо назвать, кроме пионерских начинаний И. Поливки¹¹. Однако основная работа И. Поливки, выполненная им совместно с немецким ученым И. Больте, выводит славянский материал на уровень всемирной сказочной общности, причем эта последняя показана лишь в пределах сюжетного состава сборника братьев Grimm¹². Такой характер работы, на наш взгляд, в очень малой степени способствует выявлению межславянской сказочной общности и ее своеобразия.

Очень скромно число указателей произведений всех песенных жанров. В этом отношении выгодно отличается только болгарская фольклористика, располагающая тремя указателями¹³. При всех недостатках (они примерно того же рода, что и у указателей прозы) эти указатели не утратили своей ценности до сих пор, хотя, конечно, и их следовало бы заметить другими, строже выдержанными в логическом отношении и с учетом того, что опубликованы тысячи новых произведений и еще более текстов отложилось в архивах.

За исключением болгарского опыта, другие попытки систематизации славянских народных песен либо вовсе отсутствуют, либо скорее принадлежат истории науки, нежели ее практике¹⁴. Правда, в ряде случаев отсутствие указателей до известной степени возмещается антологиями по той или иной группе произведений, однако подобные издания обычно не охватывают всех песен данной группы¹⁵.

жаповский пользовался новейшими международными индексами по системе Аарне. В связи с этим в состав его указателя вошли, помимо произведений собственно сказочных жанров, этнологические легенды, былишки и местные предания. Работа отличается большей, чем русский указатель, тщательностью выполнения и сопровождается солидным справочным аппаратом. В частности, Ю. Кшижановский включил в работу таблицы типов польских сказочных контаминаций.

⁹ D. Křímová — Rychlová. Příprava katalogu českých pověstních žánrů.— «Slovenský národopis», r. XI, c. 2—3, Bratislava, 1963, s. 439—484.

¹⁰ L. Pougova. K otázkám třídění pověstí.— «Český lid», r. 50, č. 2, Praha, 1963, s. 67—73.

¹¹ См. J. Polivka. Slovanske pohádky. I. Vychodoslovanske pohádky. Praha, 1932.

¹² J. Bolte, G. Polivka. Anmerkungen zum den Kinder—und Hausmärchen der Brüder Grimm. Bd. I—V, Leipzig, 1913—1932.

¹³ А. И. Столов. Показалец на печатаните през XIX век българските народни песни, т. I (1815—1860 год.), София, 1916; т. II (1861—1878 год.), София, 1918; «Преглед на българските народни песни». Под ред. на проф. Ст. Романски. Първа половина. Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София, кн. V, София, 1925; «Преглед на българските народни песни». Втора половина. Кн. VI, София, 1929; А. Димитрова, М. Янакчев. Предания за исторически лица в българските народни умотворения. Известия на Семинара по славянска филология..., кн. VIII и IX за 1941—1943 годы, София, 1948.

¹⁴ Относительно предложенной в Чехословакии классификации песен см.: В. Я. Пропп. Принципы классификации фольклорных жанров.— «Советская этнография», 1964, № 4, стр. 152. Систематизация польских песен Я. Карловича явно устарела, см.: J. Karłowicz. Systematyka pieśni ludu polskiego, «Wisła», t. 3, 1889, s. 253 nst., 531 nst.; t. 4, 1890, s. 156 nst., 393 nst.; t. 9, 1895, s. 522 nst., 645 nst.

¹⁵ Например: «Polska epika ludowa». Opracował Stanisław Czernik. Wrocław — Kraków, 1958; «Былины в двух томах». Подготовка текста, вст. статья и комментарий

Очень слабо изучены такие жанры, как заговоры, загадки, пословицы. Совершенно отсутствуют указатели по произведениям этих жанров, и даже не найдены удовлетворительные принципы их систематизации.

Таким образом, следует констатировать крайне неудовлетворительное положение в области систематизации славянского фольклора. А между тем без серьезных успехов в этой области, без тщательных многоплановых опытов систематизации невозможно представить себе сколько-нибудь вероятные или достоверные результаты в изучении межславянской фольклорной общности, в решении проблем генезиса и истории фольклора и даже в постановке этих проблем.

В последние годы среди ученых все чаще и оживленнее проходят дискуссии относительно жанровой и внутрижанровой классификации фольклора. Однако дискуссии пока не принесли реальных результатов. Ученые прибегают к громоздким, но отнюдь не исчерпывающим перечислениям и описаниям обозреваемого ими круга произведений, смешивая при этом различные аспекты исследования. А между тем успехов в систематизации материала все еще нет.

Все фольклористы единодушны в том, что путь к созданию всеобъемлющих классификаций довольно долг и труден. Многочисленность мнений, стихийно отражающих многогранность фольклора, лишь подтверждает это. Но отсюда отнюдь не следует, что систематизацию фольклора можно откладывать до «греческих календ». На наш взгляд, неправильно противопоставлять, как абсолютные противоположности, идеальные всеобъемлющие классификации, которым исключительно принадевается эпитет «научные», но создание которых попросту невозможно, таким линейным и табличным классификациям, которые иногда именуются прикладными и эмпирическими, но создание которых при современном состоянии фольклористики вполне осуществимо¹⁶. Ведь диалектическое единство этих классификаций состоит в том, что они различаются между собою как идеальная цель и этапы ее достижения. Учитывая опыт других наук (ботаники, зоологии, химии и др.)¹⁷, очевидно, что нужно не полагаться на одноактовое, идеальное достижение идеальной цели, а сосредоточиться на поэтапном, планомерном и координированном движении к ней.

В принципе не существенно, на каком этническом уровне выполнена систематизация материала: если она выполнена на национальном уровне, то создание межнациональных указателей не будет затруднительным. Зато крайне важно, чтобы национальными указателями учитывался не только опубликованный, но и архивный материал, поскольку число произведений, откладывающихся в архивах, особенно в связи с усилением интереса за последние десятилетия темпами собирания, превышает масштабы публикаций. Также важно, чтобы в указателях отмечалось место и время записи.

Бесспорно, что указатели должны быть достоверными и максимально исчерпывающими в описании материала. Вместе с тем ныне представляется целесообразным воздерживаться от стихийной и не координируемой зашифровки описываемого материала исключительно ради того, чтобы

В. Я. Пропп и Б. П. Путилова. М., 1958; «Народные баллады». Вст. статья, подготовка текста и примечания Д. М. Балашова. Общая редакция А. М. Астаховой. «Библиотека поэта». Большая серия, изд. 2-е, М.—Л., 1963.

¹⁶ Ср.: В. Я. Пропп, цит. статья, стр. 145.

¹⁷ Очень полезный методологический материал по проблемам классификации содержится в работе: В. М. К е д р о в. Классификация наук, тт. I—II. М., 1961—1965.

обеспечить доступность и широкое интернациональное использование указателей¹⁸.

Национальные фольклорные указатели могут быть как линейными, так и табличными. Что же касается межнациональных указателей, то, по-видимому, они должны быть исключительно табличными с тем, чтобы в них четко подчеркивалось не только сходство, но и различие сопоставляемых фольклорных элементов разной национальной принадлежности.

Накопец, указатели должны быть строго выдержанными в определенном логическом отношении. До сих пор, как сказано выше, это требование фольклористами не соблюдалось, а между тем без его реализации невозможно говорить о строгом определении законов развития фольклора. Наряду с этим очевидна множественность логических аспектов, соответствующая многогранности объекта изучения. Думается, что фольклористы должны договориться между собой о том, какие логические аспекты ныне могут быть избраны в качестве основы фольклорных указателей. Подобный выбор пока невелик. По нашему мнению, такими логическими уровнями могут быть:

- а) «общие места» (*loci communes*);
- б) мотивы (не сюжетообразующие и сюжетообразующие);
- в) сюжеты (односоставные и многосоставные);
- г) комбинации сюжетов (а также сюжетов и мотивов);
- д) группы сюжетов (циклы или разновидности);
- е) жанры (группы циклов или разновидностей).

Целесообразность выбора именно этих уровней в качестве основы фольклорных указателей нетрудно доказать. В самом деле, фольклористика пока не может показать в виде системы поэтику фольклора на более «мелких», чем *loci communes*, уровнях. Не отрицая возможность создания уже теперь отдельных указателей эпитетов¹⁹, повторов, композиционных приемов и т. д., мы вместе с тем должны признать, что они еще не могут быть сведены в одну общую национальную и тем более межнациональную систему взаимозависимых уровней.

Точно также невозможно пока представить то или иное произведение (песню, сказку, заговор) с учетом его вариантов и версий в виде системы взаимосвязанных признаков формы и содержания. Фольклористика еще только подходит к изучению народного творчества как к системе взаимодействия и взаимной обусловленности формы и содержания.

Слабо изучена и область взаимодействий между фольклорными жанрами, происходящих как на параллельных (например, сюжет — сюжет), так и на разных уровнях (например, сюжет — мотив), и притом, видимо, сильно различающихся в ту или иную историческую эпоху. Кроме того, изучение взаимодействий между жанрами не может быть эффективным без предварительных исследований на предложенных логических уровнях.

Вот почему столь ограниченным нам представляется выбор логических уровней, к стати наиболее освоенных наукой, в качестве основы фольклорных указателей. Конечно, при этом нельзя исключать возможность дополнения основной информации другими сведениями. Напротив, это увеличивает ценность указателей. В ряде случаев подобное дополнение основной информации уже имело место. Например, в указателе болгарских песен А. П. Стоилова, помимо описания сюжетов, в I томе даются сведения о функции произведения, его диалектной принадлежности,

¹⁸ См. зашифрованную реконструкцию праславянских, преимущественно фольклорных текстов: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. Реконструкция осуществлена по системе противопоставлений типа *счастье — несчастье, жизнь — смерть, чет — нечет* и т. д.

¹⁹ См. М. Дабева. Эпитети в българската народна песен. София, 1939.

количестве стихов, а во II томе добавлены еще сведения о размере стиха с указанием цезуры.

Следует подчеркнуть, что не все славянские фольклорные жанры или жанровые разновидности равным образом могут быть охвачены межнациональной систематизацией в пределах предложенных уровней. Так, сравнение на уровне сюжетов русских ранних и поздних исторических песен и «разбойничьих» песен с южнославянскими историческими песнями и песнями о хайдутах и ускоках, со словацкими збойничьими песнями и другими сопоставимыми славянскими песенными образованиями в подавляющем большинстве случаев оказывается бесплодным. Исключения составляют только произведения, генетически восходящие к героическому эпосу и балладам. Очевидно, что к подобным песенным группам нужен другой подход и, быть может, нужны поиски иных, нежели предложенные, уровней, если, конечно, считать правомерным выявление межславянской фольклорной общности и в их границах.

Далее, если бы систематизация фольклора была предпринята даже на перечисленных уровнях, мы неизбежно столкнулись бы (а предшествующий опыт это подтверждает) с различным пониманием логических уровней, с различной логикой расположения материала в пределах этих уровней. С одной стороны, необходимость иметь надежные справочные указатели и необходимость обнаружения общеславянских элементов в национальных фольклорах требуют того, чтобы расположение материала в пределах этих уровней было максимально унифицированным. С другой стороны, национальное своеобразие каждого славянского фольклора и множественность исследовательских задач вполне оправдывают появление указателей, различных по логике расположения материала в пределах названных уровней. На наш взгляд, оба эти направления взаимно дополняют одно другое, и нельзя жертвовать развитием одного из них ради другого. Наука в целом лишь выиграет от постоянной, развивающейся вширь и вглубь работы в области систематизации.

Оставляя вопросы расположения материала на логических уровнях до конкретного случая, мы хотели бы подчеркнуть научно-познавательное значение систематизации фольклора косвенным образом. По-видимому, каждому читателю известно, какую роль играют в естественных науках лабораторные опыты (нередко тысячи опытов!) и их описания, в математике — теорема, в химии — периодическая система Д. И. Менделеева, в зоологии — классификации животных и т. д. Примерно такое же значение должны иметь для фольклористики классификации разного типа и уровня. И каждая из них — это целая система доказательств, раскрывающая некие фольклорные процессы и их результаты. Соблюдение элементарных требований логики гарантирует при этом надежную точность в обнаружении закономерностей, связей, отношений.

Теперь мы осмелимся определить в первом приближении межнациональную фольклорную общность. Видимо, она состоит в некоторой общности фольклорных процессов и их результатов, в свою очередь обусловленных общностью исторического (в широком смысле) развития народов. Под процессами здесь подразумеваются изменения, постоянное движение фольклора — внутри жанров, от жанра к жанру; под результатами — собственно фольклорные жанры, разновидности, произведения и их составные элементы: сюжеты, мотивы, «общие места» и др. В сущности результаты — это как бы моментальные фотографии, статически запечатлевшие непрерывное изменение фольклора. Чем большим количеством таких «моментальных фотографий» мы располагаем, тем с большей точностью мы можем судить о фольклорном процессе.

Приведенное определение в равной мере может быть отнесено и к

межславянской фольклорной общности, и к межнациональным фольклорным общностям другого уровня или порядка. И это не случайно. Изучение собственно славянского фольклора — лишь первый этап выявления межславянской фольклорной общности. Действительное же выделение этой фольклорной общности, истинное ее определение может быть достигнуто путем сопоставления с межнациональными фольклорными общностями другого уровня и порядка. Только на этом, втором этапе может быть показано подлинное своеобразие межславянской фольклорной общности и ее сходство (родство) с другими межнациональными фольклорными общностями. Вот почему так важно не смешивать, не отождествлять с ними межславянскую фольклорную общность.

Все многообразие и все ступени фольклорных процессов и их результатов, все степени сходства между национальными фольклорами в науке принято, как это ни странно, сводить к четырем, наиболее общим, если можно так сказать, «законам» фольклорного творчества:

1. Общность между фольклорами является генетической. В применении к славянским фольклорам это означает наличие в них пласта, восходящего ко временам славянской прародины, до поры расселения славян в западном, юго-западном и других направлениях.

2. Общность между национальными фольклорами вызвана сходными историческими условиями, определявшими сходство духовного соперничества и, следовательно, сходство фольклорного творчества. В применении к славянским фольклорам это означает наличие в них сходных элементов, которые возникали и трансформировались, начиная с эпохи расселения славян и кончая сегодняшним днем.

3. Общность между национальными фольклорами представлена заимствованием или, иначе говоря, культурным обменом. Это означает, что славянские народы довольно активно, судя по многим исследованиям, обменивались своим фольклорным багажом как между собой, так и с близкими и дальними соседями. В конкретных исследованиях, где общность сводится к заимствованию, ученые очень часто отвлекаются от исторических условий, в которых могло происходить заимствование, и особенно от выяснения причинности заимствования.

4. Общность между национальными фольклорами обусловлена сотворчеством народов. Этот «закон» обнаружен сравнительно недавно, его иногда даже рассматривают как частный случай заимствования. К нему сводится истолкование сходства, обычно весьма разительного, фольклорных репертуаров в районах со смешанным славянским, а также славяно-восточнославянским населением.

Нельзя не признать, что эти четыре направления, в русле которых истолковывается как национальная принадлежность фольклора, так и межнациональная общность, в принципе верно указывают на общий характер фольклорных закономерностей. Но нужно также подчеркнуть, что каждый из этих четырех «законов» по сути своей есть целая система каких-то закономерностей, выявление которых оставляет желать много лучшего. Осознанная конкретизация (типология) каждого из четырех «законов» еще не начата. Сравнительно редки работы, в которых истолкование фольклорных явлений шло бы путем комбинированного использования этих «законов»²⁰. И вместе с тем в фольклористике по-прежнему царит удивительная легкость, с которой многие авторы, располагая скромным монистическим объемом информации, подводили

²⁰ См. об этом: П. Г. Б о г а т ы р е в. Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов. М., 1958; В. М. Ж и р м у н с к и й. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958 (очень спорно отнесение автором баллад исключительно в сферу заимствования); Е. М. М е л е т и н с к и й. Происхождение героического эпоса. М., 1963 (автор не всегда определенно показывает роль используемых им понятий, ср., например, о значении аналогий между национальными эпосами, стр. 223 и 415); Б. Н. П у т л о в. Славянская историческая баллада. М.—Л., 1965 (автор практически отрицает роль заимствований, хотя выведенные им правила — наличие генетических предшественников или сюжетного окружения — полностью не исключают возможность заимствования). Мы называем работы об эпосе, так как эта область наиболее активно исследовалась и именно в ней наметились серьезные методологические сдвиги.

и подводят под какой-нибудь «закон» тот или иной фольклорный факт.

Число решений — особенно в области изучения эпоса — в отношении одного и того же факта настолько выросло, что даже элементарный их учет становится затруднительным. И если отдавать себе отчет в том, что эти решения затрут по большей части односторонний характер, то нужно признать: многочисленность решений в данном случае свидетельствует о методологическом тупике. Это не может не смущать серьезных исследователей. В последние годы все настойчивее звучат голоса отдельных ученых, призывающих к конструктивной переоценке научных теорий. А. М. Астахова, в частности, предлагает: «Надо провести сложную и трудоскую работу по пересмотру всех существующих концепций», «надо заново поднять весь тот обширный исторический и литературный материал, который накоплен предыдущими исследованиями, внимательно разобраться в нем, чтобы отбросить все, что только загромодило и запутало конечные выводы; выделив же гипотезы, заключающие в себе наиболее вероятное, подвергнуть их снова глубокой проверке и осмыслению»²¹.

Думается, что в трудах предшественников следует четко отделять методологию от накопленного фактического материала, безусловное использование которого не вызывает сомнений. На наш взгляд, не существует острой необходимости в том, чтобы искать в трудах предшественников методологические открытия. В принципе, зная односторонний характер вводных данных, можно искусственно образовывать любое, зависящее лишь от числа вводных, число решений в рамках известных научных школ. Скажем, четыре вводных элемента дадут нам 24 решения, пять вводных — 120 решений, шесть вводных — 720 решений и т. д. Полагаем, что таким образом мы можем с лихвой перекрыть все рекорды по многочисленности решений, поставленные научными школами, однако и эта мера не избавит нас от одностороннего подхода к фольклору. Ведь наборы взятых нами вариаций будут укладываться в прокрустово ложе какого-то одного ряда, какого-то одного отношения, свойственного объекту изучения. Вероятность каждого из таких решений будет равна соответственно $\frac{1}{24}$, $\frac{1}{120}$, $\frac{1}{720}$ и т. д. Иными словами, как это ни парадоксально, случайный и произвольный характер решений будет лишь усиливаться с увеличением вводных данных. Тем самым мы будем все дальше уходить от выяснения устойчивых или переменных, по-настоящему реальных связей и отношений, присущих фольклору.

Фольклористам полезно было бы обратиться к современной логике (шире — философии) и к методологическому наследию тех наук, которые также занимались проблемами генезиса и эволюции своих объектов и в этом отношении далеко опередили фольклористику. Необходимо осознать многорядовый и многопорядковый характер фольклора в целом, его жанров, разновидностей, произведений и приниматься за выявление связей как внутри рядов и порядков, так и между ними.

Фольклор должен изучаться прежде всего и главным образом как явление, присущее той этнической среде, в которой оно зафиксировано. И только длительные исследования многообразных связей и отношений внутри национального фольклора и между национальными фольклорами обеспечат обнаружение достоверных критериев (а их в распоряжении науки почти нет), с помощью которых можно будет недвусмысленно и точно определять происхождение фольклора в целом и его слагаемых.

²¹ А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, стр. 282, 283.

А. В. СУПРУН

О СИСТЕМНОМ И СТАТИСТИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ИЗОГЛОСС СЛАВЯНСКОГО МИРА

Понятие системы прочно закрепилось в современной науке о языке. Правда, понятие это толкуется по-разному, но теперь уже невозможно подходить к явлениям языка без учета так или иначе понимаемой их системности. В частности, понятие системы из характеристики явлений внутриязыковых — грамматическая система, лексическая система, звуковая система — стало переноситься на сферу использования этих явлений, на сферу прагматики в широком смысле слова. Теперь речь идет не только о системе фонем или о системе глагольных времен, но и о системе стилей или о системе диалектов.

Системный принцип изучения диалектов с разных сторон обосновывается за последнее время в славянской диалектологической литературе. Понимание диалектов как системы может быть интерпретировано по крайней мере двояко. Во-первых, диалекты могут рассматриваться как различные отражения относительно единой системы, как результат некоторых изменений в этой системе; поскольку сами изменения носят системный характер, следует ожидать, что системными будут и результаты изменений. Во-вторых, группу диалектов мы можем рассматривать как диалекты некоего единого языка в том случае, если между системами диалектов устанавливается некоторая система корреспонденций; эта система корреспонденций и будет по существу системой диалектов языка. Вторая интерпретация системности диалектов более обща, поскольку в ней не принимается в расчет генезис диалектов, относительно которого могут быть различные мнения.

Такое понимание системности диалектов предполагает многомерность системы. Система диалектов является, если угодно, не суммой систем диалектов, а их произведением, ибо это не система отношений между отдельно взятыми фактами диалектов, а система отношений между системами диалектов. Вообще говоря, система диалекта может включать в себя несколько стилевых систем, причем вполне возможно использование в качестве одного из стилей данного диалекта некоторого общего для нескольких диалектов под- или наддиалекта (ср., например, язык фольклора или использование литературного языка как некоторого официального стиля носителями различных диалектов современных языков). Однако при рассмотрении территориального размещения языковых явлений целесообразно так или иначе отвлекаться от фактов социально-стилистического плана и сосредоточить внимание только на тех явлениях, варьирование которых в наше время определяется лишь географически.

Но при этом условии анализа многомерность диалектной системы остается. Она, естественно, не облегчает исследования, но в свете си-

стемного подхода к фактам языка учет этой многомерности совершенно необходим, хотя практическое осуществление такого учета требует особых приемов.

Чтобы избежать многомерности диалектной системы, в порядке первого приближения можно прибегнуть к некоторым упрощениям. Наиболее простое из них состоит в том, что строится г е о г р а ф и ч е с к а я система некоторого факта *a*, затем строится такая же система факта *b*, факта *c* и т. д.; эти географические системы накладываются друг на друга, и то, что получается в результате таких наложений, рассматривается как система диалектов. Приближенность такого способа рассмотрения диалектной системы вытекает из того, что при его использовании исчезает по сути дела система каждого из диалектов. Если для наглядности представить географическую систему как некоторую горизонтальную сетку, а систему каждого из диалектов как вертикальный столбец, то при описанной процедуре построения диалектной системы языка мы получим лишь ряд горизонтальных срезов, совмещение которых не всегда правомерно, так как явления, попадающие в срез в одном диалекте, в системе другого диалекта могут занимать совершенно иное место в отношении других явлений системы данного диалекта. Системы отдельных диалектов, существующие в реальности, при такой процедуре разрушаются, а взамен них конструируются некоторые искусственные вертикальные системы. Аналогией такого подхода к построению диалектной системы языка может служить попытка построения праязыка без учета относительной хронологии, без учета взаимоотношения элементов праязыка; при такой попытке праязык получался бессистемным набором, а не системой явлений. Современная же диалектология стремится к построению системы, ее не может удовлетворить просто сбор материала, его накопление (хотя сбор и накопление фактов продолжают оставаться в числе важнейших задач науки).

Для диалектологии важно знать не только, какую географическую систему составляют диалектные факты, но и то, как они взаимодействуют в системе отдельных диалектов. Это можно показать на примере систем родственных языков. Можно, например, допустить, что какое-то окончание сохранилось в разных языках. Так, в русском и чешском языках в родительном падеже у числительных типа *пять* выступает одинаковое окончание (русск.-и, чешск.-*i*), но этого еще недостаточно для утверждения того, что слово *пять* в русском и чешском языках склоняется одинаково. С другой стороны, слово *кость* в творительном падеже в русском имеет окончание *-ью*, а в чешском *-i*, но этого слова недостаточно для того, чтобы сказать, что слово это в русском и чешском языках в единственном числе имеет различные модели склонения. Рассмотрение небольшой подсистемы, которую можно было бы назвать микросистемой склонения этих типов слов, показывает, что типологически склонение слова *кость* в русском и чешском языках почти тождественно (различие состоит лишь в том, что в чешском сохраняется звательная форма); и в русском и в чешском языках слова этого типа имеют по три формы, одна из которых используется в именительном и винительном падежах единственного числа, другая — в творительном, а третья — для остальных падежей. Слово же *пять* имеет в русском и чешском языках разные типы склонения: в русском — трехформенную парадигму, аналогичную рассмотренной только что парадигме слова *кость*, а в чешском — двухформенную парадигму с противопоставлением винительного-именительного косвенным падежам. Существенно подчеркнуть, что рассмотрение даже всех падежей *п о п а р н о* в русском и чешском языках не могло бы дать того результата, который получается при сопоставлении целых

микросистем, ибо попарное совпадение или несовпадение окончаний падежей еще не дает основания говорить о тождестве или нетождестве парадигм в типологическом плане. Более того, различие русского *-ью* и чешско-*í* в склонении слова *kostь* должно быть объяснено не на морфологическом, а на фонетическом или фонологическом уровне, а это значит, что для получения полной информации о соотношении русской и чешской парадигм склонения недостаточно самих лишь этих парадигм. А между тем, процедура построения системы диалектов как суммы географических систем отдельных фактов без учета роли этих фактов в системах отдельных диалектов таит в себе опасность того, что факты, получающиеся объяснение в системе своего диалекта, могут оказаться разрозненными и потерявшими вне системы диалекта. Разрешающая способность лингво-географического описания при этом похищается.

Система каждого языка и диалекта распадается на некоторые подсистемы, разумеется, связанные между собой, но все же относительно обособленные. Не забывая о связи между подсистемами, для удобства изучения иногда приходится прибегать к анализу именно этих подсистем (микросистем). Видимо, и в лингвогеографии было бы целесообразно обратиться не только к картографированию отдельно взятых фактов, но и таких подсистем (микросистем). Так, например, вполне реально провести изоглоссы не (или не только) отдельных падежных форм, но и изоглоссы типов (моделей, микросистем) склонения тех или иных групп слов.

Если взять для примера микросистемы склонения слов типа *пять* в современных славянских языках, то обнаруживается четыре типа таких микросистем, включающих соответственно одну, две, три или четыре формы. Распространенность этих типов микросистем варьируется по литературным языкам и по диалектам. Распространение этих типов микросистем (парадигм) по языкам в целом таково:

одноформенная: (болгарский, македонский), сербско-хорватский, словенский, словацкий, серболужицкие;

двухформенная: чешский, верхнелужицкий;

трехформенная: польский, русский, белорусский, украинский;

четырёхформенная: украинский, словацкий, словенский, серболужицкие.

Следует отметить, что имеются вполне определенные связи этой микросистемы с другими микросистемами (парадигмами) склонения. Так, в частности, четырехформенная микросистема — большей частью уже не система собственно числительных типа *пять*, а система более широкого круга числительных (она включает также *три*, *четыре*, иногда и *два*). А типологически тождественная русской микросистеме трехформенная микросистема склонения украинских числительных типа *п'ять*, сосуществующая с четырехформенной, имеет в творительном падеже окончание *-ма*, связывающее ее с четырехформенной парадигмой. С другой стороны, необходимо учитывать и частично уже отмеченные случаи сходства или несходства микросистемы склонения числительных типа *пять* с микросистемами склонения не только числительных, но и других частей речи (ср. сходство в ряде языков трехформенной микросистемы числительного *пять* с микросистемой склонения существительных типа *кость* в единственном числе или сходство четырехформенной микросистемы таких числительных с четырехформенной системой склонения прилагательных во множественном числе).

К сожалению, данные, приводимые даже в монографических описаниях диалектов, нередко очень бедны сведениями о системе склонения числительных; обычно упоминается, например, форма *пятьх* или *пятих*,

иногда даже без указания на то, имеется ли соответствующая форма для других падежей и как соотносится данная парадигма (если она существует) с другими парадигмами. Поэтому имеющиеся в диалектных описаниях сведения лишь несколько дополняют наши сведения о распространении тех или иных микросистем склонения числительных типа *пять*, но пока не могут быть достаточными ориентирами для уточнения границ ареалов. Так, одноформенная микросистема (несклоняемость хотя бы в некоторых случаях) представлена в некоторых украинских, белорусских, польских говорах; двухформенная микросистема известна в русских говорах; четырехформенная микросистема встречается в ряде говоров русского, белорусского, польского языков.

Таким образом, оказывается, что наибольшее распространение в современных славянских языках в территориальном отношении имеют две «полюсные» микросистемы склонения числительных типа *пять* — одноформенная и четырехформенная, причем последняя, несмотря на свою распространенность, по крайней мере в литературных языках не является единственной: с ней сосуществуют другие микросистемы склонения. С другой стороны, двухформенная и трехформенная микросистемы встречаются в более ограниченных ареалах. Уже эти факты, сопоставленные с микросистемами склонения других числительных, а также других частей речи, позволяют высказать мысль о некоторых особенностях экспансии одноформенной и четырехформенной микросистем склонения числительных типа *пять* в славянских языках. Что-то, видимо, мешает полному принятию четырехформенной парадигмы, «выгодной» тем, что она сближает различные типы числительных — *пять*, с одной стороны, и *(два), три, четыре*, с другой. Возможно это «что-то» заключается в том, что принятие такой парадигмы для числительных привело бы к поглощению их прилагательными. Одноформенная парадигма, если не учитывать в данном случае болгарского и македонского языков, вообще утрагивших склонение, стала единственной только в сербско-хорватском языке; во всех других славянских языках она используется как факультативная в определенных случаях. К сожалению, неполные данные об использовании такой парадигмы в говорах не дают возможности сделать заключения о некоторых возможных условиях принятия одноформенной парадигмы как единственной. Но сравнительно большая распространенность одноформенной парадигмы позволяет думать, что хотя бы в некоторых отношениях она соответствует тенденциям в эволюции славянских числительных. Полные диалектные данные, быть может, дали бы возможность развить эти соображения, в частности установить «эпицентры» экспансии одно- и четырехформенной микросистем.

Нельзя, конечно, полностью отрицать значения изоглосс отдельных, даже изолированных, фактов. Но следует думать, что именно изоглосса микросистемы дает больше возможностей для обобщений, для вскрытия особенностей языковых явлений. Нужно сказать, что иногда изоглосса отдельной формы может рассматриваться как представитель (репрезентант) некоторой микросистемы. Так, есть некоторые основания допустить, что формы *пятѣх, пятих* и подобные являются репрезентантом четырехформенной микросистемы. В этом случае изоглосса формы *пят-х* будет как бы знаком изоглоссы всей микросистемы и может быть в качестве таковой использована при различных интерпретациях данных лингвистической географии. При этом, однако, весьма существенно иметь твердое убеждение, что та или иная форма действительно является репрезентантом той или иной микросистемы. А убедиться в этом — по существу равносильно проведению системной изоглоссы.

В рассмотренном примере системная изоглосса проводится для небольшой микросистемы. Однако можно провести изоглоссы, характеризующие более крупные языковые подсистемы. Правда, в этом случае, по-видимому, нельзя будет ограничиться непосредственными наблюдениями или сравнительно простыми обобщениями, подобными тем, которые производятся при построении парадигмы одного типа склонения. Здесь нужны будут более генерализованные данные. Так, если бы в качестве объекта для картографирования было избрано склонение существительных в славянских языках, можно было бы воспользоваться обобщающими данными о склонении, которые приведены, например, в коллективном докладе группы советских славистов «Об одном подходе к типологии славянских языков»¹ на таблицах XIV и XV (количество типочформ, неразложимых сочетаний граммем, морфов, число типов нейтрализации; степени отклонения от синтетически простого языка, от аналитически простого языка, от идеального языка).

Можно было бы попытаться построить изоглоссы, характеризующие склонение числительных в целом. Для склонения числительных показательно количество типочформ. По убыванию этого количества в склонении числительных славянские языки располагаются в следующем порядке: украинский, белорусский, русский, польский, чешский, нижнелужицкий, верхнелужицкий, словенский, словацкий, сербско-хорватский, (македонский, болгарский). Учитывая значительные колебания в использовании форм склонения, характерные для славянских языков, можно думать, что наличие более полных сведений о склонении числительных в славянских диалектах могло бы дать очень интересные материалы для воссоздания картины истории и современного состояния славянских числительных. К сожалению, такие сведения имеются лишь по считанному числу диалектов.

Надо сказать, что пример с сосуществованием микросистем склонения одного и того же числительного в одном и том же языке на одном и том же этапе его развития, иногда даже в одинаковых окружениях, не единичен. В сосуществовании языковых явлений можно видеть проявление языковой динамики. Поскольку история языка творится в синхронии, можно полагать, что именно в процессе выбора одной из сосуществующих форм осуществляется тенденция к эволюции употребления этих форм. В связи с этим немалый интерес представляет использование статистического анализа при характеристике тех или иных сосуществующих явлений в диалекте или языке. Модель системы диалекта или системы систем диалектов будет неполной без указания относительного веса, вероятности тех или иных сосуществующих (и тем самым конкурирующих) явлений. В диалектологии славянских языков имеется некоторый опыт использования статистических данных. Можно указать на наблюдения В. Дорошевича над носовыми гласными в мазовецких говорах, по материалам которых еще в тридцатых годах он поставил вопрос о статистическом представлении изоглосс². Из работ последнего времени с более близким к теме этой статьи материалом следует отметить работу П. Янчака о возможностях статистической разработки колеблющихся диалектных явлений на лингвистических картах³, вы-

¹ З. М. Волоцкая, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева, П. П. Ревзин, Т. В. Цивьян. Об одном подходе к типологии славянских языков. В сб.: «Славянское языкознание», М., 1963.

² W. Doroszewski. Pour une représentation statistique des isoglosses. — «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris», XXXV, 1, 1935; ср. также: В. Доросzewский. Диалектология и сравнительно-исторический метод в языкознании. — «Вопросы языкознания», 1956, № 5

³ P. Jančák. Možnosti statistického zpracování, kolísavých nářečných jevů na jazykových mapách. — «Prace filologické», t. XVIII, cz. 1, Warszawa, 1963.

полненную на материале форм родительного падежа *uhlí/uhlího* в чешских говорах. По-видимому, возможно не только несколько иное графическое представление статистических данных на картах (например, при помощи секторных диаграмм или при помощи линий, соответствующих некоторым статистическим показателям в тех или иных местностях), чем то, которое предлагается Янчаком, но и использование в лингвистической географии некоторых более сложных статистических параметров.

Такие более сложные параметры целесообразно использовать, видимо, в том случае, когда имеется необходимость, с одной стороны, дать некоторые статистические сведения, учесть вероятности появления некоторых языковых явлений, а с другой стороны, учесть системный характер этих явлений. Так, например, можно воспользоваться коэффициентом корреляции между рядами цифр, характеризующих вероятность появления тех или иных форм в различных диалектах или языках⁴. Конечно, коэффициент корреляции не отражает всего богатства материала, в частности статистического материала, об употребительности тех или иных форм в говорах; но он в обобщенном виде позволяет представить отношения между диалектными системами с колеблющимися данными о частоте отдельных элементов этих систем. Таким образом, картографирование коэффициента корреляции в известной мере аналогично картографированию, например, степени отклонения от идеального языка, в рассмотренном примере тоже, конечно, не отражающей всего богатства склонения славянских существительных, но зато дающей некоторое сравнительное представление о соотношении особенностей систем склонения существительных в исследуемых языках или диалектах.

Одним из интересных колеблющихся во всех славянских языках грамматических явлений, которое вполне сравнимо и потому удобно в качестве примера, является согласование в числе сказуемого с количественным подлежащим. Речь идет, таким образом, о колебаниях формы числа сказуемого в конструкциях типа: *Пять человек идет/идут по улице*. Такие колебания в большей или в меньшей мере присущи всем славянским языкам, причем, что существенно, варьируются в зависимости от того, какое числительное употреблено в подлежащем. Поэтому можно говорить о некоторой статистической системе согласования в числе сказуемого с количественным (числительным) подлежащим в каждом из славянских языков (и диалектов) и путем использования коэффициентов корреляции между этими системами показать отношения между ними в географическом аспекте.

Одна из возникающих при этом проблем — выбор эталона, стандарта, с которым целесообразно производить сравнение. В качестве такого эталона может быть избрано некоторое отвлечение от реальных свойств явлений, как, например, «идеальный язык» в упоминавшемся выше коллективном докладе группы советских славистов или некоторая генетически предшествующая модель, сравнение с которой позволило бы в наибольшей степени выявить имеющиеся в возникших на ее базе языковых или диалектных системах тенденции. В диалектологических разысканиях, быть может, более правомерно сравнение с реальными языками или диалектами, воплощающими в себе те или иные особенности вариации данной системы. Каждый из этих эталонов обладает своими достоинствами и своими недостатками; поиск эталона вместе с тем было бы целесообразно вести не только с учетом особенностей данной микросистемы, но и всей языковой системы в целом: всеобщий эталон мог бы быть очень

⁴ Об использовании в языковедческих исследованиях коэффициентов корреляции см., например, Р. М. Фрумкина. Статистические методы изучения лексики. М., 1964.

полезен для обеспечения сравнимости различных данных. В этом смысле в поисках такого эталона много общего с поисками языка-посредника для машинного перевода и поисками языковых универсалий.

Коэффициенты корреляции доли единственного числа в согласовании сказуемого с количественным подлежащим были рассчитаны по отношению к чешскому языку, как языку с наименьшими колебаниями в употреблении форм числа сказуемого при количественном подлежащем, языку, в котором это согласование весьма регламентировано в зависимости от того, какое числительное выступает в подлежащем, к болгарскому языку, где при относительно строгой регламентации решительно преобладает множественное число сказуемого, а также к русскому языку, в котором согласование сказуемого с количественным подлежащим наименее регламентировано. В качестве типов подлежащих, при которых варьируется вероятность появления единственного числа сказуемого, избраны подлежащие, включающие числительные *оба, два, три — четыре, двое, пять, много — несколько*. Более дробное членение типов подлежащих для проверки их согласования со сказуемыми в восточнославянских языках, вследствие особенностей числительных в ряде языков, было бы затруднительно и существенно не изменило бы полученных коэффициентов. Полученные коэффициенты приводятся в таблице; следует иметь в виду, что второй десятичный знак в таблице приводится условно, ибо в ряде случаев погрешность превышает 0,1 (в известной степени допустимо пренебречь такой погрешностью, поскольку все коэффициенты получены одинаковым образом, но иметь в виду эту погрешность, так же как и оценочный характер некоторых исходных данных, необходимо). К сожалению, мы не располагаем соответствующими данными по славянским диалектам, которые могли бы осветить многое из того, что сейчас не ясно; но смысл данных, приводимых в таблице и представленных на рис. 1—3⁵, состоит в нашем примере не только

Таблица

По отн. к яз.	Бол	М	СХ	Слн	СЛ	П	Ч	Слц	Р	У	Бел
Р	0,87	0,88	0,96	0,89	0,97	0,91	0,66	0,59	1,00	0,98	0,99
Бол	1,00	1,00	0,81	0,73	0,84	0,71	0,71	0,84	0,87	0,88	0,83
Ч	0,71	0,73	0,80	0,99	0,98	0,86	1,00	0,98	0,66	0,75	0,64

и, пожалуй, не столько в географической интерпретации конкретного языкового явления (согласования сказуемого с количественным подлежащим), сколько в утверждении возможности представления при помощи коэффициента корреляции географической системы языковых систем, элементы которых колеблются, варьируются.

Бесспорно, установление процентного отношения тех или иных явлений в диалектах не может считаться легкой задачей, но без ее решения нам не удастся с необходимой глубиной проникнуть в понимание закономерностей функционирования и эволюции некоторых фактов. Можно допустить, что при сборе материала для описания говора будет спровоцировано повторение некоторых необходимых конструкций, ана-

⁵ Сокращения в таблице и на рисунках означают: Бел — белорусский, Бол — болгарский, М — македонский, П — польский, Р — русский, СЛ — серболужицкие, Слн — словенский, Слц — словацкий, СХ — сербско-хорватский, У — украинский, Ч — чешский языки.

лиз употребления которых с известным приближением позволит говорить об их варьировании хотя бы в некоторых узловых пунктах.

Получение системных и статистических данных по говорам, по-видимому, даст возможность вскрыть некоторые межъязыковые изоглоссы, уточнить ареалы распространения языковых явлений, раскрывая тем самым в ряде случаев механизм действия языковых тенденций, в частности в области языковых инноваций, которые изучаются еще недостаточно. Необходимость получения таких данных диктуется, однако, не только внутренними потребностями диалектологии, но и запросами тех отраслей науки, которые являются «потребителями» диалектологических материалов, в частности запросами истории языка, которая обнаруживает все большую тягу к системному и вероятностному анализу фактов. С другой стороны, нельзя не учитывать, что в современном мире диалекты в чистом виде постепенно отмирают, причем процесс этот происходит со все возрастающей скоростью. Разрушение «чистых» говоров сказывается прежде всего именно на системе. Если отдельные факты еще и сохраняются в виде больших или меньших островков в море наступающих литературных языков (такими островками в большинстве современных славянских языков являются, например, реликты системы двойственного числа), то цельность системы диалектов, а тем самым и системы диалектных систем будет нарушена. Система диалектных систем уже претерпела

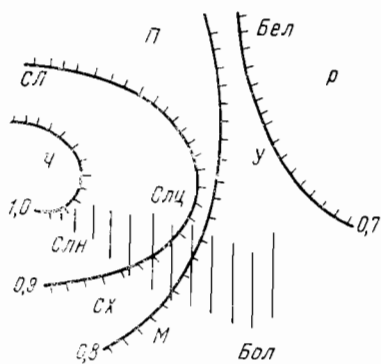

Рис. 1

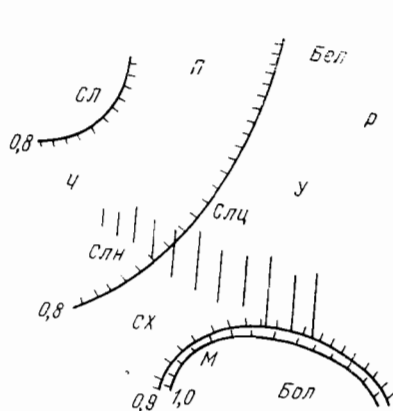

Рис. 2

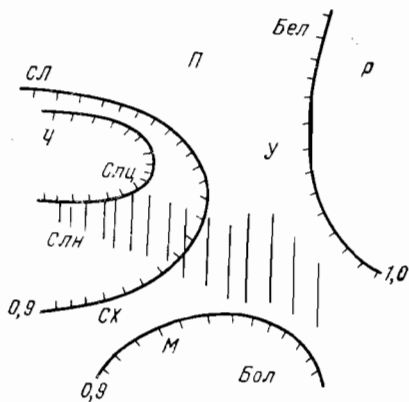

Рис. 3

немало преобразований, и на пути у нее стоят еще большие преобразования, в общем, видимо, направленные на стирание географических различий в языках. Поэтому то, что не будет записано в ближайшие годы, спустя два, три или пять десятков лет будет потеряно для науки навсегда.

Вот почему представляется разумным при сборе диалектологических материалов в наше время совмещать достаточно подробные, монографического типа описания определенной сетки пунктов, производимые по строгому плану, с более поверхностными характеристиками более

густой сетки точек. Это и предусматривается в «Вопроснике Общеславянского лингвистического атласа» для сбора материалов, по которому предполагается использовать полный и сокращенный варианты вопросника. В «Вопроснике» совершенно справедливо отмечается, что эксплораторы «обязаны в каждом населенном пункте установить систему вокализма, консонантизма и просодии»⁶. Наряду с этим было бы, видимо, целесообразно устанавливать хотя бы основные системы склонения и спряжения. С другой стороны, эти системы должны быть отражены не только «в томах пояснений к картам атласа», но и непосредственно на самих картах. Хотелось бы, чтобы такой фундаментальный научный труд, каким является Общеславянский лингвистический атлас, отражал бы системный подход к языку не только на фонологическом уровне и отражал бы его в основной своей части (на картах).

За лингвистическими картами, за лингвистическими атласами, конечно, может и должно сохраниться значение капитальных и географически систематизированных собраний диалектных материалов. Но первичный материал может и должен также получить на картах определенное обобщение. Это вполне соответствует мысли о том, что «лингвистическим картам в полной мере присуще неотъемлемое свойство любой карты — генерализованность изображения»⁷. Построение системных, а также системно-статистических изоглосс как раз и является тем обобщением явлений и контуров их распространения, о котором говорят картографы, обобщением, вытекающим из системного устройства самого картографируемого объекта — языка. Можно думать, что генерализованное представление некоторых явлений языка на лингвистических картах отнюдь не понизит научного уровня карт, а, напротив, повысит его, поднимет их до уровня необходимых в науке обобщений. Компрессия информации о лингвистических явлениях в говорах, которая будет достигаться на системно-статистических картах, сделает их еще более ценным орудием в руках лингвистов, так как системное и статистическое представление изоглосс помогает проникнуть в глубины системы диалектных систем.

⁶ «Вопросник Общеславянского лингвистического атласа». М., 1965, стр. 10.

⁷ Е. М. П о с п е л о в. Некоторые картографические вопросы лингвистической географии. — «Советское славяноведение», 1966, № 1, стр. 61.

СООБЩЕНИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ

К 50-летию Октябрьской революции

ХРИСТИАН КАТЕВ

В РЯДАХ БОРЦОВ ЗА ПОБЕДУ РЕВОЛЮЦИИ ¹

Отец мой, Тошо Атанасов Кътев (Катев), житель города Враца (Болгария), в прошлом мелкий торговец, по профессии сапожник, с трудом добывал средства для содержания своей многочисленной семьи. Поэтому все дети, в том числе и я, учились и одновременно работали, чтобы помогать родителям. Позднее, в 1906 году, когда мне исполнилось одиннадцать лет, во время каникул меня определили на работу к дяде, который в то время содержал небольшой бакалейный магазин в селе Долна Бешовица Врачанского округа.

В 1912 году мой отец скоропостижно скончался. После смерти отца я уехал в Софию. Здесь меня как рабочего-портного приняли в члены профсоюза при БРСДП (тесняков). С этого времени началась моя сознательная рабочая жизнь. В Софии я вместе с товарищем спял комнату на ул. Ополченской, в одном из отдаленных кварталов города. По соседству с нами жил Г. Димитров.

И сейчас, спустя много лет, образ Димитрова, человека с живыми черными глазами, черною бородкой и крепкой палкой («бастон») в руке, стоит передо мной. Мне товарищ Димитров был особенно близок, ведь его кандидатура в Народное собрание (парламент) выдвигалась от города Враца, где я родился и где Димитров неоднократно бывал и выступал на публичных собраниях. Его исключительно интересные беседы всегда увлекали слушателей и пробуждали особую симпатию.

Шел сентябрь 1915 года. В Болгарии была объявлена всеобщая мобилизация. Болгарское правительство возглавлял Радославов — сторонник тесного сближения с Германией. Болгария была вовлечена в войну против России. В октябре 1915 года я был призван на военную службу в болгарский черноморский военный флот.

В 1918 году, после окончания войны, я был демобилизован из флота и поступил работать в качестве матроса на болгарский торговый пароход «Варна», реквизируемый вместе с другими судами болгарского торгового флота французским правительством. Мы совершали рейсы под французским флагом между портами Черного и Средиземного морей. Для тех, кто занимался в то время революционной работой, плавать под французским флагом было удобно, тем более, что экипаж этих судов был укомплектован болгарами, за исключением двух французских матросов-радиостов и офицера-комиссара судна.

Болгарская социал-демократическая рабочая партия (тесняков) находилась на легальном положении. Но в связи с некоторыми политическими изменениями в стране она начала готовиться к подпольной работе,

¹ Отрывок из воспоминаний ветерана революционного движения в России и Болгарии Христиана Тошевича Катева, в настоящее время — персонального пенсионера, проживающего в Москве.

создавая нелегальные группы. Под руководством Варненского партийного комитета БСРДП (тесняков) на судах болгарского торгового флота были также организованы нелегальные ячейки, в которые привлекались наиболее проверенные товарищи. На пароходе «Варна», где я работал, была создана нелегальная ячейка из 8 человек, включая и меня. Наша ячейка была передана в распоряжение константинопольского революционного комитета, который возглавляли Серафим Максимос, Николай Трайчев и Анастасий (Николас) Захарнадис. Эта боевая организация была в 1919 году связана с большевистской иностранной коллегией в Одессе. Нашей основной задачей было бороться с империалистами, начавшим интервенцию против молодой Советской республики в России.

В Константинополе велась пропаганда среди войск Антанты, распространялись листовки, плакаты, прокламации и другая нелегальная литература, печатавшаяся на французском, английском, греческом и русском языках. Вот что представляла собою одна из сохранившихся листовок-плакатов. На небольшом листке нарисован земной шар. Над Европой разгорается пожар. Из пламени пожара поднимается красная звезда с серпом и молотом. Европа окутана длинной красной лентой с надписью на французском языке: «Этот пожар никогда не угаснет».

С чувством большого удовлетворения и гордости вспоминается тогдашняя наша нелегальная работа в Константинополе.

В Галаце, одном из городских кварталов, находился небольшой бакалейный магазин «Ени кале», хозяином которого был Николай Трайчев. В этот магазин в хорошей упаковке привозились ящики с нелегальной революционной литературой. За получением продуктов в магазин Трайчева от нашего парохода ходили Марин Стойчев, Стефан Добрев, Петко Боев и я. В этом магазине действительно закупились продукты, но вместе с ними на пароход приприслалась и нелегальная литература.

Ящики с революционной литературой по заданию революционного комитета доставлялись на пароходе «Варна» в румынские порты Констанца и Галац. В Констанце ее получал член Константинопольского революционного комитета — Пантелей Скутельник, бывший третий механик парохода «Принцесса Мария», а в Галаце — Райко Гайтанджиев, бывший матрос болгарского парохода «Царь Фердинанд».

Согласно установленному порядку, нелегальная литература перебрасывалась через Бессарабию в Молдавию и Одессу, где и использовалась по назначению.

Большое внимание уделялось пропаганде среди антантовских войск, особенно колониальных, а также среди экипажа военных кораблей «Вальдек Руссо», «Эрнест Ренан», «Жюль Мишле», «Жан Бар», «Франс Жюстис» и других. Все эти корабли в разное время были на юге России в составе интервенционистской эскадры.

Революционная работа в армии и флоте Антанты подрывала положение интервентов, но они никак не могли воспрепятствовать ей, так как революционные организации были хорошо законспирированы. Это видно из приказа командующего антантовскими войсками на Ближнем Востоке генерала Франции Д'Эспере от сентября или октября (точно не помню) 1919 года. В приказе говорилось о коммунистической пропаганде и способствующих ей элементах, которые пытаются внести смуту и дезорганизацию в ряды армии победителей. Этот приказ был также связан с неудачной посылкой белогвардейского военно-транспортного судна «Молчапов» в Новороссийск. На борту этого судна, кроме французских частей, находилось также большое количество добровольцев-легионеров, привезенных из Константинополя в Новороссийск для пополнения разбитой армии генерала Деникина.

Как стало известно, Деникин отказался принять эти части и просил своего хозяина в Константинополе генерала Франше Д'Эспере в дальнейшем не посылать такого рода деморализованных войск².

Армия добровольцев-легионеров была сформирована из русских солдат, бежавших из военных частей русского армейского корпуса, который по окончании войны был снят с Салоникского фронта и расквартирован в Салопиках. Все эти солдаты, в большинстве из сибирских крестьян, рвались на родину и готовы были любой ценой ехать домой. Так как это было невозможно в связи с гражданской войной в России, то они воспользовались антантовскими вербовочными пунктами в Константинополе и завербовались как добровольцы.

Результаты пропаганды большевиков сказались по прибытии добровольцев в Новороссийск: они паотрез отказались воевать с кем бы то ни было, мотивируя тем, что война окончена и Версальский мирный договор уже подписан. Такая демонстрация со стороны добровольцев-легионеров пришлась не по душе Деникину и белому командованию в Новороссийске, и они отказались от этих войск.

Нелегальная литература усиленно распространялась также на транспортных судах, на которых интервенты перебрасывали свои колониальные войска к границам Советской России, лихорадочно подготавливая нападение на Советскую республику.

Французское командование не пропускало случая для клеветы на большевиков, пытаясь ввести в заблуждение простых людей, внушить им ненависть к большевикам. Это заставляло нас еще активнее вести разъяснительную работу на судах среди воинских частей. Среди наших товарищей были люди, которые владели арабским и французским языками; однако вести эту работу было очень трудно, так как при малейшем подозрении арестовывали и судили. В Константинополе и других портовых городах, где были сосредоточены колониальные войска, в нелегальной работе, наряду с болгарами, принимало участие значительное число иностранных коммунистов. Из них многие были арестованы и осуждены военными судами. Фамилии некоторых товарищей я сохранил в памяти. В их числе были — Слободан Бошняк (далматинец) из экипажа итальянского парохода «Реммо», Пауль Коссамо (итальянец) из экипажа итальянского парохода «Адриа», Атанаси Христиадис (грек) из экипажа греческого парохода «Хиос», Никола Тодоров (болгарин) из экипажа болгарского парохода «Царь Борис» и многие другие.

В ноябре 1919 года пароход «Варна» отправлялся из порта Бейрут в Константинополь. Перед отходом судна под усиленным конвоем к нам на пароход привели арестованного. Позднее стало известно, что это югослав. Его арестовали в Бейруте за большевистскую пропаганду среди французских колониальных войск. При аресте у него нашли документы, свидетельствовавшие о его революционной работе. Мы решили помочь этому товарищу, освободить его из-под стражи. Медлить было нельзя.

Арестованный находился на верхней палубе, недалеко от камбуза. При нем был конвой, состоявший из двух полицейских (арабов) и сержанта француза. Сержант, устроив арестованного и двух конвоиров на палубе, отправился в кают-компанию к другому французу, комиссару нашего судна. Ничего не подозревая, они сидели за ужином и спокойно беседовали.

Вечером, когда стемнело, наша группа приступила к выполнению намеченного плана. Имея при себе хорошее вино и закуску, наши товарищи подошли к конвою. Товарищ Бакарджиев, владевший арабским

² ЦГАОР СССР, ф. 449, оп. 1, д. 10, ч. 11, л. 188.

языком, завел с конвоирами разговор и предложил закусить и выпить по бокалу вина. Конвоиры согласились и вскоре опьянели. После этого нам удалось незаметно увести арестованного товарища, которого спрятали в одной из свободных от воды цистерн в машинном отделении. В то время недалеко от верхней палубы в кормовой части товарищи выбросили в море тяжелый балласт, и тут же была поднята тревога. Раздались крики: «человек за бортом!». Конвой дал несколько выстрелов, и все это создало большой шум. На палубе собралась французская и болгарская администрация. Стоявший на мостике вахтенный матрос подтвердил, что кто-то бросился за борт. Арабы-конвоиры твердили на ломаном французском языке, что арестованный бросился в море и что они его пристрелили. Затем был составлен акт, и о происшествии сообщили по радио в Бейрут французским властям. На этом все формальности закончились. По прибытии в очередной порт — Александретту конвой покинул наше судно. В пути до Константинополя мы освободили товарища от паручников и благополучно доставили его в Константинополь. Позднее мы узнали, что это был товарищ Цундер, в прошлом он плавал на итальянском пароходе «Каринтия». Встретиться с ним нам больше никогда не пришлось.

В поябре 1919 года пароход «Варпа» пришел в болгарский порт Варну. Из конторы пароходства, как обычно, принесли корреспонденцию. Я получил от матери письмо из Врацы. Она просила, ввиду ее болезни, заехать домой повидаться. Я обратился к капитану парохода Георгиеву и он разрешил мне поехать, обещав по возвращении обеспечить работой.

В начале декабря 1919 года я выехал на родину, а 24 декабря того же года по всей Болгарии началась забастовка железнодорожников. В это время я гостил у брата в городе Лом. Здесь я встретил товарищей, с которыми служил в военном флоте. Мы часто бывали в рабочем клубе БКП (тесняков), где я познакомился с руководителем Ломской партийной организации БКП (тесняков) Крумом Пастармаджиевым. Ему было поручено руководить забастовочным движением в городе. Здесь я начал выполнять задания забастовочного комитета и осуществлял связь между Ломом и Плевной.

31 декабря 1919 года меня арестовали и доставили в Софию в 5-й полицейский участок. Следствие велось в Отделе общественной безопасности. Мне было предъявлено обвинение в участии в нелегальной работе при стачечном комитете в Софии. На следствии меня били, чтобы принудить сознаться. Избиения продолжались до тех пор, пока в полицейский участок не пришел адвокат Василий Мулетаров³. Меня вызвали к нему в контору нашего участка, где он опросил меня и записал все, что происходило на допросах в Отделе общественной безопасности.

Спустя 2—3 дня меня вызвали на допрос в Софийский окружной суд, а затем перевели в Софийскую центральную тюрьму. В феврале 1920 года я был освобожден из тюрьмы и выехал в Варну. Здесь я встретился с Бояном Папанчевым, который предложил мне поселиться у него на квартире в квартале Пенерджик, а позднее привлек меня к работе в Варненской нелегальной организации БКП. Я участвовал в распространении нелегальной литературы и выполнял другую работу.

В сентябре 1920 года я вернулся из Константинополя, куда ездил, выполняя поручение Варненского нелегального комитета БКП по переброске сотрудников Коминтерна: Иосипа Ивицы «Синька» (Гаса Омер Али) и Борисова.

Руководитель нелегального комитета Боян Папанчев, временно замещавший Григория Чочева, сообщил мне, что имеется решение послать

³ В. Мулетаров (1881—1925) — видный деятель болгарского рабочего и коммунистического движения, депутат Народного Собрания от БКП, погиб от фашистского террора.

меня в Советскую Россию. По возвращении Чочева из Софии вопрос был решен — ехать с ним в Одессу. Таким образом, 2 октября 1920 года на парусно-моторной лодке «Вера», принадлежавшей русскому липовану⁴ Ильченко, Чочев, я и еще два товарища (болгары) приехали в Одессу. На другой день нас троих, без Чочева, отправили в Харьков, где мы были приняты председателем Совнаркома УССР Христианом Раковским, который интересовался, кто мы и что намерены делать в Советской России. Мы изъявили желание служить в Красной Армии, и Раковский обещал помочь в этом. Из Харькова нас вернули в Одессу и зачислили в Интернациональный батальон.

456 сборный полк, в который позднее был зачислен наш интернациональный батальон, входил в состав 51 дивизии. Батальон квартировал в Одессе, а 51 дивизия была на Южном фронте. В связи с создавшимся положением наш батальон спешно готовили для отправки на фронт. 15 октября 1920 года стоял прекрасный солнечный день. Пироговские казармы, где квартировал наш батальон, были празднично украшены. На больших красных транспарантах красовались надписи: «Смерть черному барону», «Смело в бой за власть Советов» и много других. Весь батальон имел праздничный вид и боевое настроение. Вечером батальон собрался в поход и 18 октября вступил на Каховский плацдарм, где влился в состав 51 дивизии. 19 октября полк принял участие в боях против 2-го белогвардейского корпуса генерала Витковского, который под ударами Красной Армии панически отступал по направлению к Крыму. В связи с этим командование Южного фронта в приказе от 20 октября выдвинуло задачу: «Задержать главные силы противника и во что бы то ни стало не допустить, чтобы они перебегали в Крым. Принять все меры к их уничтожению» (приказ Фрунзе от 20 октября 1920 года).

29 октября 6-я армия, получив подкрепление, возобновила свои боевые операции и перешла в стремительное наступление на Чаплинку — Перекоп. Командование этой операцией было возложено на В. К. Блюхера. Удар по белогвардейцам был настолько сокрушительным, что они с трудом успели перейти через Чонгарский и Салковский мосты в Крым. Таким образом, Северная Таврия навсегда была очищена от врангелевских войск. Однако Крымский полуостров не был еще освобожден от белогвардейцев.

8 ноября 1920 года 51 дивизия начала артиллерийский обстрел крепости «Турецкий вал». Наш полк в авангарде 51 дивизии находился вблизи крепостного вала, но из-за сильного огня был вынужден отступить. Весь день шли жестокие, но безрезультатные бои, а вечером с 8 на 9 ноября началась подготовка к ночной атаке. Наш полк принимал в ней участие. К утру 9 ноября легендарный командир В. К. Блюхер доложил Реввоенсовету Южного фронта, что белогвардейцы разбиты под Перекопом. 10—11 ноября 51 дивизия, преследуя неприятеля, взяла город Армянск, а 15 ноября 1920 года Крымский полуостров был полностью очищен от белогвардейских полчищ. Это был последний штурм. Белогвардейцы едва успели погрузиться на суда и бежать в Болгарию, Турцию и Югославию.

В Армянске я заболел и меня с высокой температурой положили в госпиталь. 15 ноября меня разыскали и срочно отозвали в штаб командующего вооруженными силами Украины и Крыма в Харьков. Здесь я встретился с Соломоном Гольдштейпом, Василием Поповичем, «Сипькой» и другими товарищами, которых я знал по нелегальной работе.

После выполнения задания, связанного с поездкой в Болгарию, 4 января 1921 года я возвратился в Харьков и с тех пор остался жить в Советской России.

⁴ Липоване — жители русских сел, проживающие в устье Дуная (прим. ред.).

М. М. СУМАРОВА

НОВЫЕ ДАННЫЕ О НАЧАЛЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА

В данной статье дается краткий обзор ранней революционной и публицистической деятельности Филипа Филиповича. Особое внимание уделено периоду его пребывания в России. В статье использованы некоторые материалы советских архивов и русской революционной прессы, позволившие уточнить и расширить наши представления о жизни и деятельности Филиповича. Наибольший интерес представляет личное дело Филипа Филиповича (Бошко Бошковича), хранящееся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ) в фонде Всесоюзного общества старых большевиков. В личном деле Филиповича находятся автобиография, написанная им 19 июня 1934 г., анкеты, мандат члена Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, рекомендательные письма Бела Куна, Франца Коричонера, Н. А. Семашко и другие документы. В работе использованы также материалы Центрального Государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР), фонды министерства юстиции и департамента полиции за 1905—1906 гг., относящиеся к судебному расследованию по делу петербургской группы Центрального Комитета РСДРП, к которой принадлежал Ф. Филипович.

Филип Филипович родился 9 (21) июня 1878 г. в Чачаке (Сербия), в семье учителя. После окончания средней школы и гимназии он поступил в Высшую техническую школу в Белграде. В 1897 г. в Белграде Филипович начал свою революционную деятельность в социалистической студенческой организации и Белградском рабочем обществе. В 1899 г. в связи с покушением на короля Милана Обреновича и наступившем реакции Филипович вынужден был эмигрировать. Осенью 1899 г. он прибыл в Петербург и поступил на физико-математический факультет университета. В Петербурге через своих земляков студента-медика М. Сретеновича и студента-математика Д. Тодоровича он связался с социал-демократическими рабочими кружками, работал курьером, переносил и распространял нелегальную партийную литературу, а затем стал пропагандистом¹. В период первой русской революции Филипович по поручению петербургского социал-демократического комитета должен был начать работу среди военных моряков в Кронштадте, но сделать этого ему не удалось². В ночь на 14 сентября 1905 г. в квартире Филиповича был произведен обыск. По сообщению петербургского охранного отделения, у него были найдены «преступные издания в весьма значительном

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 2006, л. 5.

² Там же.

количестве), предназначенные для распространения среди рабочих Василеостровского района³. Филипович вместе с другими товарищами был арестован за принадлежность к петербургской группе Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии⁴. У Филиповича и его товарищей во время обысков были обнаружены: тайная типография, 8 готовых наборов, в том числе для газеты «Голос социал-демократа» и воззвание «Мир», два пуда типографского шрифта, краски, бумага⁵. 30 сентября 1905 г. при петербургском жандармском управлении было возбуждено дознание по делу о «противопрavitельственной пропаганде»⁶. В числе обвиняемых фигурировал и «сербский подданный Филип Филипович»⁷. После ареста Филипович сидел в одиночке в «Крестах» и подвергался допросам в жандармском управлении⁸. В связи с изданием царского манифеста 17 октября 1905 г. дознание было прекращено, а Филипович освобожден⁹.

Окончив в июне 1904 г. университет, Филипович остался на преподавательской работе в Петербурге. В это время Филипович продолжал вести партийную работу как пропагандист и организатор: собирал деньги для партии, хранил нелегальную литературу, подыскивал помещения¹⁰. В период реакции он продолжал поддерживать связь с рабочими, вел занятия на вечерних рабочих курсах при Высшей школе Лесгафта, в Народных университетах и др.¹¹.

Находясь в России, Ф. Филипович не порывал связи с Сербской социал-демократической партией (ССДП), сотрудничал в ее партийных органах — газете «Радничке новине» и журнале «Борба», а свои летние поездки на родину использовал для переправки в Сербию русской нелегальной литературы, в частности газет «Искра» и «Заря»¹². Корреспонденции Филиповича знакомили сербских читателей с самыми различными сторонами жизни России. Он писал об издевательствах над революционерами в тюрьмах царской России, о положении рабочего класса и пробуждении революционных настроений после мрачных лет реакции, о захватнической политике царизма в Азии и на Балканах и т. д. Все его работы были проникнуты твердой верой в революционную сознательность и силу рабочих России, в окончательную победу пролетариата. «Да здравствует русский революционный пролетариат!»¹³, — восклицал Филипович. «Революция, — писал он в годы реакции, — должна победить несмотря на то, что революция потоплена в крови!»¹⁴. В связи с политическими стачками в России, начавшимися после ленинских событий, Филипович указывал, что они «без сомнения представляют повую эру не только в рабочем движении, но и в политической судьбе России»¹⁵, что это «начало ликвидации контрреволюционного режима»¹⁶.

Филип Филипович сотрудничал и в русской революционной печати. Когда в Петербурге начала выходить газета «Правда», он принял участие в ее распространении, а с осени 1912 г. по просьбе редакции стал

³ ЦГАОР, МЮ, 1905, ф. 124, оп. 43, ед. хр. 214, л. 2.

⁴ Там же, л. 1.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 3.

⁷ Там же.

⁸ ЦНА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 2006, л. 5.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 6.

¹² Там же.

¹³ F. Filipović. Izabrani spisi. Knj. II. Beograd, 1962, s. 323.

¹⁴ Ibid., s. 327.

¹⁵ Ibid., s. 376.

¹⁶ Ibid., s. 377.

корреспондентом газеты. Первая его статья в «Правде» «К балканскому вопросу» появилась 9 октября 1912 г. В ней давался краткий обзор истории борьбы балканских народов за независимость. Филипович отмечал, что нормальному экономическому и политическому развитию балканских государств мешали «феодализм, европейский капитализм в самой грубой форме, национальные и религиозные предрассудки»¹⁷. Когда разразилась балканская война, Филипович решительно осудил подобный «метод» решения национального вопроса, он раскрыл «изнанку войны» — огромные людские и материальные жертвы, застой в экономической, политической и культурной жизни воюющих государств, заклеил захватнические планы их правительств¹⁸. Филипович подчеркивал, что балканский вопрос не может быть решен путем войны, поскольку представители великих держав и господствующие классы на Балканах «были и остаются решительными противниками конфедерации балканских республик»¹⁹. От имени сербской социал-демократии он призывал все социалистические партии балканских стран энергично требовать скорейшего заключения мира и демобилизации армии, так как «рабочая демократия категорически протестует против всякой политики, разжигающей и поддерживающей споры между балканскими народами»²⁰.

Одновременно Филип Филипович сотрудничал и в других русских социал-демократических газетах — «Луч» и «Звезда». В статье «К балканскому кризису» он раскрыл захватнические притязания правящих кругов Болгарии и Сербии²¹. По-видимому, ему же принадлежит статья «Балканская федерация», опубликованная в «Звезде» 5 и 9 февраля 1912 г. за подписью «Балканский с.-д.», в которой в противовес буржуазному национализму автор от имени революционной социал-демократии выступал за демократический путь решения национального вопроса — Балканскую федеративную республику, которая должна была возникнуть в результате свержения монархии, ликвидации милитаризма и национализма²².

Летом 1912 г. Филипович вернулся в Сербию и стал секретарем Рабочей палаты. В это время он уже несомненно принадлежал к числу марксистки образованных сербских социалистов. По сообщению Н. А. Семашко, находившегося тогда в Сербии, Филипович принадлежал к числу социалистов, разделявших взгляды большевиков²³. Рабочая палата под руководством Филиповича успешно выступала за проведение в жизнь рабочего законодательства.

В годы первой мировой войны в связи со всеобщей мобилизацией и закрытием ряда партийных организаций на Филиповича и других активистов партии, оставшихся в стране, легла основная работа по пропаганде антивоенной позиции ССДП и изданию газеты «Радничке новине».

После оккупации Белграда летом 1916 г. Ф. Филипович был арестован австрийскими властями и сослан в лагерь для военнопленных в Ашах (Австрия). В лагере он продолжал вести революционную пропаганду среди военнопленных, а после Февральской революции прочел ряд лекций о революционных событиях в России²⁴. Летом 1917 г. Филипович был переведен в Вену под надзор полиции. Здесь через австрийских

¹⁷ «Правда», 1912, 9 октября.

¹⁸ Там же, 20 и 26 октября.

¹⁹ Там же, 1913, 14 ноября.

²⁰ Там же, 1 июня.

²¹ «Луч», 1913, 18 июня.

²² «Звезда», 1912, 5 и 9 февраля.

²³ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 2006, л. 13.

²⁴ Там же, л. 7.

леворадикалов, в частности Франца Коричопера, он установил связь с русской политической эмиграцией. В конце 1917 г. в Вене была создана русская большевистская группа (Л. Суница, И. Винокур, Л. Печерский, Л. Чертов, М. Казарповский и др.), ее активным членом становится Филип Филипович²⁵. Основной задачей группы являлась информация австрийских рабочих о мероприятиях Советской власти в России, а также оказание помощи австрийским леворадикалам в организации коммунистической партии и издании ее печатного органа газеты «Der Weckruf» («Клич») ²⁶. Филипович присутствовал на конференции 3 ноября 1918 г., где организационно оформилась Коммунистическая партия Австрии ²⁷. В конце 1918 г., когда в Вену прибыла советская комиссия попечения о русских военнопленных, возглавляемая Я. А. Берманом, Филипович помогал ей в работе ²⁸. После перестрелки перед зданием парламента в день провозглашения республики 12 ноября 1918 г. Ф. Филипович и Л. Суница были арестованы, а затем высланы из Австрии ²⁹.

Из Вены Ф. Филипович переехал в Будапешт и вошел в образовавшуюся здесь русскую большевистскую группу при Венгерской коммунистической партии ³⁰. Члены группы печатали листовки, распространяли их и другую литературу в местах концентрации военнопленных, рассказывали о положении Советской республики ³¹. Группа действовала в тесном контакте с ЦК Венгерской коммунистической партии, следила за развитием революционной борьбы венгерского пролетариата. В письме Центральному Комитету РКП(б) от 18 декабря 1918 г. Филипович отмечал, что «венгерское коммунистическое движение куда выше стоит, чем австрийское» ³².

Ф. Филипович во время пребывания в Будапеште связался с находившимися там югославскими социалистами Франё Дробни и Иваном Матузовичем и принял участие в создании югославянской коммунистической группы ³³.

В Будапеште Филипович встретился с группой югославян — участников Октябрьской революции и гражданской войны в России, возвращавшихся на родину: Н. Груловичем, Л. Вукичевичем, Д. Манойловичем и др.

Вместе с членами группы интернационалистов Ф. Филипович выехал из Будапешта и в начале января 1919 г. прибыл в Белград, где активно включился в борьбу за создание единой революционной марксистско-ленинской партии рабочего класса Югославии.

²⁵ Там же, оп. 2, ед. хр. 569, л. 10.

²⁶ Там же, оп. 1, ед. хр. 2006, л. 7, 17.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, л. 8.

²⁹ Там же, л. 8, 17.

³⁰ Р. А. Е р м о л а е в а. О русских коммунистических группах в Австрии и Венгрии в 1917—1918 гг. — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 7, стр. 67—69.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ И. Д. О ч а к а. Непозвестное письмо Флиппа Флиповича. — «Советское славяноведение», 1965, № 1.

А. С. МЫЛЬНИКОВ, Т. А. МЫЛЬНИКОВА

ПЕРВАЯ ЧЕШСКАЯ ГАЗЕТА О РОССИИ

4 февраля 1719 г. произошло важное событие в истории чешской культуры — в Праге вышел в свет первый номер первой газеты на чешском языке «Чешский почтальон или Чешская газета» («*Český poštillon neboližto Noviny české*») ¹. Ее издателем и редактором был видный пражский книгоиздатель Карел Франтишек Розенмюллер (1678—1727).

Время для издания газеты на чешском языке было исключительно тяжелым. После поражения в 1620 г. у Белой горы и насильственного присоединения Чешского королевства к австрийской монархии поработители стремились подавить любое сопротивление, даже самую мысль о возможности независимого существования Чехии. В такой обстановке невозможно было и помышлять об издании газеты на чешском языке, хотя в Праге уже во второй половине XVII в. стали издаваться немецкие газеты ². Между тем еще в эпоху независимости, на рубеже XV—XVI вв., в Чехии появились предшественники газет — разовые «летучие листки» на чешском языке (первые из них — рукописные «Индраховоградские новины», 1495 г.). Попытки основания газет на чешском языке предпринимались и позднее. Имеются глухие сведения о якобы изданном пражским типографом Д. Михалеком в 1688 г. номере газеты «Чешский диарни» («*České diari um*») и о выпуске Яном Арпольдом из Доброславина в 1672—1700 гг. «Чешской газеты» («*České noviny*») ³. Власть долгое время отрицательно относилась к созданию газеты на чешском языке. В 1683 г. замысел даже простой перепечатки по-чешски одной пражской немецкой газеты встретил категорическое возражение властей. В 1708 г. было отклонено ходатайство К. Ф. Розенмюллера о разрешении выпускать «Чешские ежемесячные извлечения из газет» («*České měsíční výtahy z novin*») ⁴. И только в 1719 г. ему удалось добиться официального согласия на издание «Чешского почтальона». После смерти в 1727 г. основателя газеты ее выпуск был продолжен К. Ф. Розенмюллером-сыном, а с 1745 г. вдовой последнего Жоффей, которой в разные годы помогали ее мужья, типографы Франтишек Кирхнер, Ян Клаусер, а также фактор Ф. Унгр ⁵.

Тяжелым для чешской национальной культуры было время, когда выходил «Чешский почтальон», трагической оказалась и судьба газеты. Усиление германизации, вытеснение чешского языка из официального употребления, упадок национальной культуры привели к катастрофическому падению количества подписчиков, вследствие чего в 1772 г. издание газеты было прекращено. Наиболее полно представлены в настоящее время годовые комплекты за первые десять лет существования «Чешского почтальона»

¹ Как это было обычным для того времени, название газеты не было достаточно устойчивым. Отдельные ее номера назывались «Пражская почтовая газета» с добавлением дня недели (суббота, вторник), в который газета выходила: «*Sobotní (Outerní) pražské poštovské noviny, z. rozličných zemích přichazející*».

² J. V o l f. Dějiny novinářství v Cechách v. 1.1657—1718.— «*Český časopis historický*», 1924, s. 74—94, 237 и след.

³ M. L a i s k e. Casopisectví v Cechách. 1650—1847. Praha, 1959, s. 35, № 179—180.

⁴ Ibid., s. 35, № 178.

⁵ J. V o l f. Z dějin «Král. dvorské knihtiskárny».— «*Časopis českého musea*», 1921, s. 98—110.

(с 1719 по 1728 г.), хранящиеся в пражском Национальном музее и в Государственной библиотеке Чехословацкой Социалистической Республики⁶. За период после 1729 г. сохранились лишь отдельные номера газеты (за 1735, 1737, 1754, 1772 гг.).

Газета Розенмюллера, издававшаяся в годы контрреформации, имела в известной мере феодально-клерикальный характер. Однако, отмечая это обстоятельство, чехословацкий историк журналистики В. Климеš подчеркнул, что «газета Розенмюллера в эпоху круто наступающей германизации осуществляла первые шаги будительской деятельности и являлась убедительным средством защиты чешского языка. Сам Розенмюллер, его сын и последники воспринимали миссию своей газеты как задачу, которая была поставлена перед ними в рамках борьбы за новый расцвет чешского языка»⁷.

И действительно, издание газеты явилось отражением национально-патриотических настроений передовых кругов чешского общества начала XVIII в., пока еще немногочисленных и слабых. Этими настроениями руководствовался и сам Розенмюллер. Приступая к изданию газеты, он объяснял свое намерение «любовью, которую питает каждый подлинный патриот к своей любимой отчизне... к народу и языку чешскому»⁸.

Кто же были те читатели, к которым обращался издатель? В некоторой степени мы можем судить об этом по выходившему в те же десятилетия на чешском языке «Хозяйственному календарю», рассчитанному, как сказано в подзаголовке к нему, на «чпшников, писарей, юристов, мещан, кушцов и торговцев»⁹. Примерно таким же был круг читателей «Чешского почтальона». Кроме того, газета находила, видимо, спрос среди грамотного чешского крестьянства.

Выходивший дважды в неделю «Чешский почтальон» содержал разнообразную информацию. Много места занимали сообщения о жизни венского двора, о событиях, происходивших в Габсбургской монархии и Праге. Известия из провинции печатались редко. Страницы газеты занимали главным образом сообщения о других странах, как это было характерно для всех европейских газет того времени. Среди стран, которым уделялось внимание в газете Розенмюллера, была и Россия. Ее быстрое возвышение в начале XVIII в. поражало своей необычностью Европу, до того имевшую довольно смутное представление о далекой и почти неизвестной стране.

Интерес к России в Чехии не был эпизодическим или случайным. Он был следствием давних, оживших к началу XVIII в. связей между двумя славянскими народами. К этим десятилетиям относятся неоднократные поездки в Чехию Петра I и ряда его сподвижников. Петр I пытался привлечь в Россию чешских ученых и артистов. По его распоряжению в Прагу в 1717 г. были направлены переводчики для участия в переводе на русский язык книг, которые предполагалось затем печатать в России¹⁰. Воспоминания об этих поездках длительное время сохранялись в чешском обществе. К середине XVIII в. русско-чешские связи углубились, возникла переписка между чешскими и русскими учеными. В 1730—1740-х годах устанавливаются личные контакты во время двукратного пребывания в Чехии русских войск. Именно этими обстоятельствами, связанными с усилением русско-чешских контактов, и объясняется сравнительно обширная информация о России в «Чешском почтальоне».

О русско-чешских связях этой поры писали А. Кочубинский, А. Флоровский и В. Климеš¹¹, но до сих пор специально еще никто не обращался к выявлению и анализу данных о России в газете Розенмюллера. А сделать это представляется полезным, поскольку газетная информация позволит понять, как преломлялись (или могли пре-

⁶ «Knihoepis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII». St. Praha, 1950, s. 291—298, № 6327—6380.

⁷ V. K l i m e š. Počátky českého a slovenského novinářství. Praha, 1955, s. 57.

⁸ Předchůdce českého postyliona aneb předmluva na noviny české (Praha, 1719).

⁹ «Kalendář hospodářský a kancelářský ku potřebě pánům ouředníkům, písařům, prokurátorům, měšťanům, kupecům a obchodu všelijaké vedoucím». Litomyšl, Praha, 1650—1783.

¹⁰ П. П е к а р с к и й. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 90—92, 229—232.

¹¹ А. К о ч у б и н с к и й. Гр. А. Остерман и раздел Турции. Одесса, 1899, стр. 247—248; А. В. Ф л о р о в с к и й. Чехи и восточные славяне, т. 2. Прага, 1947, стр. 463; V. K l i m e š. Ibid., s. 56.

ломляться) в умах чешского читателя начала XVIII в. события, связанные с внешнеполитическим и внутренним положением Русского государства.

К моменту выхода первого номера «Чешского почтальона» отношения между Россией и Австрией настолько ухудшились, что на некоторое время (до 1721 г.) были временно прерваны¹². Однако и за эти годы неоднократно помещалась информация о военных приготовлениях и действиях Петра I против Швеции, о взаимоотношениях между Россией и Турцией, о празднествах в честь представителей царской семьи и т. п. Во всех сообщениях нет ни тени недоброжелательности, и даже можно отметить, что порой издатель не только не ограничивается простой констатацией успехов и удач, но даже с восхищением пишет о славе и силе русского оружия (1720, № 30). В 1721 г. между Россией и Австрией были нормализованы отношения, и в Петербург прибыл посол Карла VI граф Штепан Кинский, чех по происхождению, крупный магнат и влиятельный вельможа, принадлежавший к чешской «либеральной» знати. К. Розенмюллер в своей газете от 20 декабря 1721 г. дал подробный отчет о приеме, устроенном имперским легатом Кинским в Петербурге. По сообщению газеты, Петр I «имперского легата (Кинского) любезно обнимал и с ним много и доброжелательно говорить изволил, а когда напоследок господин легат на чешском языке провозгласил: „Да здравствуют русский, чех и поляк“¹³ и пить начал, царь этот тост с веселостью поддержал...»

Газета внимательно следила за развитием русско-австрийских отношений. В сообщении из Петербурга, помеченном 2 декабря 1725 г., содержалось указание на то, что сюда «прибыл имперский курьер с тайной депешей», которая, как делалось предположение в газете, посвящена «альянсу между императорским и царским дворами» (1726, № 2). Союз между двумя странами воспринимался газетой как желательное и положительное явление.

Появлялась также информация о переговорах России с европейскими странами. Так, в заметке из Петербурга от 19 декабря 1725 г. отмечалось, что «ныне между королевством датским и здешним царским двором существует очень хорошее взаимопонимание» (1725, № 10).

Заметное место принадлежало информации о жизни царского двора, прежде всего самого Петра I и его жены, будущей Екатерины I. Это, как правило, сообщения о придворных празднествах и ассамблеях, о путешествиях царской семьи по России и т. п. И неудивительно, что сообщения о смерти Петра I долго не сходили со страниц «Чешского почтальона». Впервые об этом было напечатано в номере от 6 марта, по сведениям из Берлина — от 20 февраля (1725, № 18). Далее приводилась краткая биография Петра I, которая в более подробном виде была опубликована 10 апреля и заняла более половины номера. Речь шла о жизни императора, об истории его царствования, в частности — о проведенных им реформах (1726, № 28). От газеты не ускользнуло и настроение боярской оппозиции: «Москва, 15 января. Здешние власти вчера встретили курьера из Петербурга, который привез печальное известие о смерти его царской милости, и весь город это сообщение встревожило, однако же на другой день утром все в большой радости плясали, когда большие колокола оповещали о кончине Петра I...» (1725, № 24).

Уже в первом, берлинском, сообщении о смерти русского императора перечислялись все возможные наследники Петра I, причем с наибольшей симпатией писалось о его внуке Петре II, подчеркивалась связь последнего (через его мать, принцессу Софию Шарлотту Брауншвейгскую) с некоторыми европейскими династиями — прежде всего с австрийским Карлом VI, доводившимся ему дядей. Несмотря на то, что для австрийской монархии Петр II был более желательным наследником, сообще-

¹² Подробнее см.: А. В. Флоровский. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955, стр. 24—25.

¹³ Собственно — «*Rus, Szech a Lech*», что представляет собою намек на известную легенду, в основе которой лежали правильные представления о культурно-этнической общности славянских народов. См. А. В. Флоровский. Легенда о чехе, лехе и руре в истории славянских изучений. — *Sborník prací I sjezdu slovanských filologů v gaze. 1929, t. 2. Přednášky*. Praha, 1932, s. 52—53.

ния о вступлении на престол Екатерины I в «Чешском почтальоне» носили доброжелательный характер. В извещении из Петербурга от 10 февраля было подробно описано воцарение императрицы и ее первые шаги на этом поприще. Газета подчеркивала с большим удовлетворением, что Екатерина I подтвердила и все внутренние реформы и международные договоры, относящиеся к предшествующему времени (1725, № 25).

И все же интерес к Екатерине I и ее политике в значительной мере был связан с вопросом, кто будет назначен ее преемником. Представление о неустойчивости ее правления неоднократно прорывалось сквозь скупые строки газетной информации. В начале 1726 г. сообщалось о поимке и казни в Петербурге некоего «мошенника», выдававшего себя за царевича Алексея Петровича (1726, № 3). Позднее сообщалось о слухах по поводу близкой смерти императрицы. Неудивительно, что о ее решении назначить наследником трона («сукцессором») Петра II, сына казненного Петром I царевича Алексея Петровича, — в «Чешском почтальоне» сообщалось неоднократно (1727, № 10, 16, 25).

Интерес к политической обстановке в России не ослабевал и в дальнейшем. Так в середине 1728 г. в «Чешском почтальоне» промелькнуло сообщение о неудаче какого-то боярского заговора в Москве, целью которого было «зараз уничтожить всех паходящихся у власти господ» (1728, № 37).

Политика русского правительства в области религии вызывала несомненный интерес у К. Розенмюллера, поскольку в рамках многонациональной австрийской империи религиозный вопрос не находил должного разрешения, а в Чешских землях он приобретал особо острый характер. И сообщение, что Екатерина I «...разрешила, чтобы каждый свою религию в царских землях свободно без препятствий исповедовать мог, и при этом приказала, чтобы некоторые непорядки в деле религии ликвидированы были» (1725, № 25) — звучало очень смело в то время, когда даже сама мысль о веротерпимости в монархии Габсбургов до 1780-х годов считалась крамольной и недопустимой. Умело используя информацию о другой стране, газета подчеркивала мысль, что религия должна быть разумно подчинена интересам государства (1726, № 1).

Много внимания уделяла газета экономическим преобразованиям в России. В ней публиковались сведения об успехах торговли и ремесел, о мероприятиях по улучшению почтовой связи, о развитии мануфактур. Так, в 1722 г. (№ 5) было напечатано о том, что архангельские купцы обратились к царю с просьбой о предоставлении им торговых привилегий. А к 1727 г. относится весьма подробное сообщение о русской железодельательной промышленности, где опять-таки отмечалось внимание к этому делу со стороны государства: «На этих днях,— говорится в сообщении от 18 января,— здешний великий сенат приказал берг-коллегии произвести различные пробы железа для приготовления стали» (1727, № 14).

Не менее любопытно и наличие информации в «Чешском почтальоне» о русской культуре. По большей части это короткие, малоинтересные сами по себе заметки об организации новых учебных заведений, о прибытии в страну преподавателей-иностранцев и т. п. Наибольший интерес, пожалуй, представляет сообщение о начале деятельности вновь учрежденной в Петербурге в конце 1725 г. Академии наук. Подробный отчет о торжественном ее открытии был помещен в февральском номере за 1726 г. (№ 12).

В «Чешском почтальоне» довольно часто помещались заметки о наводнениях, засухах, пожарах, сильных морозах и иных стихийных бедствиях в России. Не обошлось и без курьезов, характеризующих колорит периодической печати того времени вообще (1724, № 26).

Многие известия из России в «Чешском почтальоне», будучи спроектированными на реальные условия экономической и культурной действительности Чехии, из обычной газетной информации превращались в своеобразные обвинительные документы античешской политики правящих кругов австрийской монархии.

Каковы же были источники информации о России, которыми располагал издатель «Чешского почтальона»?

Если учесть специфику европейской прессы того времени, то первым источником для всякой начинающей свою жизнь газеты непременно являлась перепечатка сообщений из других зарубежных газет.

Но взаимная перепечатка образовала бы замкнутый круг, не будь иных источников информации, в частности о России. Если отбросить случаи явного заимствования из западноевропейских газет, то обычным местом, откуда исходила информация, были Петербург и Москва. Одним из источников, в частности, была первая русская газета «Ведомости», основанная Петром I в 1703 г. Так, уже упоминавшееся сообщение о торжественном заседании, посвященном открытию петербургской Академии наук, представляет собой почти дословный перевод текста из второго номера «Ведомостей» за 1726 г. Обычно перепечатки из «Ведомостей» датировали старым стилем, как было принято в России, тогда как другие источники помечались новым стилем.

Другим источником были издаваемые в форме листовок и брошюр указы, реляции о военных победах, описания празднеств и фейерверков, въездов царской семьи в Москву и т. п. Так, в первом номере «Чешского почтальона» за 1726 г. сообщение из Петербурга, помеченное 24 ноября предшествующего года, основывалось на реляциях генерала Матюшкина о военных действиях в русско-персидской кампании, издававшихся также в «летучих листках». Примечательно, что в чешском сообщении говорится о действиях неприятельской армии «на наших границах» — выражение, выдающее русский оригинал.

Значительные по объему и интересные по содержанию корреспонденции, как правило, начинаются со слов: «нам сообщают», и уже в них такие выражения, как «наш милостивый государь», почти полностью отсутствуют, да и сама информация дается как бы со стороны и с такими подчас словооборотами, которые казались бы сомнительными в устах русского автора: «Здесь и во всех московских землях». В этих материалах больше рассуждений, догадок, а иногда и домыслов. В данном случае не может быть и речи не только о переводе, но и о пересказе какого-либо официального русского источника.

Ссылаясь на одно из ранних оригинальных сообщений в «Чешском почтальоне» — информацию о приеме, устроенном венским послом в Петербурге в 1721 г., В. Климеш высказывал предположение, что оно могло быть получено К. Розенмюллером частным образом от лиц, находившихся в окружении Ш. Квинского. По мнению В. Климеша, эта корреспонденция была первым случаем публикации в газете собственной зарубежной информации, прежде представленной перепечатками из иностранных изданий. Между тем в апрельском номере «Чешского почтальона» за 1720 г. заметка о военных приготовлениях Петра I, датированная «из Петербурга» 8 марта (№ 30), сходна по смыслу с информацией, напечатанной в венской газете «Il corriere ordinario», по позднее — 17 апреля. Таким образом, можно полагать, что первые оригинальные известия в «Чешском почтальоне» из-за рубежа стали появляться ранее. Примечательно, что ими опять-таки являлись корреспонденции из России. Как бы то ни было, мысль В. Климеша о путях проникновения информации в «Чешский почтальон» заслуживает внимания. Ведь ссылаясь же в другой связи К. Розенмюллер, сообщая о смерти Петра I, на депешу из Петербурга, которая была получена русским посланником в Берлине. Можно утверждать, что неизвестный информатор К. Розенмюллера был причастен с австрийским дипломатическим кругам. Скорее всего этот «собственный корреспондент» жил в Петербурге или, менее вероятно, в Москве и снабжал издателя «Чешского почтальона» информацией, заимствованной из официальных и иных источников. В пользу этой версии говорит и то наблюдение, что, как правило, разрыв во времени между публикацией русских материалов в «Чешском почтальоне» и датой, которой они помечены, примерно одинаков — один-два месяца. Это заставляет предполагать, что путь проникновения как официальной, так и неофициальной корреспонденции из России был одним и тем же. Наличие собственного информатора помогло К. Розенмюллеру проявить самостоятельность в подборе материала о России, а не довольствоваться возможностью брать его из вторых рук путем перепечатки. А самостоятельный подбор определил отношение издателя и газеты в целом к братской славянской стране.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРОЙ ПОЛЬСКОГО СТИХА

Настоящая заметка явилась результатом наблюдений над фонологической структурой замечательного стихотворного цикла Ю. Тувима «*Ślōpiewnie*»¹. Широко известны словообразовательные новшества, введенные Тувимом в этом цикле и призванные передать особый, «*prywatny*», смысл вещей, который скрыт в словах, возродить дух язычества, «*praszawiajstwa*», присущий природе. Однако данный цикл выделяется на фоне польской поэзии, в том числе и поэзии раннего Тувима, не только в этом, наиболее очевидном плане. Звуковая фактура стихов цикла «*Ślōpiewnie*» явственно воспринимается как существенно отличающаяся от того, что кажется привычным даже в стихах самого Тувима.

Ниже мы попытаемся сформулировать эти различия. Наши выводы будут носить предварительный характер, так как они основываются на анализе не всего корпуса стихотворений Тувима (что потребовало бы грандиозной технической работы), а лишь 32 стихотворений, из которых семь непосредственно предшествуют циклу «*Ślōpiewnie*» в сборнике «*Czwarty tom wierszy*», а остальные 25 — выбраны наугад из всех предыдущих сборников поэта. Семь предшествующих стихотворений выбраны не случайно. Они составляют цикл, тематически близкий «*Ślōpiewnie*»; словотворчество здесь носит умеренный характер. Общий объем просмотренного материала — 17 410 фонетических сегментов («*Ślōpiewnie*» — 882, семь предшествующих стихотворений — 2210, 25 остальных стихотворений — 14 318).

Нами были подсчитаны частоты фонем в каждом из обследованных стихотворений, а затем частоты фонем, которые образуют фонологические классы, идентифицируемые общими различительными признаками, были суммированы. Таким образом, все множество форм было разбито сначала на три крупных класса: гласные, согласные и несогласные, а затем, каждый из этих классов членился на более дробные подклассы; г л а с н ы е — на гласные высокой тональности (*i, e, ē*), низкой тональности (*o, ō, u*) и компактный *a*; н е с о г л а с н ы е членились на носовые (*m, m', n, n'*) и ротовые (*r, l, y, j*); с о г л а с н ы е — на периферийные и непериферийные; периферийные — на компактные *k, k', g, g', x*) и некомпактные (*p, p', b, b', j, f', v, v'*); компактные — на прерывные (*k, k', g, g'*) и непрерывный *x*; некомпактные — аналогично на прерывные (*p, p', b, b'*) и непрерывные (*f, f', v, v'*); непериферийные членятся на прерывные (*t, d, c, z, ć, ź, ċ, ż*) и непрерывные (*s, ś, ś, z, ź, ź*), из которых первый подкласс в свою очередь делится на неаффрикаты *t, d* и аффрикаты *c, ć, ċ, z, ź, ź*. Помимо этого, все согласные делились по трем

¹ См.: J. T u w i m. Dzieła. T. I. Wiersze. Warszawa, 1955, s. 264—266.

общим признакам: звонкость — незвонкость, прерывность — непрерывность и яркость — неяркость (последняя пара признаков положительно идентифицирует согласные *s, ś, š, z, ź, ż, c, ć, ċ, ż, ź, ż*). Все согласные и несогласные делились также на два класса по признаку палатализованности — непалатализованности.

Для того чтобы понять значимость полученных частот, их следует сопоставить с некоторым «фоном». Разумеется, вследствие небольшого размера каждого стихотворения и сознательной ориентированности многих из них именно на план выражения следует заранее ожидать, что внутри одного стихотворения частоты классов фонем (и, следовательно, признаков, идентифицирующих эти классы) будут сильно отличаться от любого «среднего уровня». Так и получилось, поэтому мы рассматриваем не частоты в каждом отдельном стихотворении (на это и не хватило бы места), а картину для всего цикла в целом. «Фоном» для оценки частот классов фонем в цикле «*Ślōpiewnie*» последовательно являются: общезыковые частоты (определены на основании выборок в 103 815 фонем² и 50 000 фонем³); частоты, полученные для 25 случайно выбранных стихотворений раннего Тувима, и частоты, полученные для семи стихотворений, предшествующих циклу «*Ślōpiewnie*».

Прежде всего отметим, что средние частоты классов фонем, выведенные для 25 стихотворений, выбранных наугад, в общем, за исключением некоторых значимых случаев, близки к общезыковому. Одним из существенных расхождений нам представляется понижение процента гласных в стихах по сравнению с общезыковым уровнем (из 25 стихотворений в 13 процент гласных ниже общезыкового, в девяти — совпадает с общезыковым и лишь в трех — выше общезыкового), которое может быть связано с большей синтаксической «теснотой» стиха (в понимании Ю. Н. Тынянова): в просмотренных 25 стихотворениях гораздо меньше синтаксических связочных элементов (союзов, предлогов), обычно содержащих вокалические сегменты, чем в прозаическом тексте. Другим важным моментом, характеризующим, по-видимому, поэзию раннего Тувима на фонологическом уровне, является повышение процента непрерывных согласных (в 17 стихотворениях частота непрерывных выше общезыковой, в четырех — совпадает с ней, а лишь в четырех — меньше). Это повышение коррелирует со снижением в тексте процента дентальных смычных *t, d* при сохранении общезыкового уровня периферийных смычных. Интересно, что среди непрерывных наиболее значительное повышение отмечается для периферийных *f, f', v, v'* и *x*. То, что в стихах раннего Тувима существенную роль играет именно признак «непрерывности», а не, положим, «яркости», доказывается колебанием процента аффрикат около среднего общезыкового значения, в то время как именно этот класс согласных можно считать характерным для польского языка (средняя частота в польском языке — 0,50 по сравнению с 0,024 в чешском и 0,022 в русском). Поэтому небольшое увеличение процента периферийных непрерывных *s, ś, š, z, ź, ż*, становится значимым не в сочетании с аффрикатами, а в сочетании с другими непрерывными.

Среди гласных заметно уменьшение доли компактного *a* при сохранении соответствующих величин для тональных гласных.

Отмечая эти различия между частотными фонологическими структурами прозаических и поэтических текстов польского языка, мы не решаемся

² Д. М. С е г а л. К статистической характеристике польского языка на фонологическом уровне. В сб.: «Исследования по польскому языку». Изд-во «Наука», в печати.

³ M. S t e f f e n. Częstość występowania głosek polskich.— «Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego», z. XVI, 1957.

обобщать их для польской поэтической речи вообще. Однако, по-видимому, они могут быть приняты в качестве вероятной рабочей гипотезы при описании стиха раннего Тувима; особенно значимым представляется существенное увеличение частот непрерывных согласных в этих поэтических текстах.

В случайной выборке 25 стихотворений нивелируются индивидуальные звуковые особенности каждого стихотворения и средние величины частот отражают лишь общее, присущее всем этим текстам. С другой стороны, если мы берем подряд все стихотворения одного цикла, объединенные тематически и в плане звуковой фактуры, то индивидуальные особенности каждого стихотворения оказываются повторяющимися в других, и средние значения частот показывают сильное отличие от частот, полученных в случайно подобранных текстах.

Именно так обстоит дело в рассматриваемых стихотворных циклах Тувима. Цикл из семи стихотворений, предшествующий «*Słowieńie*», обнаруживает развитие и усиление тенденций, отмеченных для случайной выборки 25 стихотворений. Доля гласных — такая же, как и в случайной выборке (меньше, чем среднее значение для прозаических текстов польского языка), доля компактного *a* еще больше снижена, а доля гласных низкой топальности увеличена. Это увеличение процента периферийных гласных коррелирует с резким увеличением процента периферийных согласных (до 0,182), при этом периферийные любого способа образования обнаруживают в этом цикле тенденцию к увеличению частотности. С другой стороны, продолжается тенденция к возрастанию доли непрерывных согласных (до 0,197) независимо от места образования. В случаях наиболее резкого увеличения частоты класса фонем наблюдается значительная однородность этого увеличения по отдельным стихотворениям цикла. Так, например, во всех семи стихотворениях частота класса непрерывных заведомо больше общеязыковой; в шести стихотворениях частота класса *f, f', v, v'*, в котором перескаются существенные для данного цикла признаки периферийного места и непрерывного способа образования, больше общеязыковой, и лишь в одном стихотворении эти частоты совпадают; в пяти стихотворениях частота периферийных превышает общеязыковую, в одном совпадает с нею и в одном — меньше; в четырех стихотворениях частота класса прерывных непериферийных *s, ś, ź, z, ź, ż* больше общеязыковой и в трех — совпадает с нею.

Таким образом, подтверждается интуитивное представление о том, что стихотворения, входящие в данный цикл, не только близки по тематике, но разделяют и сходные особенности звуковой фактуры, одинаковым образом отличаясь от общеязыкового (и «общестихового» для раннего Тувима) уровня. Именно в этом цикле поэт развивает «древнеславянские» мотивы языческого буйства природных стихий, что на звуковом уровне представлено преобладанием шумных согласных (доля несогласных уменьшена по сравнению с общеязыковым уровнем).

В цикле «*Słowieńie*» поэт решал несколько иную тематическую задачу — выявление в польской речи ее первоначального, скрытого, древнеславянского пласта, восстановление истинного, певучего слова (*Słowieńie!*). Эта задача решается на разных языковых уровнях. На лексическом уровне употребляется большое количество слов, «сконструированных» по древнеславянскому образцу так, как Тувим его себе представлял. Этот образец сочетает в себе слова «диалектно-фольклорного» типа с окончанием на палатализованный согласный, сонант или плавный — *ziel, jasnoziel, jarzeń, czerwón, dziwierz (rz < r')*, *glaź, topiel* и т. п. — и слова ориентированные на условно понятий «древнеславянский» язык

(сюда входят такие слова, как *dziewanna, dziewna, kniaziewna, księżawice*). При этом замечательно, что для передачи образа древности поэт использует сконструированное им слово *kniaziewna* (ср. русск. князь), хотя по своему фонетическому облику оно ничуть не древнее польского *księżna*, сохранившего старый носовой. Эта ориентация на внепольские языковые образцы для передачи «древнеславянского духа» особенно проявляется в стихотворении «O mowie gosyjskiej», где передается, уже на морфологическом уровне, и русское полногласие (*zurczatowo, pieczatowo*) и йотированное окончание прилагательного (*tiewnaja*). Модель с йотом между гласными в прилагательных и паречиях воссоздается и в слове *dunajewo*.

Стремясь передать звонкость, певучесть, плавность «древнеславянской речи», поэт регулирует звуковую фактуру стиха: в противоположность рассмотренным выше стихам здесь значительно повышается процент гласных (главным образом за счет *a*) и несогласных, среди которых количество носовых примерно соответствует общезыковому уровню, а количество плавных резко увеличивается. Увеличение доли гласных и несогласных коррелирует здесь с резким повышением процента звонких согласных: если в случайной выборке 25 стихотворений доля согласных (0,246), произносимых без участия голоса, почти совпадает с аналогичными данными для цикла из семи стихотворений (0,245), то в цикле «*Słowieńnie*» она падает до 0,180. Обращает на себя внимание значительное повышение процента палатализованных фонем в стихотворениях этого цикла, что также выделяет его из всех рассмотренных текстов.

Все эти специфические отличия цикла «*Słowieńnie*» от других поэтических текстов сближают его по статистическим характеристикам фоно-

Т а б л и ц а
Частоты классов фонем в поэтических текстах (Ю. Тувим)

Классы фонем	Общезыковые частоты	25 стихотворений раннего Тувима	7 стихотворений («Epos» — «Rzeź brzóz»)	« <i>Słowieńnie</i> »
Гласные	0,414	0,403	0,404	0,429
o ô u	0,1275	0,127	0,139	0,115
e ě i	0,191	0,191	0,187	0,200
a	0,0955	0,085	0,078	0,114
Несогласные	0,2125	0,221	0,202	0,231
m m' n n'	0,1055	0,114	0,092	0,103
r l ɹ j	0,107	0,107	0,110	0,128
Согласные	0,3735	0,376	0,394	0,340
Периферийные	0,157	0,161	0,182	0,163
kk' gg' x	0,0595	0,062	0,067	0,038
kk' gg'	0,049	0,048	0,050	0,036
x	0,0105	0,014	0,017	0,002
pp' bb' ff' vv'	0,0975	0,099	0,115	0,125
pp' bb'	0,0485	0,046	0,049	0,043
ff' vv'	0,049	0,053	0,066	0,082
Непериферийные	0,2165	0,215	0,212	0,177
t d c ʒ ě ʒ ě ʒ	0,117	0,112	0,098	0,092
td	0,067	0,062	0,051	0,047
c ě ʒ ě ʒ	0,050	0,050	0,047	0,045
ś ʒ z ʒ ʒ	0,0995	0,103	0,114	0,085
Палатализованные	0,120	0,126	0,124	0,184
Звонкие	0,132	0,131	0,148	0,160
Яркие	0,1495	0,153	0,161	0,130
Непрерывные	0,159	0,170	0,197	0,179

логического уровня с текстами русского языка (частота классов гласных, плавных и палатализованных в русском языке выше, чем в польском). Таким образом, стихотворение Ю. Тувима «O mowie rosyjskiej», передающее фонологическими средствами впечатление от звучания русской речи, совпадает по статистическим характеристикам указанных трех классов фонем с остальными стихотворениями этого цикла (из шести стихотворений цикла «Słowieńie» в четырех частота гласных превышает общеязыковую, в одном совпадает с нею и в одном немного ниже ее; таково же распределение частот по стихотворениям и для класса плавных; в пяти стихотворениях частота палатализованных существенно превышает общеязыковую, иногда более чем в два раза, и в одном — совпадает с ней).

Цикл «Słowieńie» отличается от предыдущих семи стихотворений тем, что частота почти всех консонантных классов значительно ниже общеязыкового уровня. Исключение составляет лишь класс f, f', v, v' и особенно звонкий представитель этого класса v, v' , последовательно пронизывающий все стихотворения цикла «Słowieńie». Во всех шести стихотворениях частота этого класса превышает общеязыковую, причем иногда почти вдвое, что делает данный консонантный класс специфическим для всех разобранных нами поэтических текстов и отличает их от текстов прозаических.

Приведенный разбор статистической структуры ряда стихотворений Ю. Тувима подтверждает, что в плане выражения поэтических текстов заключены значительные ресурсы. Эти ресурсы состоят, как нам представляется, в большей свободе использования элементов фонологического уровня в поэзии по сравнению с прозой, хотя самые общие вероятностные закономерности звуковых цепей в поэзии остаются теми же, что и в непозетических текстах (сравнительное содержание гласных, несогласных и согласных в любом тексте одинаково: первое место занимают гласные, затем следуют согласные, а за ними — несогласные).

М. Я. ГОЛЬБЕРГ

ЕЩЕ О СЕРБСКОЙ БАЛЛАДЕ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

В 1965 г. в шестом номере журнала «Советское славяноведение» было опубликовано интересное сообщение Ю. И. Смирнова «Сербская баллада на Русском Севере». В нем идет речь о путях проникновения баллады «Иово и Мара» на Русский Север, о новых ее записях, сделанных в 1957—1961 гг. Источником знакомства с произведением сербского фольклора, как установил А.Ф. Гильфердинг, был перевод Н.Ф. Щербины¹.

Соглашаясь с основными выводами Ю. И. Смирнова, мы хотели бы сделать несколько необходимых уточнений. Говоря о поэме «Иово и Мара», Смирнов ссылается на сходный вариант из Вука Караджича «Омер и Мейрима»... (стр. 54). Следует заметить, что сходных вариантов у Караджича несколько: два варианта песни «Смрт драге и драгога» (т. I, № 340 и 341), песня «Смрт Ивана и Јелшне» (т. I, № 342), три варианта песни «Смрт Омера и Мерима» (т. I, № 343—345)².

Ю. И. Смирнов замечает: «...пространный перевод Щербины отличается литературными реминесценциями, подражающими стилю русского фольклора. Поскольку нахождение рукописного списка сербской баллады, с которой сделан перевод, пока неизвестно, то мы вынуждены сдержанно относиться к подлинно фольклорному происхождению оригинала и к точности сделанного перевода» (стр. 55). Здесь Ю. И. Смирнов не до конца последователен. С одной стороны (и это видно из заглавия статьи), он ставит перед собой задачу — проследить бытование сербской народной баллады на Русском Севере. С другой, исследователь высказывает сомнение в подлинности фольклорного происхождения оригинала. О рукописи, которой пользовался Щербина, Ю. И. Смирнов говорит весьма неопределенно. Так же говорит об этой рукописи и И. Н. Голенищев-Кутузов: «Щербина пользовался какой-то рукописью, завезенной одним из наших славистов с Балкан»³. И Смирнов и Голенищев-Кутузов не обратили внимания на примечание Щербины к изданию 1860 г.: «Один известный русский славист, назад тому лет 15, возвратясь из путешествия по славянским землям, привез с собою р у к о п и с н ы й список этой песни, превосходящий во всех отношениях упомянутые четыре списка, напечатанные Караджичем. Можно полагать, что песня, слышанная им от цыган и почему-то им не записанная, записана нашим ученым, с рукописи которого (до сих пор не напечатанной) и переведена поэма „Иово и Мара“, то есть „Иван да Марья“»⁴.

¹ «Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 г.». СПб., 1873, стр. XIX—XX (предисловие «Олопецкая губерния и ее народные сказители»).

² Смерть Омера и Меримы вообще один из наиболее распространенных сюжетов сербско-хорватской народной поэзии. См. И. Н и к о л и њ. Мотив о Смерти Омера и Мериме. — «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», кн. 24, стр. 3—4, 195. Ср. и примечания Караджича к песне № 342. У Николчица дана и библиография вопроса.

³ «Эпос сербского народа». Издание подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов. Изд-во АН СССР, 1963, стр. 322.

⁴ «Иово и Мара. Сербская поэма». Перев. Н. Щербины. М., 1860, стр. 15.

Кто же тот «славянист», о котором говорит Щербина? В 1960 г. И. Я. Айзеншток, рассматривая поэму Щербины, высказал предположение, что речь идет об И. И. Срезневском⁵. Интересно, что к той же сербской народной балладе обращался и Н. Г. Чернышевский в незаконченном романе «Повести в повести». В примечаниях к этому произведению он прямо называет русского слависта, который записал наиболее распространенный вариант этой баллады: «Мне известен и неизданный вариант этой песни, находящийся в собственной коллекции Срезневского, всегда радушно открывавшего свои богатые собрания всем желавшим пользоваться ими»⁶. Этим подтверждается правильность догадки И. Я. Айзенштока.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства нам удалось обнаружить запись «Двое милы», сделанную И. И. Срезневским⁷. Как показал анализ, это и есть та рукопись, которой пользовались Щербина и Чернышевский.

Даже не располагая записью Срезневского, Ю. И. Смирнов должен был сравнить и поэму Щербины, и русские фольклорные записи с материалом Караджича. Без этого выводы Смирнова не звучат убедительно. С другой стороны, следовало сопоставить русские записи не только с поэмой Щербины, но и с ее первоисточником — записью Срезневского. Вариант Срезневского начинается так:

Двое милы у милости расло,
 Јово момче са Маром дјевојком,
 Из малена од три годинце.
 Видно-би весело-би се,
 Рекао би: смилие са босилием,
 На једној се води умивало,

О један се пешкир отирао,
 Једно другом у очи гледало,
 Као сонце у морску дублинну,
 Пјеваше си једну песму вече,
 Тавном ноћом један санак
 снише⁸.

История судьбы сербской баллады о двух милых вообще очень интересна. Она идет по двум руслу — фольклорному и литературному. Первое довольно полно рассмотрено Ю. И. Смирновым, хотя и без учета одного из передаточных звеньев. Второе нуждается в исследовании. Напомним некоторые этапы бытования сербской баллады в России. Впервые с одним из ее вариантов ознакомил русских читателей А. Х. Востоков в 1825 г.⁹ В конце 30-х или в начале 40-х годов прошлого столетия И. И. Срезневский записал уже упоминавшийся распространенный вариант интересующей нас баллады. К 1859 г. относится незаконченный перевод Н. А. Маркевича, озаглавленный «Смерть Омера и Меримы. Сербская простонародная баллада. Из Вука Стефановича Караджича. I. 244—252»¹⁰. Перевод Н. А. Маркевича интересен именно в том отношении, что он является еще одним свидетельством интереса к сербской народной балладе. Наконец, в 1860 г. появляется сделанный Щербиной перевод записи Срезневского. А в 1863—1864 гг. к сербской балладе обращается Н. Г. Чернышевский¹¹.

Сообщение Ю. И. Смирнова ставит очень много вопросов, но не решает их. Очевидно, следовало привлечь большее количество материалов. Во всяком случае вопрос об источнике поэмы Щербины проясняет многое и устраняет некоторые сомнения автора сообщения «Сербская баллада на Русском Севере».

⁵ См. И. Я. Айзеншток. «Подражаніе сербському» Т. Г. Шевченка. В кн. Збірник праць восьмої наукової Шевченківської конференції, Київ, 1960, стор. 108.

⁶ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в шестнадцати томах, т. XII. М., 1949, стр. 694.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 568.

⁸ Там же. Сохраняем орфографию Срезневского.

⁹ «Северные цветы», 1825, стр. 331—337. Ср. И. Н. Голенищев-Кутузов, цит. соч., стр. 322.

¹⁰ Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР, 488, № 34 (архив Н. А. Маркевича).

¹¹ 26 марта 1965 г. автор настоящей заметки на заседании Сектора взаимосвязей русской и зарубежных литератур Института русской литературы АН СССР доложил основные положения своей работы «Сербский эпизод в „Повестях в повести“ Н. Г. Чернышевского».

В. А. ДЫБОВ

ПАМЯТИ В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧА

Закрылась блестящая страница в истории сравнительно-исторического языкознания. 22 августа 1966 г. в возрасте 32 лет трагически погиб крупнейший компаративист мира Владислав Маркович Иллич-Свитыч.

Имя этого ученого по крайней мере в течение ряда десятилетий будет в центре внимания работ по компаративистике нескольких больших языковых семей Старого света.

В В. М. Иллич-Свитыче сочетался колоссальный талант исследователя с огромной работоспособностью, поразительная по скорости переключаемости со столь же стремительным овладением научной информацией и глубочайшим проникновением в материал все новых и новых языковых групп. И все это объединялось изумительной целеустремленностью, единством творческой мысли, неукротимой и всеразрешающей, которую направляла сама Воля Науки. Такой синтез качеств невозможно назвать иначе, чем гениальностью.

Деятельность гениальных исследователей отражает в себе как слабости, так и силу определенного периода развития науки, проливая свет на ее дальнейшие пути. Поэтому анализ работ В. М. Иллич-Свитыча и его стремительного становления в величайшего из представителей современной компаративистики, сейчас, когда очень много и слишком шумно говорят о «кризисе сравнительно-исторического метода» и даже о «порочности самой идеи генетического родства языков», может в какой-то мере помочь выходу из этого состояния. Такой анализ прежде всего показывает, что в сравнительно-историческом языкознании нет «кризиса метода», а есть острый «кризис кадров».

Со времени первой публикации В. М. Иллич-Свитыча прошло всего девять лет. Но эти девять лет отразили и противоречия современного периода развития компаративистики и дали блестящие примеры их разрешения.

Исследовательская работа В. М. Иллич-Свитыча открывается в 1959 г. серией статей по ларингальной гипотезе в ее применении к балто-славянским языкам [5, 10, 17]. Находясь на крайних позициях тогдашней ларингалистики, он разделяет многие заблуждения прошедшего (или проходящего) периода сравнительно-исторического языкознания, и прежде всего, резкое недоверие к методу внешнего сравнения при сильной переоценке возможностей приема внутренней реконструкции. К этому присоединился решительный отход от классической реконструкции праиндоевропейского языка и убежденность в наличии в нем значительного пласта фонологических элементов, стертых дальнейшим развитием во всех индоевропейских языках, но которые можно выявить достаточно последовательным использованием приема внутренней реконструкции.

От большинства работ, идущих в русле ларингалистской теории, работы В. М. Иллич-Свитыча отличались, однако, гораздо более точным и последовательным применением метода внутренней реконструкции, более глубоким отмежеванием его от приема внешнего сравнения, прекрасным владением традиционными реконструкциями и доскональным знанием всей предшествующей (не только ларингалистской) литературы по компаративистике.

Именно эти особенности первых работ В. М. Иллич-Свитыча и определили во многом его отказ от слабых сторон своей первоначальной позиции. В. М. Иллич-Свитыч приходит к выводу: использование приема внутренней реконструкции без должного контроля со стороны внешнего сравнения приводит к нескольким равновероятным и одинаково произвольным реконструкциям. Одновременно он пересматривает свою «крайне ларингалистскую» позицию и со смелостью большого ученого отказывается от своих ларингалистских работ [13].

Так кончается период большого Ученичества и наступает период расцвета таланта. С 1960 по 1966 г. В. М. Иллич-Свитыч с блеском разрешает целый ряд узловых вопросов сравнительно-исторического языкознания.

В 1961 г. выходит его работа «Один из источников начального х- в праславянском (поправка к закону Зибса)» [11], которая заполняет последнее белое пятно в проблеме генетических тождеств праславянской фонологической системы (в ее сегментарных единицах) с индоевропейской.

В монографии «Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм» [23] В. М. Иллич-Свитыч доказывает генетическое тождество балтийской и славянской акцентуационных систем с индоевропейской акцентуационной системой, реконструируемой на основании показаний древнеиндийского, греческого и германских языков, и формулирует правила их соответствия. Эта работа определила дальнейшее направление исследований по балтийской и славянской акцентологии, доведя степень достоверности выводов в данной отрасли сравнительно-исторического языкознания до степени достоверности, достигнутой сравнительно-исторической и исторической фонетикой.

Статья «Следы исчезнувших балтийских акцентуационных систем» [31] является единственным в своем роде образцом использования заимствований для установления акцентуационной системы исчезнувшего языка. Значение этого исследования для балтийского языкознания, по-видимому, будет возрастать по мере развертывания работ по балтийской акцентологии. Помимо доказательства важного для балто-славянской и балтийской акцентологии положения, что закон де Соссюра не действовал в северно-балтийском языке (это совершенно непреложно ведет к отрицанию его общепалтийского и балто-славянского характера), данная работа имеет огромное методологическое значение, показывая, каких тонких и точных результатов можно достичь при помощи сравнительно-исторического метода даже на таком неблагоприятном материале, как заимствования.

Мы подошли к самому значительному периоду в творчестве В. М. Иллич-Свитыча, к проблемам, которыми он занимался до конца своей столь трагически оборвавшейся жизни и которым он отдавал весь огонь сердца.

В. М. Иллич-Свитыч явился фактическим создателем новой отрасли языкознания — сравнительной грамматики ностратических языков.

Проблема отдаленного родства языковых семей занимала многих исследователей. Но лишь В. М. Иллич-Свитычу оказалась по плечу задача систематического сравнения ряда языковых семей и построения их сравнительной грамматики. Эта задача требовала овладения сравнительно-историческими грамматиками данных языковых групп, огромной предварительной работы в области этих сравнительно-исторических грамматик, не говоря уже о колоссальном труде по этимологии, сравнительно-исторической фонетике и грамматике ностратических языков.

Постановка этой проблемы была подготовлена всем ходом развития сравнительного языкознания за последние десятилетия. Значительный прогресс, достигнутый такими областями компаративистики, как алтаистика, дравидология, картвелистика, семито-хамитология, уралоистика, поднял степень реконструкции в этих отраслях сравнительного языкознания до уровня, сопоставимого с уровнем реконструкций в индоевропеистике. С другой стороны, определенный застой в индоевропеистике был частично обусловлен тем, что наиболее ясные отношения и генетические тождества, которые можно было установить при помощи внешнего сравнения в пределах индоевропейской семьи языков, были установлены, поиски же новых методов вызвали фетишизацию приема внутренней реконструкции и в конечном счете завели в тупик равновероятных решений. Дальнейший прогресс индоевропеистики настоятельно требовал выхода за рамки индоевропейской семьи для наиболее эффективного применения метода внешнего сравнения.

Подход В. М. Иллич-Свитыча к этой огромной проблеме был во многом обусловлен теми интересами, которые проявились у него еще в первый период деятельности: интересом к проблеме индоевропейского корня, к проблеме дальнейшего углубления индоевропейской реконструкции. Но теперь В. М. Иллич-Свитыч подходил к этим проблемам во всеоружии сравнительно-исторического метода, с огромным опытом, полученным им в результате работы в области сравнительно-исторической фонетики праславянского и славянских языков и балто-славянской акцентологии, с ясным сознанием необходимости синтетического использования всех приемов сравнительно-исторического анализа, а также большой подготовительной работы в области сравнительного языкознания отдельных ностратических семей.

В процессе этой работы он провел ряд исследований, каждое из которых является выдающимся вкладом в сравнительные грамматики этих языковых групп.

Им была доказана троичность системы начальных смычных в алтайском [26, 38] и тем самым определена праалтайская система смычного консонантизма. В этих же статьях он сделал вывод о праалтайском характере ряда долгот. (Уже одно это поставило его в ряд ведущих алтаистов.) Им была подтверждена и уточнена реконструкция уральского вокализма [46]¹; проведена реконструкция пракадского консонантизма [43]²; проделана значительная работа по уточнению реконструкции

¹ Кроме статьи, приведенной в библиографии, сюда относится незавершенная работа «Долгий ā в уральском».

² Также не опубликованы материалы по реконструкции других кадских смычных.

семито-хамитского консонантизма³; выделен пласт древнейших заимствований из семитского в индоевропейский [36], что, помимо установления круга возможных сравнений семито-хамитского и индоевропейского с точки зрения языкового родства, имеет также большое (если не решающее) значение для проблемы индоевропейской прародины; доказано дополнительное распределение индоевропейских гуттуральных по отношению к ностратическому вокализму [35].

Все эти исследования привели к доказательству близости систем консонантизма шести ностратических языковых групп (индоевропейской, семито-хамитской, картвельской, дравидийской, алтайской и уральской), а также показали сходство вокализма восточно-ностратических языков (уральского, алтайского, дравидского) и определили направление поиска в западно-ностратических языках, характеризующихся неустойчивым вокализмом, рефлексов ностратического вокализма, сохранившегося в восточно-ностратических языках.

Результатом этих разысканий и титанической работы по ностратической этимологии явилось построение сравнительной грамматики ностратических языков, предварительные публикации по которой находятся в печати [44, 45], а фундаментальный незавершенный труд «Опыт сравнения ностратических языков. Ч. I. Введение, сравнительный словарь; Ч. II. Сравнительная грамматика (фонетика, морфонология, морфология)» остался в рукописях и картотеке.

Это наиболее значительные вехи на творческом пути В. М. Иллич-Свитыча, но наряду с этой основной деятельностью им велась серьезная исследовательская работа по славянскому языкознанию. Он является соавтором первого в мире большого словаря македонского языка [29] и автором грамматического справочника к нему [30]. Им написано блестящее исследование о стадиях утраты ринезма в македонских говорах [21]. Его «Лексический комментарий к карпатской миграции славян» [8] лег в основу работы группы советских славистов над карпатским диалектологическим атласом. К идеям, которые он выдвинул в своем выступлении на IV Международном съезде славистов в Москве (1958 г.) [16], постоянно возвращаются слависты-этимологи. В круг интересов В. М. Иллич-Свитыча входила и славянская этимология, по которой он дал ряд великолепных этюдов [7, 14, 15, 25].

Пристального изучения требует научное наследство В. М. Иллич-Свитыча, содержащееся в его многочисленных рецензиях и обзорах, которые представляют большую ценность для выяснения теоретических взглядов их автора, всегда столь скупого на разного рода декларации в исследовательских работах. Именно в рецензиях, несмотря на их лаконизм, больше всего проявлялась личность автора, не только большого ученого, но и чуткого товарища, принципиального и вместе с тем предельно тактичного, всегда готового поделиться опытом, а иногда и очень тонко, с большим чувством юмора высмеять несостоятельные утверждения оппонента.

Трудно как-то суммировать результаты научной деятельности этого замечательного ученого. Они не могут быть выражены в количестве печатных листов (больше 100): слишком лаконична форма его работ и слишком значительны открытия. Еще труднее постигнуть сейчас всю непоправимость этой потери. Она станет очевидной лишь тогда, когда закончится публикация его научного наследства. С последней точкой на последнем листе.

³ Материалы не опубликованы.

БИБЛИОГРАФИЯ ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ В. М. ПИЛИЧ-СВИТЫЧА

1957

1. Рец.: V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, 336 s.— «Вопросы языкознания», № 2, с. 130—134.
2. Рец.: J. Schütz. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957, 113 S.— «Вопросы языкознания», № 4, с. 121—122.

1958

3. Рец.: Венский славистический ежегодник («Wiener slavistisches Jahrbuch». Hrsg. vom Seminar für slavische Philologie an der Universität Wien. Bd. 4—5. Wien — Graz — Köln, 1950—1955).— «Вопросы языкознания», № 3, с. 122—125.

1959

4. Балто-славянская проблематика на IV Международном съезде славистов.— «Вопросы языкознания», № 1, с. 139—141.
5. О некоторых рефлексах индоевропейских «ларингальных» в праславянском.— «Вопросы языкознания», № 2, с. 3—18.
6. Вопросы славянской прародины на IV Международном съезде славистов.— «Вопросы языкознания», № 3, с. 128—130.

1960

7. К этимологии слов *морковь* и *тыква*. В кн. Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 1. М., с. 16—26.
8. Лексический комментарий к карпатской миграции славян. Изв АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка, т. 19, вып. 3, с. 222—232.
9. Рец.: Й. О. Дзедзеливський. Лінгвістичний атлас українських народних говірів Закарпатської області УРСР (Лексика). Ч. 1. Ужгород, 1958, 18 с. + 120 + 2 карты.— «Вопросы языкознания», № 3, с. 116—121. (Совместно с Г. К. Венедиктовым.)

1961

10. Выделение типов корней с пеходом на сонант в балтской глагольной системе, их функционирование и происхождение.— «Вопросы славянского языкознания», вып. 5, с. 108—137.
11. Один из источников начального *x-* в праславянском (Поправка к «закону Зибса»).— «Вопросы языкознания», № 4, с. 93—98.
12. К акцентуации славянских заимствований из германских языков (*-ū*-основы). В кн. Тезисы докладов, предназначенные для обсуждения на I Всесоюзной конференции по вопросам славяно-германского языкознания (27—30 ноября 1961). Минск, с. 29—31 (Ин-т языкознания АН БССР).
13. Рец.: Evidence for laryngeals. Work papers of a Conference in Indo-European linguistics on May 7 and 8, 1959. Edited by W. Winter. Austin, 1960, 238 p.— «Вопросы языкознания», № 6, с. 117—122.

1962

14. Русск. *смоковица*, слав. **smoky* 'финжир, *figus carica*?. В кн. Этимологические исследования по русскому языку, вып. 2. М., с. 71—75.
15. Русск. диал. *пигва*, слав. **rigy* 'айва, *cidonca*?. В кн. Этимологические исследования по русскому языку, вып. 2. М., с. 75—77.
16. Резюме выступления на подсекции «Происхождение славянских языков и народов». В кн. IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 2. Проблемы славянского языкознания. М., с. 436—437.
17. К истолкованию акцентуационных соответствий в кельто-италийском и балто-славянском (О «втором правиле Дыбо»). Кратк. сообщ. Ин-та славяновед. АН СССР, вып. 35, с. 62—72.
18. Обсуждение работы о гидропимах. Кратк. сообщ. Ин-та славяновед. АН СССР, вып. 35, с. 113.
19. Рец.: Evidence for laryngeals. Work papers of a Conference in Indo-European linguistics on May 7 and 8, 1959. Edited by W. Winter. Austin, 1960. В сб.: Структурно-типологические исследования. М., с. 219—220.
20. О совещании, посвященном Карпатскому диалектному атласу, в Ужгородском ун-те, 27 июня — 8 июля 1962 г.— «Вопросы языкознания», № 6, с. 148—149.
21. О стадиях утраты ринезма в юго-западных македонских говорах.— «Вопросы славянского языкознания», вып. 6, с. 76—88.

22. О принципах этимологического исследования топонимии. В кн. Питания топонимии та ономастики. Київ, с. 216—217.

1963

23. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., «Наука», 179 с.
24. К истории славянской системы акцентуационных парадигм. В кн. Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., с. 70—87. (Совместно с В. А. Дыбо.)
25. Чеш. *první* 'первый' — инновация или архаизм? В кн. Этимология. Исследования по русскому и другим языкам М., с. 81—84.
26. Алтайские дентальные: *t, d, δ*. — «Вопросы языкознания», № 6, с. 37—56.
27. (Ответ на вопрос № 2) До каква степен и по какъв начин може да се възстанови лексикалният фонд на праславянския език? По какъв път следва да се решава въпросът за лексикалните диалектни различия на праславянския език? В кн. Славянска филология, т. 1, София, с. 61—62.
28. (Ответ на вопрос № 1) В какой мере и каким образом можно реконструировать лексический фонд праславянского языка? Каким путем следует решать вопрос лексических диалектных различий праславянского языка? Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, т. 22, вып. 4, с. 313—314.
29. Македонско-русский словарь. Под ред. Н. И. Толстого. М., Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 576 с. (Совместно с Д. Толовски.)
30. Краткий грамматический справочник (македонского языка). В кн. Д. Толовски, В. М. Иллич-Свитыч. Македонско-русский словарь. М., с. 547—576.

1964

31. Следы исчезнувших балтийских акцентуационных систем. Кратк. сообщ. Ин-та славяновед. АН СССР, вып. 41, с. 18—26.
32. Рец.: E. Nomenmacher-Pribič. Die baltoslavischen Akzent- und Intonationsverhältnisse und ihr quantitativer Reflex in Slovakischen. Wiesbaden, 1961, 196 S. Кратк. сообщ. Ин-та славяновед. АН СССР, вып. 41, с. 85—86.
33. Рец.: H. Lüdtke. Das prosodische System des Urslavischen und seine Weiterentwicklung im Serbokroatischen. Symposion Trubetzkoy. Basel — New York, 1959, S. 125—156. Кратк. сообщ. Ин-та славяновед. АН СССР, вып. 41, с. 87—88.
34. Рец.: T. Buch. Die Akzentuierung des Christian Donelaitis. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961, 147 S. Кратк. сообщ. Ин-та славяновед. АН СССР, вып. 41, с. 88—90.
35. Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения. В кн. Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Тезисы докладов. М., с. 22—26.
36. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты. В кн. Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., с. 3—12.

1965

37. Caucasia. В кн. Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. М., с. 334—337.
38. Алтайские гуттуральные: **k', *k, *g*. В кн. Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. М., с. 338—343.
39. К акцентовке существительных *a*-основ женского рода в украинских юго-западных говорах. В кн. XII Республіканська діалектологічна нарада. Тези доповідей. Квітень 1965 р. Київ, с. 44—46.

1966

40. Рец.: Т. В. Гамкрелидзе, Г. А. Мачавариани. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. — «Вопросы языкознания», № 4, с. 125—137.
41. Мнимые и действительные возможности лексикостатистики. В кн. Материалы. Всесоюзной конференции по общему языкознанию. Самарканд, с. 160—162.

В в е щ а т и

42. Исследования по сравнительно-исторической грамматике славянских языков. В сб.: «Советское языкознание за 50 лет». М.
43. Из истории чадского консонантизма: лабиальные смычные. В кн. Языки Африки. Вопросы структуры, истории, типологии. М.
44. Материалы для сравнительного словаря ностратических языков. В кн. Этимология. М.
45. Соответствия смычных в ностратических языках. В кн. Этимология. М.
46. Реконструкция уральского вокализма в свете данных внешнего сравнения. Тезисы доклада на Всесоюзной конференции финноугроведов в Ижевске.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

«ИМПУЛЬС» — НОВЫЙ ЖУРНАЛ ЧЕШСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

С января 1965 г. в Праге начал выходить первый в Чехословакии ежемесячный журнал, целиком посвященный литературной критике и теории. Он получил обещающее и обязывающее название — «Импульс».

Редакционную коллегию «Импурса» возглавил известный специалист по чешской литературе, профессор Карлова университета Ф. Бурпанек; редактируют журнал молодые литературоведы и критики М. Блажника и И. Чутка.

Редакционная коллегия «Импурса» в программном заявлении отмечала переходный и в известном смысле кризисный характер современной ситуации в чешской литературе и литературоведении и подчеркивала актуальность марксистской интерпретации самых разнообразных явлений в области искусства. «Наш журнал, — говорилось в этом заявлении, — не хочет быть голосом замкнутой группировки. Он хочет быть открытой трибуной и импульсом к осмыслению современной литературной проблематики, хочет стать импульсом к объединению фронта нашей марксистской критики на основе творческой активности»¹.

Охват проблематики в журнале весьма широк. Наибольшее место занимают вопросы современной литературы и литературной теории. Очевиден курс журнала на поддержку и пропаганду литературы «агдажированной», открыто борющейся за социалистический идеал человека. Это относится и к статьям, и к обширному разделу критики, где рецензируются практически все заметные новинки как чешской, так и переводной литературы.

Из выступлений по современной литературе в № 1 привлекает внимание отличающаяся темпераментностью и остротой суждений статья известного словацкого писателя Ладислава Мнячко. Он с издевкой пишет о том, что порой «модернейшим из современных может считаться писатель, не умеющий написать понятное

предложение, или художник, не умеющий нарисовать грущу». С крайним скептицизмом высказывается Мнячко о ценности «экспериментальных открытий» и творчестве писателей-экспериментаторов: «О Тристане Тзаре — еще живы его современники и друзья — каждый литературно образованный человек знает, что он жил. Но его творчество известно сегодня только очень не многим людям, и это, я думаю, к счастью для его памяти»². Мнячко ратует за свободу творческого поиска («Пусть каждый пишет, как умеет, пусть ему удастся, наконец, написать так, как он хочет. Но пусть не навязывает мне свою эстетику, пусть не требует, чтобы я писал так, как угодно ему»³), утверждая при этом, что писатель, который стремится делать «только литературу», — немного стоит.

Если Мнячко в своем выступлении акцентирует субъективный, личный характер своих симпатий и антипатий, то большинство критических статей в «Импурсе» отличает стремление к объективности, к строгому учету всех «за» и «против».

О прощикновении в молодую чешскую прозу пассивного описательства, выдаваемого за «аутентичность» и «автономность», пишет Ш. Влашкин в статье «Подводные камни скрытого натурализма в нашей современной прозе» (№ 3). Критик считает, что во многих произведениях «аутентичность» оборачивается «пассивным подчинением фактам». В этом он видит и влияние французского «нового романа» и своеобразное возвращение к традиции чешской «мелкобуржуазной жанровой прозы». В то же время Влашкин стремится выделить и поддержать удач, которых добилась современная чешская проза в описании той же повседневности, если она к ней подходит не с позиций натурализма. Здесь критик называет прежде всего имена В. Парала и Б. Грабала.

¹ «Impuls», 1966, № 1, s. 2.

² «Impuls», 1966, № 1, s. 9.

³ Ibid., s. 11.

Путь молодой чешской поэзии за последние годы (1961—1965) рассматривает М. Вацик в обстоятельной статье «Самая молодая поэзия. Проблемы и надежды» (№ 4). Вацик видит многие слабости молодой поэзии, ее крушение в ограниченной проблематике, слишком медленное «взросление». Но он отмечает среди молодых оригинальные таланты (И. Ганзлик, И. Верниш, А. Броусек и др.) и выражает уверенность, что молодая поэзия еще скажет свое сильное и правдивое слово о мире.

Характерной чертой «Импульса» является стремление судить о современности с учетом опыта прошлого. В этом отношении показательна статья Ф. Бурианека о съезде чешских писателей в 1947 г. — «В начале пути и споров» (№ 6, 7).

В последнее время было много дискуссий о взаимоотношениях чешской и словацкой литературы. Позиция «Импульса» в этих дискуссиях выражается в том, что журнал регулярно, из номера в номер, публикует материалы по словацкой литературе и критике, проблемные статьи об отношениях братских литератур. В «Импульсе» выступают как словацкие писатели (Л. Мнячко), так и видные словацкие литературоведы и критики (К. Розенбаум, М. Томчик, Ш. Друг).

Наряду с отечественной литературой предметом внимания «Импульса» является и литература зарубежная. Мы находим здесь статьи об африканской литературе (И. Ортова в № 1), о современной американской прозе (З. Ванчура в № 6), об Э. Хемингуэе (И. Шейбал в № 7). «Импульс» часто обращается к проблемам советского литературоведения. В № 1 опубликован перевод статьи М. Бахтина из «Вопросов литературы» — «Слово в романе»; в № 2 — сделанный В. Досталом обзор дискуссии в «Вопросах литературы» по книге Бахтина о поэтике Достоевского. Много материалов печатается и по литературам других социалистических стран: польской, болгарской и т. д.

Журнал интересуется зарубежное литературоведение, в частности — славистику. В № 2 помещен весьма сочувственный отклик чешского русиста Р. Паролека на журнал «Советское славяноведение», где высказывается пожелание расширить филологическую, точнее литературоведческую, часть журнала. «Импульс» помещает и краткие очерки о славистах, среди них — очерк М. Вагнера о С. В. Никольском (№ 6).

Интересный раздел журнала представляют интервью с писателями (опубликованы интервью с И. Кайнаром, Ф. Грубином, В. Завадой, Б. Бржезовским и т. д.). Немало остроумных находок на сатирических страничках «Импульса»: назовем хотя бы пародирование цикла статей и эссе «Эрос, секс, музы» из жур-

нала «Пламен», № 1—3 за 1966 г. (цикл элиграмм под тем же названием — «Импульс», № 5).

Журнал настойчиво стремится проводить свой курс, не страшась подчас вступить в противоречие с состоявшимися в литературной среде мнениями. В то же время «Импульс» не замыкается в рамках какой-либо узкой концепции, не претендует на роль диктатора; он стремится дискутировать, убеждать, везде сохраняя спокойный, уравновешенный тон.

Разумеется, с рядом оценок и выступлений журнала можно было бы поспорить. Так, судя по имеющимся в моем распоряжении номерам журнала (№ 1—7), представляется не очень плодотворным его обращение к проблематике «конкретной поэзии». Обширный информативный материал на эту тему мы встречаем в № 2, 5, 6 (в № 6 опубликованы доклады Гиршала и Грегеровой на семинаре «Искусство и эксперимент»), в дальнейшем журнал планирует дискуссию по этому поводу. Но информации о «конкретной поэзии» в чешской литературной печати было уже немало. Вспомним хотя бы выступления тех же Гиршала и Грегеровой в журналах «Пламен» и «Тварж». Мне кажется, что более удачным началом для дискуссии послужила бы статья, в которой от информации был бы сделан шаг к объективному критическому анализу данного вопроса.

Подобные же мысли возникают и при чтении № 7. Здесь опубликованы два выступления французских критиков «за» и «против» «нового романа». Их предваряет заметка П. Пуймана, который отдает безусловное предпочтение критике, объясняющему «новый роман» «плутри» — без тени критического к нему отношения. Правда, П. Пуйман оговаривается, что для критики «отождествление с изучаемым произведением» — всего лишь первая ступень, за которой должна последовать вторая — «взгляд со стороны, суд». Но к этой второй ступени не переходят ни поддерживаемый П. Пуйманом французский критик, ни сам П. Пуйман, ни редакция «Импульса». Не верно ли, что «отождествление» с позицией автора — необходимое условие объективной критики? Не точнее ли говорить о необходимости знания и понимания этой позиции? Мне представляется, что если сравнить исходную эстетическую позицию «Импульса» в его выступлениях по современной чехословацкой литературе (см., например, упомянутую выше статью Ш. Влашица о прозе в № 3), с одной стороны, и по разного рода «экспериментальному» искусству за рубежом — с другой, то бросается в глаза известная непоследовательность.

По поводу эксперимента в искусстве хорошо, по-моему, высказался поэт К. Беднарж в № 7. Он пишет: «Вопрос об

эксперименте пельзы, наверное, решить в отрыве от основных вопросов творческого процесса, без учета существенных сторон жизни и характера художника, с которым несомненно связан и характер его творчества»⁴.

«Импульс» — журнал еще очень моло-

дой. Но и за короткое время своего существования он уже сделал немало полезного, особенно в важнейшей части систематического обзора и рецензирования новой чехословацкой литературы. И хочется искренне пожелать ему дальнейших успехов.

⁴ «Импульс», 1966. № 7, с. 546.

С. А. Шерлацкова

НОВАЯ КНИГА О СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Учитывая огромный интерес к истории польско-советских отношений у польских историков и общественности, Польская академия наук недавно организовала Институт польско-советских отношений на базе редакции по изданию документов и материалов по истории польско-советских отношений. Институт подготавливает совместно с Академией наук СССР публикацию «Документов и материалов по истории советско-польских отношений»¹; приступил к изданию серии «Из истории польско-советских отношений».

Перед нами первый том этого интересного и полезного издания, вышедший в конце 1965 г.² Он открывается статьей А. Заторского, в которой исследуется вопрос об отношении солдат Польской стрелковой дивизии к революционным событиям в России в 1917 г.

Стремясь создать вооруженные силы, при помощи которых можно было бы утвердить свою власть в будущем независимом польском государстве, а главное — с целью изоляции польских солдатских масс от влияния со стороны революционно настроенных русских солдат, лидеры польских буржуазно-националистических партий, ориентировавшиеся на Антанту, добились согласия от царского, а затем буржуазного Временного правительства на формирование в России польских национальных воинских частей.

Однако прекратить рост революционного брожения и антивоенных настроений среди польских солдат было невозможно, что ярко и убедительно показано автором на примере Польской стрелковой дивизии, сформированной весной 1917 г. на базе стрелковой бригады, которая была образована еще в конце 1915 г.

Благодаря революционной пропаганде, проводимой польскими революционными партиями СДКП и ППС-левизны в контакте с организациями партии большевиков, солдаты польской дивизии отка-

зались повиноваться офицерам и открыто высказывались против войны, выражая свою солидарность с революционным пролетариатом России.

Нежелание солдат воевать за чуждые им цели было настолько сильным, что военное командование, направив дивизию на фронт, вскоре было вынуждено отвести ее в тыл, организовав чистку ее личного состава, в результате которой дивизия потеряла 4/5 состава.

Статья А. Заторского представляет собой значительный вклад в исследовании вопроса об участии польских трудящихся в подготовке и проведении Октябрьской революции и защите ее завоеваний. Приходится только сожалеть, что автором недостаточно использованы новые документы о большой работе СДКП и ППС-левизны среди солдат-поляков. Эти документы содержатся, в частности, в первом томе сборника «Документы и материалы по истории советско-польских отношений».

В статье В. Гостыньской, посвященной политике польского буржуазно-помещичьего государства в отношении Литвы и Белоруссии, показано, как правительство Польши с первых дней существования возрожденного в ноябре 1918 г. Польского государства пыталось захватить территории к востоку от Польши и поработить проживающее там украинское, белорусское и литовское население. В статье на основе архивных документов (некоторые из них впервые введены в научный оборот) разоблачается захватническая политика буржуазно-помещичьих кругов Польши, орудием которых явились Пилсудский и его клика. Автор вскрывает неприглядную роль держав Антанты, толкавших Польшу на войну с советскими республиками и помогавших ей вооружением и денежными займами. В статье убедительно показано настойчивое стремление Советского правительства к установлению мирных добрососедских отношений с Польшей, правительство которой не только оставляло мирные предложения без ответа, но и стремилось скрыть их от польского народа.

В то же время автор не упомянул о планах захвата польскими помещиками и капиталистами Белоруссии и Украин-

¹ См.: «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I — VI, М., 1963—1966.

² «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały», т. I. Warszawa, 1965.

пы, в частности о попытках пилсудчиков осуществить этот захват под прикрытием пресловутой федералистской концепции, суть которой состояла в том, чтобы отторгнуть от Советского государства Украину, Белоруссию и Литву под видом создания «независимых» буферных государств под главенством Польши.

В центре исследования Я. Юркевича («Московская конференция по разоружению в декабре 1922 г.») — польско-советские отношения, в истории которых Московская конференция является важным эпизодом. Автор статьи отмечает, что отношения между советскими республиками и Польшей, несмотря на Рижский мирный договор (март 1921 г.), были весьма далеки от добрососедских. Стоявшая у власти клика Пилсудского продолжала организовывать и поддерживать антисоветские авантюры и диверсии в пограничных районах Советской России.

Польша, поощряемая правительствами западных держав, в первую очередь Франции, стремилась сколотить блок прибалтийских государств, направленный против советских республик. Под давлением общественности, решительно требовавшей обуздания милитаристских кругов и разоружения, польское правительство вынуждено было принять приглашение РСФСР участвовать в конференции по разоружению.

Однако это был лишь маневр, рассчитанный на обман народных масс, выступавших против милитаристской политики правящих кругов. Перед поездкой делегации в Москву польское правительство созвало в Варшаве конференцию военных экспертов прибалтийских государств, чтобы выработать общую позицию на предстоящей Московской конференции. Все это, как и тот факт, что польскую делегацию возглавлял активный сторонник Пилсудского князь Я. Радзивилл, не предвещало хороших результатов.

Автор статьи убедительно, привлекая новые архивные материалы, показывает роль польской делегации в торжественном проведении конференции по разоружению.

В сборнике найдена отражение история борьбы Советского Союза за нормализацию отношений с Польшей в 1925—1932 гг. Этому вопросу посвящена статья С. Лопатюка «Польско-советские переговоры о заключении пакта о ненападении». Автор на основе неопубликованных дипломатических документов рассматривает весь сложный комплекс взаимоотношений между Польшей и державами Запада, оказывавшими влияние на формирование польско-советских отношений. В частности, прослежена история польско-английских отношений, роль правительства Чемберлена в сохранении напряженности в советско-польских отношениях, особенно в 1927 г. Представляется спорным утверждение автора, что польский

посол в Москве С. Патеk, являвшийся одним из приближенных и доверенных лиц Пилсудского, проявляет стремление к улучшению польско-советских отношений (стр. 72). Ведь не кто иной как Патеk, ведший переговоры с Чичеринным о пакте о ненападении, осуществлял директиву своего правительства «не ускорять» переговоры, выдвигая различные встречные предложения, неприемлемые для советской стороны; а в конце 1927 г. польская сторона вообще прервала переговоры, свалив вину за это на Советское правительство.

С. Лопатюк подчеркивает, что общая нормализация отношений в Европе в связи с подписанием пакта Бриана — Келлога побудила польское правительство добиваться улучшения отношений с СССР. Польша поддержала инициативу Советского правительства о досрочном введении в действие пакта Бриана — Келлога, подписав 9 февраля 1929 г. Московский протокол.

Однако советско-польские переговоры, из-за проволочек со стороны Польши, возобновились лишь в конце 1931 г., по инициативе автора, после того как французское министерство иностранных дел сообщило Польше об успешном ходе франко-советских переговоров о подписании между ними договора о ненападении. 26 января 1932 г. был парафирован советско-польский договор о ненападении; однако, с его подписанием польское правительство тянуло. В статье подробно анализируются причины затягивания Польшей подписания договора.

Ситуация изменилась к лучшему весной 1932 г. К этому времени СССР заключил договоры о ненападении с Финляндией, Латвией, Эстонией. В мае во Франции пришло к власти правительство Эррио, что давало основание надеяться на успешное завершение франко-советских переговоров. В этой обстановке Польша вынуждена была подписать советско-польский договор о ненападении (25 июля 1932 г.). Это известие было с большим удовлетворением встречено общественностью обеих стран.

В сборнике помещена статья В. Ковальского, посвященная польско-советским дипломатическим отношениям в первый период Великой Отечественной войны (июль — декабрь 1941 г.). Автор показывает, как под давлением прогрессивных сил страны и мировой общественности польские правящие круги вынуждены были пойти на переговоры с Советским Союзом. В июле 1941 г. глава эмигрантского правительства в Лондоне генерал Сикорский при содействии английской дипломатии начал переговоры с Советским правительством, которые привели к подписанию 30 июля 1941 г. в Лондоне советско-польского договора о взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии. Договором преду-

смагнвалось создание на территории СССР польских вооруженных сил и по мощью Советского правительства в их формировании и оснащении. Заключение договора было с полным одобрением встречено трудящимися Польши и общественностью стран антигитлеровской коалиции. Автор подчеркивает большое значение договора для дальнейшего сплочения сил советского и польского народов в борьбе с гитлеровским фашизмом. В статье аргументированно подчеркивается стремление Советского правительства выполнить свои обязательства. Так, к осени 1941 г. на территории Советского Союза была сформирована 41-тысячная польская армия (вместо намеченной по договору 30-тысячной). Для ее содержания Советское правительство предоставило польскому правительству кредит в 300 млн. рублей. Однако — это убедительно показывается в статье — польское эмигрантское правительство не проявило стремления к добросовестному выполнению договора и к установлению единого фронта борьбы с гитлеровцами. Как известно, в тяжелейший для советской страны период оно вывело свои войска с территории СССР в Иран.

В статье подчеркивается значение Московских переговоров с Сикорским 1—4 декабря 1941 г., закончившихся подписанием советско-польской декларации. Во время этих переговоров СССР заявил о готовности поддержать законные права

польского народа на границу по Одеру и Нейсе. Однако Сикорский продолжал отстаивать границы Польши, существовавшие до сентября 1939 г.

Сборник включает работа Э. Басиньского «Роль СССР в установлении границы на Одре и Нисе Лужицкой». Автор излагает историю упорной дипломатической борьбы за возвращение Польше ее территорий на Западе и Северо-Западе. Эта борьба, в которой решающую роль сыграл Советский Союз, последовательно отстаивавший перед правительствами западных держав историческое право польского народа на свои земли, завершилась решением Потсдамской конференции в августе 1945 г. о возвращении Польше территорий вплоть до Одры и Нисы Лужицкой.

Автором широко использованы протоколы Потсдамской конференции руководителей трех держав, переписка глав правительств СССР, Великобритании и США и другие публикации.

Значительную часть тома занимает публикация протоколов Совета обороны государства. Задачей Совета была мобилизация всех сил для спасения буржуазно-помещичьего государства от полного разгрома. Протоколы (часть из них публикуется впервые) являются важным материалом для изучения истории советско-польских отношений в 1920 г.

П. Ольгинский

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНА БОЛГАРСКИХ ПРОФСОЮЗОВ

В своих мемуарах Драгой Коджейков¹, активный участник рабочего и коммунистического движения Болгарии, рассказывает об истории болгарских революционных профсоюзов с момента их зарождения до победы народного восстания 9 сентября 1944 г.

На формирование общественно-политических взглядов молодого Коджейкова большое влияние оказали революционно-демократические традиции семьи и школы. Одним из учителей Драгой Коджейкова в юношеские годы был основатель социалистического движения в Болгарии Димитр Благоев. В 1896—1897 гг. он преподавал русский язык в Пловдивской гимназии. Когда в 1903 г. оформилась Болгарская рабочая социал-демократическая партия (тесных социалистов) во главе с Д. Благоевым, молодой Коджейков без колебаний примкнул к ней. С этого времени начинается его активная деятельность в рабочем движении Болгарии.

Яркие страницы книги посвящены вос-

поминаниям о виднейших руководителях партии тесняков и революционного профсоюзного движения того времени — Димитре Благоеве, Георгии Киркове, Гавриэле Георгиеве, Георгии Димитрове, Василе Коларове, Христо Кабакчиеве и многих других. Их непримиримая борьба с оппортунистическими и анархистскими течениями в рабочем движении способствовала повышению классового сознания болгарских рабочих и успешно боеспособности профсоюзных организаций.

В 1904 г. Коджейков, телеграфист по специальности, принимает участие в работе учредительного съезда профсоюза почтово-телеграфных служащих, вошедшего в состав Всеобщего рабочего профсоюзного союза (ВРПС).

Революционный характер деятельности ВРПС, развивавшегося в тесном единении с партией, ярко проявился уже в 1905—1907 гг. С волнением рассказывает Коджейков о забастовочной борьбе болгарских трудящихся, развернувшейся под влиянием первой русской революции. Крупнейшими выступлениями рабочего класса в этот период явились стачка шахтеров Перника летом 1906 г. и

¹ Д. Коджейков. Рождение и сжиздане. София, 1966, 203 стр.

всеобщая забастовка железнодорожников в декабре того же года.

В 1908 г. на V съезде профсоюзов почтово-телеграфных служащих Д. Коджейков избирается секретарем союза и редактором его печатного органа — газеты «Телеграфошпенски вестник». В 1909 г. Д. Коджейков участвует в работе VI съезда ВРПС, который избирает его в состав профсоюзного комитета — руководящего органа Союза.

Успешные выступления болгарских рабочих под руководством революционных профсоюзов способствовали росту их влияния и авторитета. Возрастала и организованность рабочего класса. По предложению VI съезда ВРПС был создан ряд новых отраслевых профсоюзов. К концу 1910 г. их насчитывалось уже 13, а общее число членов ВРПС достигло 8000 (стр. 63). В начале 1911 г. в результате слияния отраслевых профсоюзов почтово-телеграфных служащих, железнодорожников и портовых рабочих образовался единый отраслевой профсоюз транспортных рабочих. Его секретарем был избран Д. Коджейков. Значительный интерес представляют воспоминания автора о борьбе партии тесных социалистов и революционных профсоюзов против социалистической политики болгарской буржуазии и монархической кланки в период Балканских войн 1912—1913 гг. Позиция партии, направленная на мирное разрешение балканского вопроса путем создания Балканской федерации, отвечала чаяниям широких масс трудящихся. В период между Балканскими войнами и первой мировой войной партия тесняков вела большую пропагандистскую работу по разъяснению причин национальной катастрофы, постигшей Болгарию. Четкая позиция партии способствовала расширению ее влияния среди трудящихся. Яркой иллюстрацией того факта, что партия тесняков сохраняла верность принципам пролетарского интернационализма в годы первой мировой войны, является описываемая Коджейковым беседа группы офицеров с Благоевым осенью 1917 г. На вопрос, как он относится к возможным поражениям выступлением болгарских солдат, Благоев ответил: «Если это ускорит наступление мира, то мы будем считать их действия оправданными. Болгария может потерпеть поражение, но если это приблизит конец войны, от которой страдает и наша страна и все человечество, то пусть оно постигнет ее» (стр. 86).

Как телеграфисту при военном министерстве Коджейкову посчастливилось одному из первых в Болгарии узнать о победе Великой Октябрьской социалистической революции в России. Получив по телеграфу эту весть, он тотчас же сообщил ее руководству партии. Победа революции в России оказала огромное влияние на Болгарию, вызвав революционный подъем болгарских трудящих-

ся. Число членов профсоюзов к 1919 г. возросло почти в 6 раз по сравнению с 1916 г. Одновременно развернулась массовая забастовочная борьба болгарских трудящихся.

Вопреки саботажу со стороны руководителей реформистских профсоюзов, росло стремление трудящихся масс к единству действий. Это ярко показала начавшаяся в декабре 1919 г. стачка болгарских транспортников, а также организованная Болгарской коммунистической партией в ее поддержку семидневная всеобщая политическая забастовка. Вместе с Г. Димитровым Д. Коджейков принял самое активное участие в организации этой забастовки. Предательское поведение реформистских лидеров во время забастовки привело к катастрофическому падению их влияния в рабочем классе. «Оппортунизм в Болгарии, — пишет Коджейков, — потерпел такое поражение, как может быть нигде в мире» (стр. 107).

Касаясь событий начала 20-х годов, предшествовавших подписанию соглашения об объединении двух профсоюзных центров — Свободного союза профсоюзов, находившегося под влиянием реформистов, и ВРПС, Д. Коджейков критически оценивает ошибки, допускаявшиеся ВРПС и руководством БКП в проведении тактики единого фронта: отсутствие гибкости, максимализм и чрезмерная категоричность в требованиях, а порой и недостаточное тактическое отношение к другим организациям.

Подробно останавливается Д. Коджейков на начавшейся перестройке профсоюзной работы после разгрома вооруженного антифашистского восстания 1923 г. и запрещения БКП и ВРПС. Созданные для легальной массовой работы Независимые рабочие профессиональные союзы (НРПС) возглавляли ряд боевых выступлений болгарских трудящихся. Одновременно развернулась широкая кампания за объединение всего профсоюзного движения. Активную роль при этом играл орган НРПС — газета «Единство», а также группы революционной профпозиции, созданные в реформистских профессиональных организациях государственных служащих. Однако борьба за единство мешала предательская политика руководителей реформистских профсоюзов, стремившихся избавиться от революционно настроенных профсоюзных работников. В 1934 г. вместе с другими активистами Д. Коджейков был исключен из профсоюза почтово-телеграфных служащих.

В воспоминаниях Д. Коджейкова отмечаются, что большой вред профсоюзному движению принес левосектантский курс, временно возобладавший в руководстве БКП после 1929 г. Смена задач партии и профсоюзов, недооценка борьбы за непосредственные жизненные интересы трудящихся, экстремизм вели

к изоляции БКП и НРПС от рабочего класса, мешали НРПС стать подлинно массовой организацией. «Левосектантский курс,— пишет в своих воспоминаниях Д. Коджейков,— не давал перспектив успешной борьбы и тем самым ослаблял революционный дух» (стр. 181).

Вред, нанесенный рабочему движению левосектантским курсом, стал особенно очевидным после военно-фашистского переворота 19 мая 1934 г., когда были запрещены НРПС и другие рабочие организации. Сохранение НРПС в качестве нелегальной организации наряду с отказом от всякой работы в правительственном Болгарском рабочем союзе (БРС) были, по словам Коджейкова, лишь напрасной тратой сил (стр. 178).

Подобно многим профсоюзным активистам, Д. Коджейков горячо приветствовал новую левую партию, начало которой положил весной 1936 г. VI пленум ЦК БКП, прошедший под знаком проведе-

ния в жизнь решений VII конгресса Коминтерна и борьбы с левосектантским уклоном. Коджейков отмечает, что левинский курс в партии окончательно восторжествовал в декабре 1936 г., когда было принято решение о работе в БРС и создана Центральная профсоюзная комиссия при ЦК БКП. В состав этой комиссии в числе других вошел и Д. Коджейков.

Последние страницы книги автор посвящает событиям второй мировой войны. Годы, проведенные в фашистском концлагере, не сломили стойкого революционера. После победы антифашистского восстания 9 сентября 1944 г. он снова активно включается в работу по восстановлению и развитию болгарских профсоюзов.

Воспоминания ветерана болгарских профсоюзов — яркое свидетельство славного пути, пройденного ими под руководством Коммунистической партии.

О. П. Валова

МОНОГРАФИЯ О СТРИЙКОВСКОМ

Рецензируемая книга молодого советского ученого А. И. Рогова¹ посвящена польскому хронисту Мацею Стрыйковскому и его «Хронике польской, литовской, жмудской и всея Руси». Ученик академика М. Н. Тихомирова, крупнейшего знатока русских летописей, светлой памяти которого автор посвятил эту свою первую книгу, А. И. Рогов проделал громадную работу, сопоставляя содержание Хроники Стрыйковского со многими историческими источниками, в том числе с русскими летописями. Книга разделена на пять глав. Первые две содержат историкографический обзор и очерк жизни и творчества Стрыйковского, последующие три посвящены известиям Хроники по истории Киевской Руси и Великого княжества Литовского, а также судьбе Хроники в России и на Украине в XVIII в.

Указывая на недооценку Хроники в XIX в., А. И. Рогов вместе с тем отмечает, что в русской историографии Хроника, несмотря на критические суждения о ней, довольно широко пользовалась уже в «Смифской истории» А. И. Лызлова (1692). Автор приводит лестные слова В. Н. Татищева о «трудолюбивом канонике», говорит о пристальном внимании, которое на протяжении многих лет Ломоносов проявлял к Хронике Стрыйковского, и о признании М. М. Щербатова, что в своей «Истории Российской» он на эту Хронку «часто имел случай ссылаться». Гораздо более критически от-

носился к Хронике Н. М. Карамзин, и непонятным причинам, как подчеркивает А. И. Рогов, не включавший русские летописи в число ее источников.

Автор приводит далее убийственную (и, как убедительно показано дальше, несправедливую) характеристику, которую дал Хронике Ю. П. Крашевский в сороковых годах прошлого века. Статья эта была вскоре переведена на русский язык, но, в свою очередь, друг Мицкевича историк М. Малиновский перевел на польский язык статью «О литовских летописях» И. Даниловича, призывавшего «не издеваться над почтенным каноником». Однако А. И. Рогов основывается в своей работе не на такого рода обращениях *ad hominem*, а на всестороннем изучении Хроники, уже получившей, как подчеркивает автор, высокую (хотя и краткую) оценку в первом томе коллективного труда «История Польши», созданного советскими историками. Наряду с этим А. И. Рогов говорит и о случаях недооценки и даже игнорирования Хроники Стрыйковского, привлекающей в последнее время все более и более пристальное внимание как польских, так и советских историков.

Анализируя Хронку, А. И. Рогов, последовательно обосновывает свое отношение к ней, как к «одному из выдающихся произведений эпохи польского Возрождения, а также замечательному памятнику славянского единства» (стр. 19). Значение этого единства, как известно, подчеркивалось прославленным предшественником Стрыйковского польским хронистом Яном Длугошем, на склоне лет, как напоминает автор книги, изучавшем русский язык.

¹ А. И. Рогов. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966.

А. И. Рогов тщательно рассматривает вопрос и о других предшественниках Стрыйковского, подчеркивая, что автор Хроник критически относится к их изложению фактов истории Киевской Руси — «очевидно, потому, что не мог найти подтверждения этого в русских летописях» (стр. 42). Вывод, к которому приходит А. И. Рогов, считающий, что «сверка Стрыйковским данных польских хроник с летописями—довольно характерная черта его труда» (стр. 41), представляется нам одним из важнейших тезисов всего исследования, позволяющим считать, что Стрыйковский почти никогда не подвергал сомнению фактическую достоверность русского летоисчисления.

Сопоставлению Хроник Стрыйковского с русскими летописями посвящена основная часть книги А. И. Рогова. Заслуживает серьезного внимания его гипотеза, что некоторые русские и белоруско-литовские летописи, видимо, использованные в Хронике, по всей вероятности, не дошли до нас (см., например, стр. 104—107). Не менее важен и вывод А. И. Рогова, что летописные материалы далеко не исчерпывали всего круга русских источников Стрыйковского» (стр. 122). Более того, А. И. Рогов высказывает предположение, что автор Хроник, внося коррективы в труды своих предшественников, основывался и на сведениях, собранных им во время путешествий (стр. 186).

Попутно А. И. Рогов не перестает заниматься историографическим анализом, показывает несостоятельность многих упреков, делавшихся Стрыйковскому (в частности, П. В. Голубовским, считавшим, что автор Хроник плохо разбирал русские летописи и поэтому якобы вносил в содержавшиеся в них известия «удивительную путаницу»). А. И. Рогов безусловно прав, когда пишет: «Для историка является важным сам характер и причины той тенденциозности и искажения исторических сведений, в свете которых создается или перерабатывается тот или иной памятник, переданный Стрыйковским» (стр. 258). Тем самым автор книги ставит (а во многих случаях и решает) вопрос о том, что та или иная летопись должна рассматриваться с точки зрения не только достоверности изложенных в ней фактов, но и преломления их в использованных источниках, частично, быть может, уже до нас не дошедших. Думается, что книга А. И. Рогова выиграла бы, если бы автор сделал в этом отношении более широкое обобщение, которые могли бы иметь значение для правильного понимания многих памятников славянского (да и не только славянского) летоисчисления и их источников.

В пятой главе («Хроника Стрыйковского в России и на Украине в XVIII в.») А. И. Рогов приводит немало фактов, выходящих за пределы историографии и

относящихся непосредственно к развитию русско-польских литературных связей в XVII в., в частности, к распространению в России книг, изданных в Речи Посполитой, и переводов этих книг. Если в предыдущих главах речь шла об использовании Стрыйковским и другими польскими хронистами русских летописей, то в данной главе говорится о включении материалов польских хроник и других сочинений в русские исторические труды, авторы которых с особым доверием относились к известиям, собранным их польскими собратьями. «Такое обращение преимущественно к польской историографии в России связано с большим ее развитием в Польше, достигшим высокого уровня уже в труде Длугоша», — справедливо замечает А. И. Рогов (стр. 265).

Общезвестны высказывания Длугоша о русском народе как друге и брате польского народа, о русских воинах, мужественно бившихся на берегу Каял-реки. И Стрыйковский не раз пишет о героизме и мужественности русского народа, который, как он считает, был родоначальником всех других славянских народов. А. И. Рогов признает «важность теории этногенеза славян и русских, выдвинутой Стрыйковским» (стр. 267), подчеркивая, однако, проявившееся в Хронике уважение и дружественное отношение к России. Такое отношение, естественно, усилило интерес к Хронике в нашей стране, что подтверждается ценными сведениями о распространении в России сочинения Стрыйковского, собранными А. И. Роговым.

Заслуживает внимания еще один важный вывод автора книги: «Особенно интенсивно Хроника использовалась в украинских исторических трудах XVII в. Всякому, кто обращается к их рассмотрению, не может не броситься в глаза большая зависимость украинских хроник от польских исторических сочинений и в особенности от Хроник Стрыйковского» (стр. 292). Наряду с этим, А. И. Рогов говорит о популярности Хроник вообще у восточнославянских народов, а в кратком заключении (стр. 307—308) определяет значение Хроник как исторического памятника, дающего «широкую возможность проследить судьбу древнерусского культурного наследия на Украине и в Белоруссии».

Исследование А. И. Рогова в большой степени подтверждает предположение автора, открывающую книгу: «В истории русско-польских культурных связей одной из самых ярких страниц являются связи по линии историографии. Может быть, ни в какой другой отрасли культуры с такой полнотой не отразилась взаимность этих контактов» (стр. 5). Признавая справедливость этого положения, подтверждаемого огромным материалом, собранным и изученным А. И. Роговым,

хочется все же сказать, что годы «Миллениума» обогатили историю культуры трудами не только об историографических, но и литературных связях польского и русского народов. Нет сомнения, что все эти труды способствуют историческому обоснованию и еще более глубокому осознанию братского единства сла-

вянских народов, восходящего к далекому прошлому. Призывы к этому единству звучали и в «медной латыни» Длугоша и во многих произведениях других авторов, в том числе и Стрыйковского, как показано в рецензируемой книге.

Игорь Базза

О ДРУЖБЕ ВЕЧНОЙ, НЕРУШИМОЙ

Русско-украинско-болгарская дружба вполне закономерно привлекает внимание историков. Недавно вышли в свет еще две новые книги, освещающие эту важную проблему: одна из них написана А. Бачинским и М. Дыхалом, а вторая — П. Сохань¹. В этих работах на базе изучения архивных материалов и опубликованной литературы воссоздается история традиционной русско-украинско-болгарской дружбы, ее развитие и укрепление с давних времен до наших дней, прослеживаются многообразные формы этой дружбы.

В книгах убедительно показано, что корни дружбы этих братских славянских народов уходят в глубину веков. Подчеркивается, что воссоединение Украины с Россией (1654) и выход России во второй половине XVIII в. к берегам Черного моря оказались важными предпосылками для оказания братской помощи болгарскому народу в его вековой борьбе против турецкого ига.

Авторы обеих книг подчеркивают роль Одессы как центра болгарской эмиграции, отмечают, что в высших учебных заведениях Украины, особенно в Одесском (тогда Новороссийском) университете получала образование молодежь из славянских стран. В книгах говорится об интересе к Болгарии русской интеллигенции, в частности историков (В. И. Григорович, А. А. Кочубинский, Ф. И. Успенский, И. И. Срезневский и др.).

В связи со вторым этапом русско-го освободительного движения — революционно-демократическим — весьма рельефно показана деятельность на Украине руководителей болгарского национально-освободительного движения — Георгия Раковского, Христо Ботева, Любена Каравелова.

На большом материале авторы книг прослеживают укрепление и развитие культурных и революционных связей украинского народа с Болгарией после ее освобождения. Рассказывают о деятельности на Украине видных болгарских писателей Ивана Вазова, Алеко Константинова, о связях с болгарской литерату-

рой передовых писателей Украины — Фрашко, Грабовского, Леси Украинки и др. Касаясь укрепления революционных связей с Болгарией в период, когда в России стал распространяться марксизм, авторы подчеркивают роль Благоева, учившегося в Одессе и ставшего впоследствии основателем болгарской марксистской партии тесняков, которая, как указывал В. И. Ленин, стояла ближе к большевикам, чем все другие левые партии международной социал-демократии. В книгах привлечен большой историко-документальный материал, свидетельствующий о наличии революционных связей с Болгарией в период создания В. И. Лениным партии большевиков и во время первой русской революции 1905 года.

Большое место уделяется в книге послеоктябрьскому периоду. Авторы показывают, как в январских боях 1918 г. за Одессу в легендарной бригаде Котовского, в прославленной 45 дивизии Якира и в рядах Конной армии Буденного плечом к плечу с русскими, украинцами и другими народами первой страны Советов сражались и болгарские интернационалисты.

Особенно интересны страницы книг, которые повествуют о совместной борьбе советского и болгарского народов против фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В книгах рассказывается о борьбе болгарских партизан против фашистских оккупантов и братской помощи Советской Армии в освобождении Болгарии от фашистского ига в 1944 г.

Заключительные главы обеих книг посвящены братскому советско-болгарскому содружеству в послевоенные годы. При этом много места уделяется освещению украинско-болгарской дружбы. Авторы показывают развитие экономических связей между СССР и Болгарией, роль советской промышленности, и в частности украинской, в социалистической индустриализации и кооперировании сельского хозяйства новой Болгарии.

В книгах убедительно раскрыта многообразная деятельность Общества советско-болгарской дружбы и Общества болгаро-советской дружбы. Украинское отделение этого Общества, как указывает

¹ А. Б а ч и н с к и й, М. Д ы х а л. Дай руку, другар! Одесса, 1965, 128 стр.; П. С о х а н ь. В огонь вічної дружби. Київ, 1966, 114 стр.

П. Сохань, объединяет ныне шесть областных организаций (Одесскую, Полтавскую, Кировоградскую, Херсонскую, Луганскую и Сумскую).

Широко показан все растущий размах культурного сотрудничества Украины с Болгарией в области науки, народного образования, литературы и искусства. Авторы отмечают вклад украинских историков-болгаристов (В. А. Жебокрицкий, С. И. Сидельников, И. В. Ганевич, М. Д. Дыхан и др.) в разработку актуальных вопросов советско-болгарской дружбы.

Обе книги неопровержимо свидетельствуют, что братская дружба наших народов, испытанная веками, превратилась в условиях социалистического сотрудничества в широкое всестороннее сотрудничество, стала той движущей силой, которая успешно помогает обеим странам строить социализм и коммунизм.

Однако рецензируемые книги не лишены ряда недочетов. Следует отметить, что при характеристике в книге П. Сохань положительной роли М. П. Драгоманова в развитии болгарской культуры дается, на наш взгляд, нечеткая оценка

его общественно-политических и философских взглядов. Здесь следовало бы опереться на высказывания В. И. Ленина о национальной ограниченности взглядов Драгоманова, выступавшего против демократического централизма в решении национального вопроса и отставившего национально-культурную автономию². Вызывает также возражение структура книги Бачинского и Дыхана. Первую главу они доводят до войны 1877—1878 гг., в то время как П. Сохань, что нам представляется более правильным, завершает ее этой войной, а вторую главу начинает с нового этапа в истории русско-болгарской дружбы, связанного с освобождением Болгарии от иноземного гнета. К сказанному нужно добавить, что в обеих книгах социально-экономическое развитие Болгарии до 1944 г. освещено весьма слабо.

В целом обе книги безусловно послужат важному делу укрепления советско-болгарской дружбы.

С. Марлинский

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 29.

ЦЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О З. ХОДАКОВСКОМ

Монография Ю. Маслянки¹ посвящена рассмотрению научных взглядов одного из зачинателей славяноведения — Зорiana Долеги-Ходаковского. Автор монографии сумел достаточно четко отразить сущность славяноведческих воззрений Ходаковского и показать его заслуги в изучении славянского этногенеза, фольклора, топонимики и диалектологии, в разработке теории городищ и др.

Задача исследователя усложнялась тем, что богатое рукописное наследие Ходаковского мало изучено и распылено по многим архивным собраниям СССР и ПНР. Однако к написанию данного исследования автор приступил, имея в своем распоряжении большое количество проверенных фактов и наблюдений, которым были посвящены некоторые его работы². В архивах Варшавы, Киева,

Кракова, Ленинграда, Москвы, Праги он изучил многочисленные материалы, относящиеся к деятельности Ходаковского и его времени. Настоящая монография является итогом более чем десятилетней исследовательской работы Ю. Маслянки.

В отличие от своих предшественников (Р. Гавронского, А. Пыпина, В. Францева, В. Доманицкого и др.), которые касались преимущественно биографии Ходаковского, Маслянка посвятил свою книгу анализу его научных идей и взглядов. Биографии Ходаковского Маслянка уделяет незначительное место, и то лишь в целях более полного раскрытия затрагиваемых им проблем.

Автор показывает роль и место Ходаковского в славянской науке и литературе, особенно в польской, устанавливает истоки его научных взглядов, основные методы исследования и собирания археологического, фольклорного и языкового материала.

Ю. Маслянка рассматривает проблему народности, которая в понимании Ходаковского получила новую интерпретацию. По Ходаковскому, народным следует считать то, что отличает славян от других племенных народов. Искать народность следует не в тенденциозных и фальшивых творениях писателей, говорит Ходаковский, и не у пренебрегающей всем народным шляхты, а в народной культуре, песнях, преданиях, которые сохраняют в себе реликты дохристианской эпохи. Ходаковский считал, что

¹ J. M á s l a n k a. Zorian Dołęga-Chodakowski. Jego miejsce w kulturze polskiej i wpływ na polskie piśmiennictwo romańskie. Polska Akademia Nauk w Krakowie. Prace Komisji Historyczno-literackiej, № 13. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965.

² Badania Chodakowskiego nad przeszłością Słowian.—«Slavia orientalis», 1965, № 2, s. 143—166; Zorian Dołęga Chodakowski, — «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1955, № 3, s. 180—192; Zorian Dołęga Chodakowski, jego miejsce w kulturze polskiej.—«Sprawozdania z posiedzeń Komisji Oddziału PAN w Krakowie», styczeń—czerwiec, 1963, s. 80—82.

«единственным посетителем народности является простой народ и единственно народной культурой является культура простого народа» (стр. 30). Простонародность (*ludowość*), таким образом, Ходаковский отождествляет с народностью. Поэтому Ходаковский обращал главное внимание на устное творчество славянских народов, особенно на песни, которые он считал звучащим голосом истории, душой народа. Выступление Ходаковского с такой радикальной концепцией народности, отмечает Ю. Маслянка, имело весьма важное значение для зарождавшейся славянской науки и славянской литературы эпохи романтизма.

В непосредственной связи с проблемой народности Ю. Маслянка рассматривает фольклористические взгляды Ходаковского, по праву называя его защителем славянской фольклористики, собрание песни которого является самым богатым из всех собраний славянских фольклористов вплоть до Кольберга. В монографии показаны некоторые методы анализа фольклорного материала. Ходаковский делит все песни, в зависимости от содержащейся в них символики, на три группы: песни с астрономической, мифологической и зоолого-ботанической символикой. Ю. Маслянка рассматривает также взгляды Ходаковского на обрядовую народную поэзию, содержащую в себе реликты древней славянской истории, и на язык фольклора, оказавший большое влияние на формирование языка художественной литературы.

Оценивая тот большой вклад, который внес Ходаковский в славянскую этнографию, автор вместе с тем отмечает, что Ходаковский не сумел определить границ и задач этой науки.

Много места в монографии отведено разбору исторической концепции Ходаковского: этногенезу славян, определению границ их первоначального расселения, племенному устройству, мировоззрению, теории городищ и курганов и пр. В результате автор раскрывает немало ценных научных идей Ходаковского.

Все это является несомненным достоинством монографии.

Однако вне поля зрения автора остались многие важные факты, которые могли бы более убедительно подтвердить выдвигаемые им положения. Так, рассматривая начальной этап деятельности З. Ходаковского и роль Г. Коллантая в формировании его научных взглядов, Маслянка не берет «утверждать с полной уверенностью» (стр. 38), что Ходаковскому было известно письмо Г. Коллантая 1802 г. к Я. Маю. Укажем, что сделанная самим Ходаковским копия этого письма с многочисленными его пометами хранится в архиве Ходаковского в Государственной публичной библиотеке

им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде³.

Говоря об интересе А. Чарторыйского к устному народному творчеству и древней славянской истории, автор, к сожалению, не упоминает письма Б. Сестрачевича к Чарторыйскому⁴, где об этом говорится.

Неубедительны некоторые доводы Ю. Маслянки, когда он рассматривает влияние Ходаковского на его последователей. Так, факт влияния Ходаковского на Б. Залесского Маслянка обосновывает (стр. 58) тем, что в произведении Залесского «Русалка» упоминается «семь звезд», о которых говорит Ходаковский в своей работе «О славянстве до христианства». Но о «семи звездах», «трех лунах» и других народных символах Б. Залесский знал непосредственно из фольклора, на материале которого он создал большинство своих произведений. Бездоказательно в монографии говорится о влиянии Ходаковского на А. Морачевского, которое, по мнению Ю. Маслянки (стр. 61), состоит в том, что А. Морачевский, как и З. Ходаковский в своей «*Słowiańszczyźnie*», говорит о бесклассовости общества у древних славян. Ведь Морачевский мог заимствовать эту мысль не только у Ходаковского, ибо идеи демократизации государственного строя и раскрепощения крестьян были в то время весьма популярны и высказывались многими мыслителями и учеными.

Влияние Ходаковского на Л. Ширму (стр. 67) могли бы подтвердить слова самого Л. Ширмы, писавшего, что «случайное знакомство с Ходаковским еще более увлекло» его к собиранию народных песен⁵.

Монография почти не отражает творческих связей Ходаковского с русскими, украинскими и белорусскими исследователями, хотя они были. Известно, например, что Ходаковский интересовал Н. Полевого, который в своих статьях и книге «История русского народа» повторил многие его мысли о древней славянской истории, отображении ее в народном творчестве⁶. Начиная в то время фольклористическую деятельность П. Киреевский, «возбужденный подвигом Ходаковского, воздвигся на неизмеримую по

³ ГИБ, ф. 488, оп. 4, ед. хр. 48.

⁴ В. А. Францев. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага, 1906, стр. 70.

⁵ «*Poezje Aleksandra Wypióskiego, pisane na pielgrzymstwie*», Londyn, 1853, s. 250.

⁶ М. К. Азадовский. История русской фольклористики. М., 1858, стр. 234. См. также письмо А. А. Шишкова к С. Т. Аксакову от сентября 1830 г. — «Летопись Государственного литературного музея», кн. I. Пушкин. М., 1936, стр. 480—487.

тому времени высоту тонкого вкуса, меткого постижения, правильного такта, научного приема и образованного взгляда»⁷. Велико также было влияние Ходаковского на украинских историков и фольклористов М. Максимовича, О. Боянського и др. Максимович, как известно, включил большое количество песен из записей Ходаковского в свои сборники 1834 и 1849 гг., утверждая, что «первыми средствами к его исследованиям были также личные беседы с Каченовским, Ходаковским...»⁸, а Боянский использовал идеи Ходаковского в своей магистерской диссертации «О народной поэзии славянских племен» (М., 1837). Разделяли идеи Ходаковского также известные русские ученые, как П. Кеншен, Н. Карамзин, Н. Лобойко, В. Анастасевич, М. Каченовский, И. Снегирев, М. Погодин и др. Эти факты отражены главным образом в переписке Ходаковского и других лиц.

Касаясь рукописного наследия Ходаковского, автор монографии оставляет без внимания также весьма ценные для ответа на поставленные им вопросы письма Ходаковского к Н. Румяшцову⁹, Н. Лобойко к Ходаковскому¹⁰, переписку Ц. Дашкевича с И. Лелевелем¹¹ и др.

Если бы автору было знакомо «Дело Ходаковской подпоручицы от петрбаванши от Полевого принадлежащих книг, рукописей, ремарек и древних монет 1832 г.»¹² и он более внимательно прочитал бы предисловие Максимовича к сборнику его песен 1849 г.¹³, то он не утверждал бы, что копии с украинских песен Ходаковского сделал М. Максимович

(стр. 63): копии были сделаны самим Ходаковским и предоставлены (вместе с оригиналами) Максимовичу вдовой Ходаковского. Ошибается Ю. Маслянка и там, где утверждает, что эта рукопись песен Ходаковского была скопирована В. Науменко (стр. 63). В действительности же копии песен Ходаковского, хранящиеся ныне в рукописном отделе Публичной библиотеки АН УССР, были подготовлены П. Полевым.

Не прав Ю. Маслянка, утверждая, что в своих рукописных сборниках «Ходаковский всегда отмечал, откуда происходит данная песня» (стр. 63). Ведь сам же автор ссылается на В. Доманицкого, видевшего сборники песен Ходаковского и отмечавшего, что далеко не все песни Ходаковский паспорттизировал¹⁴.

Если бы автор глубже проанализировал деятельность Ходаковского в связи с историей, фольклором и литературой русского, украинского и белорусского народов, показал бы связь его идей с белорусской и украинской романтическими школами и определил бы место Ходаковского в науке и культуре этих народов, то читатель вполне представил бы значение научных идей Ходаковского и его роль в польской исторической науке и культуре. Это обстоятельство тем более следовало бы учесть, поскольку Белоруссия, где родился и вырос Ходаковский, с ее «древними поверьями, обрядами, песнями и легендами так повлияла на Ходаковского, что он всю свою жизнь посвятил древностям славянским»¹⁵.

Отмеченные недостатки не умаляют заслуг автора, который дал глубокий анализ выдвинутых и отчасти решенных Ходаковским славяноведческих проблем. Книга Ю. Маслянки о пионере славянской фольклористики, этнографии и археологии, являясь первым глубоким исследованием концепции Ходаковского, вносит большой вклад в славистику.

Л. А. Аксимова-Малаин

⁷ П. Б е с с о в о в. Белорусские песни. М., 1871, стр. XXIV.

⁸ Н. Б а р с у к о в. Жизнь и труды М. И. Погодина, кн. 6. СПб., 1895, стр. 376.

⁹ ГНБ, ф. 488, оп. 4, ед. хр. 48.

¹⁰ Там же, ед. хр. 52 и 78.

¹¹ Рукописный отдел библиотеки Вильянского университета, ф. 12.

¹² Государственный исторический архив Московской области, ф. 16, оп. 9, д. 110466.

¹³ «Сборник украинских песен, издаваемых Михайлой Максимовичем», ч. I. Кисв, 1849.

¹⁴ В. Д о м а н и ц к и й. Пионер украинской этнографии. — «Зашеки наукового товариства імені Шевченка», кн. 3, т. XV, 1905, стр. 8.

¹⁵ J. G o ł a b e k. Wincenty Dunin-Marcinkiewicz — poeta polsko-białoski. Wilno, 1932, s. 9.

«*Sborník ševčenkovský*». Venovaný z príležitosti 150. výročia narodenia T. H. Ševčenka problémom medzislovanrusých literárnych vzťahov. Filozofická fakulta University P. J. Šafarika v Prešove. Roč. V. Bratislava, 1965, 272 s.

«Сборник шевченковский»

Сборник, подготовленный коллективом славистов Университета им. П. И. Шафарика с участием ряда приглашенных и зарубежных авторов, дает интересный

материал для практической проверки научной «продуктивности» основных направлений, которые сложились за последнее время в области марксистского нау-

чения литературных связей. Перед нами статьи, устанавливающие близость историко-типологическую (Иван Дзюба. «Шевченко и Петефи») и генетическо-типологическую (Ю. Луис Доланский. «Шевченко и Петр Безруч»; Милорад Живанчевич. «Иллирийский варнап идеп славянской взаимности»; Андрей Червеняк. «К проблематике героев Тургенева и Ваянского»), посвященные исследованию культурных взаимоотношений (Георгий Влчев. «Интературная взаимность в аспекте публицистики»; Елена Рудовчак. «К вопросу о культурных взаимоотношениях между словаками и закарпатскими украинцами в середине прошлого столетия»), популяризации и культурно-политическим отзывам литературы или значительного культурного события одной страны в другой (Михаил Роман. «К вопросу о прощиповении советской литературы в Словакию в 30-е годы и ее отзывах»); Ежи Сливинский. «Польские отклики на строительство Национального театра в Праге»), проблеме перевода (Петер Бунганич. «Переводы Кокавеца из поэзии Шевченко»), а также публикации архивных и библиографических материалов (Павел Петрус. «Переписка Йозефа Шкультеты с Т. Д. Флоринским»; Степан Добош. «Русские книги в библиотеках города Препов»).

Эти исследования убеждают в правильности и актуальности теоретических положений, которые мы находим в статье главного редактора сборника Павла Петруса «К некоторым теоретико-методологическим проблемам сравнительного изучения литератур» и рецензента Андрея Червеняка (на сборник «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур», М., 1961), Дюниза Дюринна (на сборники «Международные связи русской литературы», М.—Л., 1963; «Из истории русско-славянских литературных связей», М.—Л., 1963), Эммы Пановой (на книгу А. Поповича «Ruská literatúra na Slovensku v rokoch 1863—1875», Bratislava, 1961). Суть их сводится к тому, что изучение литературных связей представляет собой лишь одну из сторон исследования мирового литературного процесса и плодотворно в том случае, когда «способствует объяснению внутренних закономерностей национальных литератур (их специфики) как модифицированных (общественно-исторически детерминированных) компонентов мирового литературного процесса», «устанавливает всеобщие черты закономерностей мировой литературы», «приводит к открытию и формулированию (характеристике) закономерностей международных литературных отношений и связей» (П. Петрус).

Материалы сборника подтверждают мнение П. Петруса, что изучение внутренних контактно-типологических связей имеет доминирующее значение с точ-

ки зрения целей сравнительно-исторического изучения литератур (этот термин, которым пользуются Франк Воллман и В. М. Жирмунский, представляется нам более удачным, чем предлагаемый П. Петрусом термин «марксистская литературная компаративистика», так как более точно раскрывает методологическую основу именно данной литературоведческой дисциплины). Вот почему наиболее удачной в методическом отношении статьей сборника является, на наш взгляд, исследование А. Червеняка, который, исходя из оригинальной классификации персонажей Тургенева, устанавливает и анализирует «различные формы отношений „лишних людей“ Ваянского к четырем основным типам „лишних людей“ И. С. Тургенева». Вместе с тем как раз эта статья вызывает наибольшее число частных замечаний. Спорным представляется утверждение, что определяющим моментом для всего творчества Тургенева была внутренняя полемика с романтизмом, поскольку в пору творческой зрелости писателя романтизм уже не был для него достаточно серьезным противником. Вряд ли можно противопоставлять Тургенева Пушкину, Лермонтову, Герцену, Гончарову, Чернышевскому на том основании, что последние производят суд над героем, а Тургенев якобы его не производит. Не следовало бы ставить Печорина в один ряд с романтическими героями Марлинского, разделять всех героев Тургенева на эгоистов и альтруистов и затем упрекать писателя в упрощенности такого деления. В целом же статья глубоко раскрывает внутреннее развитие «воспринимающей литературы», а также «механизм» литературного влияния.

Меньше в этом плане дает весьма фундаментальное исследование Ю. Доланского. В нем отсутствует такое решающее звено, как структурно-типологическое сравнение украинской и чешской поэзии в период возникновения «Кобзаря», с одной стороны, и «Силезских песен», с другой. Поэтому установление прямой генетической связи между ними остается во многом гипотетическим, а выяснение типологических аналогий и различий носит подчас несколько общий и даже самоочевидный характер (например, указание на отсутствие шахтерской тематики у Шевченко).

Работы И. Дзюбы, М. Живаневича, Г. Влчева, Е. Рудовчак, каждая из которых по-своему интересна и содержит ценный фактический материал, в большей степени относятся к области изучения истории общественной мысли, чем собственно литературных связей.

П. Бунганич, анализируя переводы Юлы Кокавеца из Шевченко, выдвигает ряд совершенно правильных требований к переводческому искусству и вполне обоснованно отмечает множество кон-

кратных промахов и ошибок переводчика¹. Однако длинный список ошибок, вольностей и неточностей в переводе, который автор помещает без какого бы то ни было анализа, не убеждает, поскольку, кроме лингвистической точности, в художественном переводе необходимо исходить из целого ряда иных, литературно-эстетических критериев, иногда более важных, чем буквальное словарное соответствие.

Статьи Ежи Слизинского и Михала Романа носят преимущественно фактографический характер. Особенно последнее из них позволяет согласиться с Владимиром Форетом (ж. «Ceská literatura»,

¹ Неверно только, что украинское слово «москаль» равнозначно словацкому словосочетанию «cárský vojak»; в действительности «москалями» пренебрежительно называли вообще русских людей.

1966, № 2), что более целесообразной формой подачи такого рода материала была бы аннотированная библиография или другие виды вспомогательных фактографических пособий.

В целом сборник свидетельствует все же об известном расхождении между теоретическими положениями, высказанными его редактором, и конкретным содержанием историко-литературных статей. Видимо, пришло время переходить от публикации разнохарактерных материалов, посвященных проблемам литературных связей, к коллективным комплексным исследованиям, которые осуществлялись бы по единому плану и на основе единой методологии и методики. Этого и хочется пожелать славистам Университета им. П. П. Шафарика в их дальнейшей работе.

О. М. Малевич

ВКЛАД В СЛАВЯНОВЕДЧЕСКУЮ БИБЛИОГРАФИЮ

С начала 1966 г. Отдел европейских социалистических стран Фундаментальной библиотеки общественных наук им. В. П. Волгина АН СССР издает новый текущий информационный бюллетень по славистике. Растущий интерес к общественной и культурной жизни славянских народов, к их прошлому и современному развитию сделал необходимым издание самостоятельного ежеквартального библиографического бюллетеня «Новая литература по общим проблемам славяноведения»¹.

До сих пор материалы по общим проблемам славяноведения регистрировались в бюллетене «Новая литература по Польше» (с 1948 по 1963 г.), а также в приложениях к бюллетеням по всем другим славянским странам (в 1964—1965 гг.)².

Бюллетень «Новая литература по общим проблемам славяноведения» учитывает советскую и зарубежную литературу по славянскому языкознанию, славянскому литературоведению, народно-поэтическому творчеству, искусству, истории, археологии и этнографии (монографии, статьи из журналов и сборников, рецензии), поступающую в Фундаментальную библиотеку общественных наук

им. В. П. Волгина АН СССР, Всесоюзную государственную библиотеку иностранной литературы, Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина и Научную библиотеку им. А. М. Горького МГУ.

Достоинство этого бюллетеня, в первую очередь, состоит в том, что его составители исходят из правильного понимания круга тех дисциплин, которые составляют славяноведение — комплексной науки, изучающей такие отрасли знания как языкознание, литературоведение, фольклор, этнография, история, археология, искусство, философия, право, экономика. Поскольку правовые, государственные, экономические вопросы жизни славянских стран являются предметом уже издаваемого Отделом с 1964 г. текущего бюллетеня «Новая литература по общим проблемам европейских социалистических стран», регистрирующего материалы о европейских социалистических странах как части мировой системы социализма, то бюллетень «Новая литература по общим проблемам славяноведения» включает литературу преимущественно по славянской филологии, искусству славянских народов, их истории, археологии и этнографии.

Принципы отбора и расположения материалов остальных информационных бюллетеней, которые издает Отдел, в основном повторяются и в рассматриваемом бюллетене. Однако специфика содержания нового бюллетеня неизменно отражается на его структуре. К сожалению, в первом выпуске отсутствуют вводные замечания, без которых трудно судить о взглядах самих составителей на принципы отбора и системати-

¹ «Новая литература по общим проблемам славяноведения». Вып. 1—2. М., 1966. Отпечатан множит. аппаратом.

² См.: И. К а л о е в а. Принципы составления комплексно-отраслевых бюллетеней «Новая литература по общим проблемам европейских социалистических стран» и «Новая литература по общим проблемам славяноведения». — «Научная библиография (Опыт работы ФБОН АН СССР)», М., 1967.

зация отражаемой в бюллетене литературы³.

Материал в рассматриваемой библиографии систематизирован по разделам, подразделам (рубрикам) и подрубрикам, а внутри — в алфавитном порядке. Четкость классификации литературы и широко применяемая почти в каждом разделе и подразделе система ссылок все стороны раскрывают содержание материалов. Каждая книга, статья или рецензия учтена в том разделе или подразделе, к которому относится ее основное содержание, а посредством ссылок она отражается в других разделах указателя. Рецензии помещены в тех рубриках, к которым относятся рецензируемые произведения. Библиографические указатели и библиографические обзоры по отдельным проблемам нашли свое место в соответствующих рубриках, а общие справочники образуют самостоятельный раздел в конце бюллетеня. Ряд материалов аннотирован, но, на наш взгляд, некоторые разделы, как, например, подраздел «Персоналии», аннотирован недостаточно. Здесь следовало бы давать сведения о характере исследовательской работы и годах жизни каждого ученого.

Первый большой раздел составляет литература по общим вопросам славяноведения. Сюда входят теоретические материалы, отражающие состояние славяноведческой науки и перспективы ее дальнейшего развития.

Второй раздел включает публикации, отражающие организационную и научно-исследовательскую работу научных учреждений и высших учебных заведений в области славистики в Советском Союзе и в других странах. Здесь мы находим статьи о совместной работе ученых, их сотрудничестве в области разработки славяноведческих проблем, материалы съездов, заседаний, симпозиумов. Следует заметить, что материалы о заседаниях Международной терминологической комиссии (вып. I, стр. 3) лучше было бы отразить в подрубрике, посвященной подготовке VI Международного съезда

³ Подробно о принципах составления бюллетеней, издаваемых Отделом, см.: Е. М. Кап. Некоторые вопросы методики составления бюллетеней новой литературы по европейским социалистическим странам. — «Труды Библиотеки АН СССР и ФБОИ АН СССР», М.—Л., 1963, т. 7, стр. 35—59, а также указанную статью И. Калоевой.

славистов, где нашли свое место материалы о деятельности Международного комитета славистов. Литература, разоблачающая буржуазную фальсификацию славяноведческих проблем, выделена в отдельном подразделе. Исторические взаимоотношения между славянскими учеными отражаются в рубрике «История славяноведения». В рубрике «Персоналии» отражаются работы не только об ученых, занимавшихся исключительно славяноведческими проблемами, но и о тех исследователях, которые, занимаясь в основном другими проблемами, внесли своей научной работой вклад в славяноведение.

С рубрики «Общие вопросы» начинается следующий раздел «Славянская филология». Далее следуют рубрики и подрубрики, в которых собрана литература о славянских языках, славянских литературах и фольклоре, об их истории и современном состоянии, их связях между собой и с языками и литературами других народов. Удачно и своевременно выделена в этом разделе подрубрика «Вопросы балканистики».

Раздел «Искусство славянских народов» содержит материал о музыке, театре и живописи народов славянских стран.

Историческая, археологическая и этнографическая литература образуют другой большой раздел. Здесь хронологические рамки рубрик определяются общестроительно-экономическими формациями, а подрубрики включают литературу по определенным историческим периодам в пределах формаций. В отдельной рубрике находится материал по истории славянской культуры и науки и о культурных связях между славянскими народами.

В особые разделы выделены материалы о лужицких сербах и полабских славянах.

Рассматриваемый бюллетень рассчитан на широкий круг читателей, в первую очередь на научных работников, занимающихся проблемами славянских стран.

Для облегчения пользования бюллетенем следует, может быть, подумать о составлении дополнительных именных и тематических указателей к каждому выпуску или к годовому комплексу издания. Новый бюллетень является полезным пособием для всех интересующихся проблемами славяноведения.

Марта Кырпачева

И. В. АРБУЗОВА, П. А. ДМИТРИЕВ, Н. И. СОКЛЪ. Сербохорватский язык. Л., изд-во Ленинградского университета, 1965, 291 стр.

Обучение сербско-хорватскому языку осуществляется в наших университетах в трудных условиях. Преподаватели и студенты располагали лишь словарями

и краткими очерками грамматики, приложенными к словарям, и не имели досих пор отечественных методических пособий для практического курса сербско-

хорватского языка. Лишь недавно был издан первый советский учебник сербско-хорватского языка, составленный коллективом славистов Ленинградского университета (руководитель группы — доц. П. А. Дмитриев, ответственный редактор Г. И. Сафонов). Труд И. В. Арбузовой П. А. Дмитриева и Н. И. Сокаль — пужное издание.

«Учебник построен, — говорится в предисловии, — в соответствии с требованиями программы для филологических факультетов государственных университетов и имеет целью ознакомить с нормами произношения, нормативной грамматикой, правописанием и помочь учащимся усвоить основы сербохорватской разговорной речи» (стр. 5). Изучаемый языковой материал распределен на 29 уроков. Урок содержит один — два текста, грамматические и иные объяснения, разнообразные упражнения.

Много места занимают сведения о звуковом строе сербско-хорватского литературного языка. Описывается артикуляция отдельных звуков (в том числе и тех, которые идентичны звукам русского языка), составлены многочисленные фонетические упражнения, подробно изложены обусловленные чередования согласных. Характеризуя национальный аспект сербско-хорватского ударения, авторы используют для сравнения некоторые особенности произношения русских ударных гласных в открытых и закрытых слогах.

Для практического изучения языка очень важны сведения о месте ударения. На стр. 28 упомянуто, что в сербско-хорватском языке много слов с подвижным ударением. К сожалению, это положение не развито, не конкретизировано. Следовало бы при описании морфологии и словообразования называть характерные типы слов и форм с неподвижным и подвижным ударением (например, распространенный тип *јунџа* — *јунџина*).

Обстоятельно изложены принципы орфографии сербско-хорватского литературного языка.

Учебник содержит основные сведения по морфологии, словообразованию и синтаксису простого предложения. Морфология излагается менее детально, чем фонетика и орфография. Некоторые ее разделы, например, образование страдательных причастий, освещены слишком суммарно. В перечень суффиксов почему-то не вошли чрезвычайно продуктивные суффиксы *-ост*, *-ље* и *-ће*. Неудачно объяснено различие между так называемыми I и II йотацией (стр. 154). Из текста следует, что чередование *г||ж*, *к||ч* (бог — *божји*, человек — *човеџи*) возникло не в праславянскую эпоху, а значительно позже, когда сформировался сербско-хорватский язык! Кстати сказать, рассмотрение этого вопроса в учебнике представляется излишним, так как раз-

личение I и II йотаций несущественно для практического усвоения языка.

Сербские и хорватские тексты, распределенные в порядке возрастающей сложности, хорошо отражают лексический и грамматический строй современного языка. Помимо часто учебных текстов, в том числе диалогов, в учебнике опубликованы отрывки из произведений сербских и хорватских прозаиков (Л. Лазаревича, Н. Андрича, А. Цесарца и др.), а также несколько стихотворений.

Лексика учебных текстов и упражнений сведена в акцентированный сербско-хорватско-русский словарь. Как пишут авторы, значение лексем указывается «в основном по словарю П. И. Толстого» (стр. 5). Наблюдающееся в ряде случаев несоответствие между значением слова в тексте и в словаре свидетельствует, по-видимому, о том, что составление словарика (спешка лексем, представленных в текстах) и толкование (перевод) отдельных лексем осуществлялись отдельно, как две самостоятельные операции. При этом не всегда принималось во внимание значение слова в текстах учебника. Существительное *сат* имеет значение 'час' и 'часы' (стр. 119), а в словаре указано только второе из них. Существительное *карта* фигурирует на стр. 215 в значении 'билет', предлог *ради* употребляется А. Цесарцем в значении 'из-за, вследствие' (стр. 227). В словаре это не отражено. *Искочити* значит 'выпрыгнуть, выскочить' (см. стр. 229), а не 'затормозить', как переведено в словаре. *Тме* — это существительное среднего рода единственного числа (см. текст на стр. 227), а не женского рода множественного числа. К форме *пловцима* (текст на стр. 197) следовало поместить в словаре существительное *пловак* 'поплавок, бакен', а не *пловац* 'пловец'.

Иногда при переводе глаголов не соблюдается эквивалентность вида: *стићи* надо толковать русскими глаголами совершенного вида, а *прегледати* (с долгим восходящим ударением) — глаголами несовершенного вида. Неадекватно переведены прилагательные *двоспратан* и *троспратан* (должно быть: 'трехэтажный' и 'четырёхэтажный'). Ошибочно определен род существительного *уста* (следовало дать помету среднего рода).

В учебнике, особенно в сербско-хорватских текстах, встречаются несправленные опечатки, например, напечатано *знаете* вместо *знате* (стр. 120), *оксигену* вместо *оксигенску* (стр. 172), *долажате* вместо *долажате*, *станице* вместо *станице*, *отскоки* вместо *одскоки* (стр. 179), *новембарског* вместо *новембарског* (стр. 209), *сат* вместо *сат* (стр. 228), *бомбона* вместо *бомбона* (стр. 248), *шине* вместо *шине* (стр. 283).

В тексте «Дамак у крви» (стр. 210—211) неоднократно повторяется *санет* вместо правильного *сепет* 'корзина'. Эта ошиб-

ка пропущена в словарь. Неправильной пунктуацией и типографским набором искажена концовка рассказа Л. Лаазервича (стр. 180). Последние две фразы должны принадлежать повествованию, а не речи персонажа рассказа.

Неудовлетворительно проведена в учебнике акцентуация словоформ и обозначение заударных долгот. Ошибки наблюдаются даже в образцах склонения и спряжения. Вот несколько примеров из таблиц: напечатано *хѣ* (3 л. мн. ч.), должно быть — *хѣѣ*; *мѡгу* (3 л. мн. ч.) — *мѡгѡ* (стр. 58); *рѣка* — *рѣка*, *зѣмљу* — *зѣмљу* (стр. 72); *градѡва* — *градѡва*, *мѣжеви* — *мѣжеви* (стр. 122); *писав*, *писали* — *писав*, *писали* (стр. 142); *ѡна* (ср. мн. ч.) — *ѡна* (стр. 142); *бѣдем*, *бѣдеш* и т. д. — *бѣдем*, *бѣдѣи* и т. д. (стр. 152); *идѡх* — *идѡх* (стр. 174); *бѣло*, *бѣла* — *бѣло*, *бѣла* (стр. 186—187).

В таблице на стр. 167 неправильно обозначено ударение падежных форм существительного *ѡно*. При склонении этого слова (и многих других однопольных

заимствований) ударение перемещается на конечный гласный основы: *ѡѡѡа*, *ѡѡѡу* и т. д. Наблюдается несоответствие акцентуации слов в текстах и в словаре (ср. существительное *бицикл* на стр. 132 и в словаре на стр. 248). Очень непоследовательно обозначен перенос ударения на проклитики, например, на отрицание *не*.

Оценивая учебник, нельзя забывать, что его авторы были лишены возможности использовать опыт предшественников. Они первыми в СССР подготовили пособие по сербско-хорватскому языку, в котором материал систематизирован в соответствии с требованиями практического курса языка. Нет сомнения, что труд И. В. Арбузовой, П. А. Дмитриева и Н. П. Соколя будет способствовать совершенствованию преподавания и изучения сербско-хорватского языка в университетах и других вузах СССР и значительно облегчит работу преподавателей и студентов.

В. П. Губков

И. УМЛЕНСКИ. *Кюстендилският говор*. (Грудове по българска диалектология, кн. I). София, изд-во на БАН, 1965, 282 стр.

И. УМЛЕНСКИЙ. *Кюстенбилский говор*

В настоящее время в Болгарии ведутся интенсивные диалектологические исследования. Сектор диалектологии Института болгарского языка Болгарской академии наук под руководством проф. Ст. Стойкова осуществляет с помощью преподавателей и студентов филологического факультета Софийского университета систематическое изучение говоров. Собрано уже большое количество материалов по лингвистической географии, опубликован первый и печатается второй том Болгарского диалектного атласа. Наряду с этим проводится и тщательное исследование говоров отдельных групп сел, отдельных областей.

В 1965 г. сектор диалектологии порадовал нас первым томом новой серии диалектологических монографий. Это — монография И. Умленского, посвященная диалектной характеристике бывшей Кюстендилской околии, входящей по новому административному делению Болгарии в состав Кюстендилского округа.

Следует внимательно проанализировать достоинства и недостатки монографии И. Умленского, так как она не только представляет источник новых сведений по болгарской диалектологии, но и показывает методологическое состояние диалектологических исследований в Болгарии (а отчасти, и в других славянских странах).

Работа состоит из 8 разделов. В первом, самом объемистом, разделе охарактеризованы современные фонетические особенности говора. Они описываются

через сопоставление с соответствующими фонетическими явлениями старославянского языка (иногда — современного литературного языка; см., например, о мягкости согласных на стр. 42). Надо отметить, что в этом разделе собрано много интересных сведений о фонетике говора, и это является, безусловно, большим достоинством монографии.

Второй большой раздел монографии содержит сведения о морфологических особенностях говора. Здесь автор старается провести принцип дифференциального описания морфологии говора: описывать те явления, которые отличают говор от литературного языка. За основу взят литературный болгарский язык, характеризующие диалектные явления соотносятся с явлениями, свойственными литературному языку.

В описании синтаксических явлений, составляющем третий раздел, также предполагается соблюдение дифференциального принципа.

Четвертый раздел посвящен характеристике лексики и словообразования. В пятом дается общая характеристика говора (точнее, каждого из его подговоров).

Шестой раздел составляют тексты. Их много, они хорошо подобраны, интересны, записаны добросовестно, точно (обозначается, например, ударение и на акцентуированных односложных словах; это, к сожалению, соблюдают не все диалектологи) и дают богатый материал, дополняющий описание.

Большой интерес представляет и седьмой раздел — словарь говора, включающий около 3500 слов, отобранных также на основе дифференциального принципа (слова, характерные для кюстендилского говора). И, наконец, восьмой раздел — «Фразеология» — представляет читателю 67 характерных для говора выражений.

В предисловии и введении характеризуется работа по сбору материала и подготовке описания, характеризуются районы Кюстендилской околии, излагается история этого края, указываются общие черты кюстендилского говора и определяются его границы. К работе приложен список сел околии и список использованной литературы.

Мы хотим остановиться не столько на ошибках и пропусках, допущенных автором монографии (И. Умленский — опытный диалектолог, много и успешно работающий в области диалектологии, а пропуски и отдельные слабости неизбежны в каждой диалектологической работе), сколько отметить некоторые особенности монографии, вызывающие теоретические возражения.

Рассматриваемая монография озаглавлена «Кюстендилский говор». По замыслу автора, книга должна дать полное представление об одном из болгарских диалектов. И действительно, И. Умленский стремится организовать свой материал как наблюдения над одним отдельным диалектом. Однако и само описание (автор подробно характеризует диалектные различия на территории Кюстендилской околии), и карты (их в работе 12), содержащие лингвогеографические данные об исследуемых явлениях, говорят об очень сложном переплетении изоглосс, которое даже поверхностный взгляд выпущден оценить как отсутствие диалектного единства на территории бывшей Кюстендилской околии. А при внимательном анализе изоглосс, описанных И. Умленским, еще более усиливается впечатление, что термин «(отдельный) говор» (=«диалект», в болгарском языкознании) по отношению к описываемым в монографии явлениям может быть использован лишь с большой натяжкой. Довод, приводимый автором в защиту отдельного, самостоятельного кюстендилского говора (соображения «удобства», см. стр. 17), звучит более чем неубедительно.

Очевидна необходимость более серьезного теоретического обоснования термина «один (отдельный) говор» (=«диалект»). Мы и остановимся на этом обосновании как по общетеоретическим, методологическим соображениям, так и по совсем конкретным причинам: наши наблюдения о распространении диалектных особенностей на территории соседней Станкедимитровской околии лишь с большим трудом можно привести в соответствие с

представленным об одном отдельном диалекте, которое дает И. Умленский о говорах в Кюстендилской околии¹. Это, разумеется, ни в коей мере не означает, что исследование И. Умленского бесполезно для болгарской, южнославянской, даже общеславянской диалектологии или для истории болгарского языка. Значение его работы в том, что она дает относительно компактные сведения о сравнительно мало исследованных до сих пор областях болгарской языковой территории.

Обычно, когда диалектолог говорит о ярко выраженном диалектном единстве той или иной области, он имеет в виду, что количество изоглосс, пересекающих эту область и разделяющих ее на подобласти, незначительно, в то время как на границах области количество параллельно идущих изоглосс много больше. Едва ли найдутся диалектологи, которые не согласились бы с утверждением, что густой пучок изоглосс, идущих параллельно, представляет более весомую в диалектологическом отношении границу, чем единичная изоглосса или пучок, состоящий из двух-трех параллельных изоглосс. Карта № 10 на стр. 165 показывает нам именно такой значительный, состоящий из 8 изоглосс пучок, разделяющий территорию исследуемой области на две части: северную, к которой отходит и северная часть местности Пянец, и южную — южная часть местности Пянец. Граница же между кюстендилским и станкедимитровским «говорами» проводится Умленским даже не на основании одной изоглоссы с направлением север — юг, а на основании явления, так сказать, «точечного» характера: различий в говорах отдельных пограничных кюстендилских сел и ближайших к ним станкедимитровских. Так, к северу от пучка изоглосс, изображенного на карте № 10, Умленский называет как явления, различающие два отдельных говора: 1) в северных пограничных селах Горна Граштица, Таваличево и Лиляч и ближайших к ним станкедимитровских сел Горна Козница, Долна Козница и Коркина — кюстендилское сочетание *мн* и станкедимитровское *вн*, а также различие в окончаниях действительного причастия прошедшего времени *-е/-и* (надо отметить, что изоглоссы *мн/вн* и окончания причастий *-е/-и* проходят через всю территорию Кюстендилской околии; почему же там они не квалифицируются как граница между «говорами»?); 2) южнее, между пограничными кюстендилскими говорами сел Эремия и Дримохар и ближайшими станкедимитровскими селами Мрводол, Пастух и Вуково кюстен-

¹ См. Н. Котова. Наблюдения върху диалектного разнообразие в Станкедимитровско. — «Език и литература», 1960, № 4.

дильский и станкедимитровский «говоры» разграничиваются уже другими явлениями: окончание 3 л. мн. ч. имперфекта *-ха/-ше* (однако автору следовало бы обратить внимание на то, что и в местности Пиянец известно *-ше*; см. стр. 109), ударение в глагольных формах *да доведэме/да доведэме*, различия *вбша/вбшка*, *зимоска/зимаска*, *сбба/одайá*; 3) к югу от пучка изоглосе, отмеченного на карте № 10, явления, разграничивающие кюстендилский и станкедимитровский «говоры», оказываются опять ширмы, также и между селами Ваксево — Скрипо различия одни, а между селами Црварца, Илија — Црвище, Фролош различия другие.

Иными словами, на востоке И. Умленский не может указать ни одной изоглоссы в направлении север — юг, определяющей границу между кюстендилским и станкедимитровским «говорами» по всему протяжению административной границы между околиями. Различия, которые он указывает, — это различия между диалектными единицами самого низкого ранга: диалектные особенности в отдельных селах, оказывающихся к тому же по разные стороны той или иной общей изоглоссы. Но Умленский игнорирует эти изоглоссы, не давая им целостной оценки. А ведь абсолютно все указанные им пограничные различия дают изоглоссы, проходящие через кюстендилскую территорию (см. карту № 10, также стр. 23, 37, 171). Так, пучок изоглоссе между кюстендилскими селами Ваксево, Смолчено и более северными селами Пиянца мог бы дефинировать новый говор или, по крайней мере, диалектную единицу более высокого ранга, чем говор отдельного села. Автор же на основании разрозненных, единичных явлений проводит границу между самостоятельными «говорами», а отмечая различия в явлениях, проходящие через всю территорию Кюстендилской околии, не всегда находит возможным говорить даже о «подговоре», не оценивает те же самые явления как границы между отдельными говорами.

Автор, кроме того, не принимает во внимание и тот факт, что изоглоссы, проходящие через Пиянец в направлении запад — восток, продолжают и к востоку от Кюстендилской околии, на территории Станкедимитровской околии, разделяя ее на части. Так, продолжается на восток самая северная изоглосса на территории Пиянца — *бдим/бда*; она отделяет Разметанцу и Горно поле от местности Долно поле и Рилской долины. Большая часть изоглоссе компактного пучка (карта № 10) в их восточном продолжении берет направление на юго-восток и проходит южнее: *зимаска/зимоска* (отделяет Разметанцу, Горно поле и Долно поле без его южных сел от Рилской долины и южных сел в Долно поле), *че/ке* (к области *ке* отходит только Рилская

долина и юг местности Долно поле), *мбч-ки/прéг'е*. Еще южнее проходят изоглоссы *вук*, *вўна/вўк*, *вўна*, *кбп'о/коне*, *черéша/чршн'а*.

При учете этих изоглосс и их направления становится ясным, что установление границы между диалектами на основании сравнения диалектных особенностей ближайших сел по обе стороны административной границы вряд ли правомерно. Учитывая всю протяженность изоглоссы, правильнее было бы, например, считать, что различие *че/ке* — не граница между кюстендилским и станкедимитровским «говорами» (Ваксево/Скрипо), а что изоглосса *че/ке* отделяет северный Пиянец, Долно поле (без южных сел), Разметанцу и Горно поле от южного Пиянца, Рилской долины и благоевградской территории. Ваксево и Скрипо — только пункты, оказавшиеся по разные стороны общей горизонтальной изоглоссы: «вертикальной» границы между ними нет. Следовало бы говорить об общих для Кюстендилской и Станкедимитровской околий горизонтальных изоглоссах с направлением запад — восток, юго-восток, дающих общие границы диалектных явлений на территории обеих околий и разделяющих обе околии на диалектные области. Что касается диалектных границ в направлении север — юг, то возможно, что параллельно административной границе между околиями можно найти и такие изоглоссы (можно было бы, например, проверить различия *сбба/одайá*, *погáнец/мбш*, *пр'тено/бáло*), но, очевидно, это будут изоглоссы отдельных лексем.

И. Умленский показывает и другой пучок изоглосс на территории Кюстендилской околии, выделяющей местность Крапште, но говорит о «подговоре» кюстендилского «говора». Остается неясным, идет ли в этом случае речь о более существенных различиях, чем различия, отмеченные первым пучком изоглосс. Умленский не дает оценки изоглосс по степени их важности, в то время как диалектологи обычно привыкли разграничивать изоглоссы более существенных или менее существенных явлений. Умленский не дает и оценки количества изоглосс. Тем не менее, он, очевидно, различает более важные и менее важные изоглоссы, если два — три различия разделяют «говоры», а пучок изоглосс — «подговory». А если взглянуть на карту № 9 (стр. 162), представляющую собственно кюстендилский («сбшнский кюстендилский») говор, то создается впечатление, что изображенная на этой карте паутина изоглосс вообще не дает возможности говорить о едином говоре, если в сознании автора не существует представления о незначительности этих изоглосс.

К сожалению, в монографии нет диалектной карты всей Кюстендилской околии, где были бы прослежены изоглоссы

во всей их протяженности на территории исследуемой области. Карты же отдельных «подговоров», где та или иная изоглосса доведена только до установленной предварительно границы местности, вызывают некоторые недоумения. Неясно, например, каково продолжение на территории собственно кюстендилского говора указанной на карте № 10 изоглоссы *м/вн*, указанных на карте № 9 изоглоссы *купѣвам, купѣм/купѣм, плетемѣ, трпимѣ/плетѣме, трпиме* — на территории Пиянеца (эти изоглоссы следовало бы довести до государственной границы). Если же изоглоссы не продолжают на территории соседних «подговоров», они должны были бы отграничивать замкнутые районы. Неясно и положение с изоглоссой *чрѣшн'а/чрѣша*, обозначенной и на территории собственно кюстендилского говора, и в местности Пиянец, но с различным направлением в каждом подговоре. Вероятно, она соединяется между селами Богослов и Нобо село, но из карт это не становится очевидным.

Другими словами, и при характеристике отдельных «подговоров» наблюдается дробление диалектных явлений в зависимости от установленных заранее границ отдельных районов, чувствуется влияние заданных предварительно, лингвистических границ. Диалектная карта всей исследуемой территории, возможно, помогла бы автору прийти к более правильным выводам относительно единства или диалектной раздробленности описываемой территории и к более верной оценке связей с так называемым станкедимитровским говором.

Из сказанного ясно, что нельзя описать монографически всю диалектную картину в Кюстендилской околии, не установив иерархии изоглосс. В следующих томах серии желательно было бы дать какую-либо иерархию изоглосс, стремиться к большей последовательности в проведении изоглосс, чтобы прийти в конечном итоге к свободной от субъективных элементов диалектологической дефиниции различия между «говором» и «говором», «говором» и «подговором», «подговором» и «подговором», между менее значительными диалектными явлениями в отдельных населенных пунктах.

Так, несомненно более значительными, более весомыми являются изоглосса *ф/в*, изоглосса, показывающая различное произношение звука *л*, изоглоссы *че/ке, одим/ода*, чема различия *вѣшка/вѣшка, зимѣска/зимѣска* (фиксирующая произношение ст.-сл. ѣ только в этих словах), *тѣчки/нрѣ'е*, отмечающие, по мнению Умленского, границу со станкедимитровским говором.

Если учесть, что из 28 указанных Умленским на стр. 14—16 диалектных черт, общих или широко известных на кюстендилской территории, по меньшей мере

23 являются общими или широко известными и на территории Станкедимитровской околии, то при введении иерархии изоглосс и учета их количества станет явным, что нет никаких оснований говорить о границе между кюстендилским и станкедимитровским «говорами» и вообще дефинировать эти два отдельных говора. На территории обеих околий разграничиваются диалектные единицы одного ранга (Разметаница, Горно поле, Кюстендилско поле и др.). Если принята иерархия изоглосс покажет, что различия между этими диалектными районами дефинируют «подговоровы», можно будет говорить о юго-западном (или кюстендилско-станкедимитровском) говоре с различными подговорами. Если же различия окажутся достаточными для дефиниции «говоров», можно будет говорить о юго-западной группе говоров (говор Разметаницы, говор местности Горно поле и др.).

Иерархия изоглосс позволила бы различными способами картографировать диалектные различия: более важные — обозначать более жирными линиями, менее существенные — более тонкими линиями. Можно было бы более важные явления обозначать цветом, который используется в географических картах для высоких поверхностей. В таком случае лингвогеографическая карта областей, подобных исследуемой Умленским, покажет не просто сеть линий, а рельеф, создаваемый более важными и менее важными различиями.

Вторая важная особенность описания, вызывающая сомнение, — это сформулированный Умленским принцип описывать при характеристике говора только те явления, которые отличают говор от литературного языка. Бесспорно, необходима некоторая отправная точка, из которой можно исходить при диалектологических исследованиях, но дифференциальный метод описания диалектов создает неудобства вследствие того, что читатель часто остается в неведении, совпадает ли то или иное явление, не описанное в исследовании, с соответствующим явлением в литературном языке, или же оно случайно опущено при описании.

Дифференциальный подход к материалу, естественно, ярче всего проявляется в описании языковых явлений, отличающихся большим многообразием: в описании некоторых разделов морфологии, синтаксиса, лексики. Именно здесь возникает больше всего недоумений и неясностей. Так, например, из-за отсутствия характеристики общего с литературным языком предлога *от* остаются неясными отношения этого предлога с предлогами *ис* и *нис*; неясно, насколько употребительны в говоре отлагольные существительные с *-н'е* (о том, что они известны говору, можно узнать из параграфов о множественном числе существительных). Осо-

бенно же много вопросов возникает по поводу лексиксы. Например, в словаре говора не указывается глагол *викам*, известный и в литературном языке. Можно сделать вывод, что он по значению и употреблению тождествен *викам* литературного языка или что он в говоре вообще не известен. Однако тексты свидетельствуют о его наличии в говоре (текст № 1 на стр. 190, текст № 4 на стр. 192 и др.). Каково же его отношение к литературному *викам* и можно ли говорить о полной тождественности, если в говоре широко употребляется и глагол *бкам*? Неясно и то, как называются в говоре «губы»: в литературном языке известны два слова — *устни* и *бърни*; считать ли, что и в говоре известны оба слова или употребляется лишь одно из них, но какое? Подобные вопросы возникают и по поводу литературных дублетов *бакър* и *медник*, *котел*; *брадва* и *секира*, *мърдам* и *шавам*, *кладенец* и *бунар* и мн. др.

Конечно, и при установке на характеристики системы языка, и при регистрации явлений, известных и литературному языку, неизбежны пропуски, но можно с уверенностью сказать, что их будет меньше, а информация о говоре будет более определенной.

С другой стороны, несмотря на дифференциальный подход, в работе часто характеризуются явления, свойственные и литературному языку. Так, например, отмечаются общеизвестные формы вопросительных и отрицательных местоимений, в списке наречий указываются *гбре*, *наблизо*, *вече*, *веднага*, *вечертá*, *скбро*, *снбштити*, *тамán* и др., в списке суффиксов приводятся (и даже без «специфических» диалектных примеров) *-ко*, *-чо*, *-ишкёр*, *-йчка* и др. Особенно же много отступлений от дифференциального метода в разделе о синтаксисе. Употребление сказуемого в единственном числе при двух подлежащих, определения в единственном числе при нескольких определяемых, использованье форм настоящего абсолютного времени, форм аориста со значением неизбежного будущего действия, двойных форм дополнения, нечленных форм адвербиализованных существительных так же, как и многие другие явления, описанные на стр. 130—145, широко известны и в литературном языке.

Как видно из монографии, вполне квалифицированный диалектолог, бесспор-

но хороший знаток описываемых фактов. И. Умленский оказался не вполне последовательным в своем «отталкивании» от литературного языка. А при характеристике явлений синтаксиса вообще трудно представить, как будет реализован дифференциальный подход при большом синтаксическом разнообразии болгарского литературного языка. Очевидно, отправную точку здесь следует искать все же в литературном языке, но не с целью устранения из описания одинаковых для диалекта и литературного языка явлений, а с целью установления иерархии для включения или невключения того или иного факта на основе статистических данных о распространении явления или вероятности его появления в литературной, письменной языковой практике. Осуществляемые в настоящее время в Математическом институте Болгарской академии наук и на филологическом факультете Софийского университета совместные статистические исследования болгарского литературного языка дадут возможность осуществить такую иерархию.

Несколько замечаний редакционного характера. Досадно обнаруживать в интересной монографии неясные или явно неудачные термины и формулировки, как, например, «небрежное артикулирование» («слабаво учленение»), которым, кстати, объясняются изменения гласных различного характера (стр. 34—35), «изменение гласных вследствие других причин» (без указания этих причин); неуместна по отношению к современному говору и формулировка «степени корневых гласных» (стр. 35). Можно было бы уменьшить и количество неточностей и противоречий в описании фактов, например: по утверждению автора на стр. 26, в говоре неизвестен мягкий звук *н'*, а на стр. 46 в примерах он отмечен; на стр. 36 сообщается, что звук *в* перед *й* смягчается, а в примере *замáвйам* он обозначен как твердый и др.

Монография И. Умленского — хорошее начало, которое должно быть отмечено. Вслед за нею вскоре вышла в серии «Трудов по болгарской диалектологии» интересная работа М. Младенова «Ихтиманский говор» (София, 1966), которая заслуживает специального рассмотрения.

Н. Котова

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

И. П. ВАЦЕК — СОЛДАТ ЛЕНИНСКОЙ ГВАРДИИ

В Баку вышла книга проф. А. Н. Гульева о замечательном революционере И. П. Вацеке (1870—1951 гг.)¹, которая вызвала интерес как советских, так и чехословацких читателей. «Мы еще мало знаем о тех чехах и словаках, — писала по поводу этой книги газета „Руде право“, — которые волей судьбы оказались в России и которые связали свою деятельность с демократическим освободительным движением, с русской революцией, с борьбой за построение социализма»².

Одним из таких видных борцов был Иван Прокофьевич Вацек, сын чешского мастерового-оружейника, вынужденного в поисках заработка эмигрировать из Австро-Венгрии в Россию. И. П. Вацек рос и воспитывался в рабочей среде, сначала в Сестрорецке, а затем в Петрограде и Ковно, где работал его отец. В 1890 г. он переехал в Баку. С юных лет И. П. Вацек связал свою судьбу с рабочим движением России, стал членом партии большевиков и свыше 50 лет находился в первых рядах многонационального революционного отряда рабочих Закавказья. И. П. Вацек пользовался большим уважением рабочих и был избран в Биби-Эйбатский районный комитет Баку членом Бакинского комитета РСДРП. И. П. Вацек был в числе организаторов революционного профессионального Союза нефтепромышленных рабочих Баку, одним из инициаторов многочисленных стачек, демонстраций, выступлений против самодержавия, участником рейдов по экспроприации оружия для рабочих дружин.

В годы реакции Вацек вместе с другими революционерами участвовал в спасении типографского оборудования бакинских большевиков, в распространении подпольной литературы. Вместе со своей женой А. Е. Вацек он помогал побегу политзаключенных из Баилдовской тюрьмы. Он был одним из организаторов рабочей самообороны в Баку, которая спасла от рук жандармов и полиции не один десяток передовых рабочих.

В 1915 г. Бакинская партийная организация направила И. П. Вацека для ведения революционной работы в Тебжен (Закаспийский край). Там он находился вплоть до победы Февральской револю-

ции 1917 г. и принимал участие в организации уездного Совета рабочих депутатов.

В июне 1918 г. общегородская партийная конференция РСДРП(б) избрала И. П. Вацека в Бакинский комитет партии. В октябре 1920 г. на II съезде большевиков Азербайджана И. П. Вацек был избран в состав республиканского Центрального комитета партии. До 1924 г. И. П. Вацек занимал пост председателя Контрольной комиссии компартии Азербайджана. IV съезд компартии Азербайджана, состоявшийся в начале февраля 1922 г., послал Вацека на I съезд коммунистических организаций Закавказья, который оказал ему высокое доверие, избрав делегатом на XI съезд РКП(б).

После III съезда коммунистических организаций края, в 1924 г. Вацек переходит на работу в Закавказскую краевую контрольную комиссию РКП(б) и переезжает в Тбилиси. Работая свыше десяти лет в этих органах, Вацек вел смелую и решительную борьбу за единство и сплоченность рядов Коммунистической партии, бесощадно боролся против троцкистов и других антипартийных группировок. Его активная деятельность была известна и в Чехословакии.

Начиная с 1938 г. до конца своей жизни И. П. Вацек являлся членом Ревизионной комиссии ЦК КП Грузии. Трудящиеся Знаурского избирательного округа Юго-Осетии трижды — в 1937, 1946, 1950 гг. — единодушно избирали И. П. Вацека своим депутатом в Верховный Совет СССР.

Несмотря на болезнь, И. П. Вацек до последних дней своей жизни поддерживал связи с многими боевыми товарищами и организациями. Умер И. П. Вацек 27 марта 1951 г. в Тбилиси. За многолетнюю плодотворную общественно-политическую деятельность и в связи с 75-летием со дня рождения И. П. Вацека в 1945 г. был награжден орденом Ленина.

Большим достоинством книги А. Н. Гульева является то, что в ней сочетаются научность, партийность и страстность с популярностью и яркостью изложения. Книга написана на основе изучения многочисленных документов, собранных автором в партийных и государственных архивах Москвы, Ленинграда, Баку и Тбилиси, а также полученными им из Чехословакии.

Ф. Петров

¹ А. Н. Гу л и е в. И. П. Вацек в революционном движении в Баку. Баку, 1965, 164 стр.

² «Rudé právo». 6 I 1966.

JOSEF SMRKOVSKÝ — ČESTMÍR AMORT. Květnové povstání v Praze 1945. Praha, 1965.

ЙОЗЕФ СМРКОВСКИ — ЧЕСТМИР АМОРТ. Майское восстание в Праге в 1945 году

В прошлом году в связи с двадцатилетней годовщиной пражского восстания в Институте славяноведения АН СССР с интересными воспоминаниями о нем выступил руководитель последнего нелегального ЦК Компартии Чехословакии и первый заместитель председателя Чешского национального совета, который руководил майским восстанием пражан, Йозеф Смирковский.

В том же году в Праге Смирковский вместе с историком Честмиром Амортом выпустил книгу, посвященную этой героической странице национально-освободительной борьбы чешского народа.

В воспоминаниях Йозефа Смирковского дан анализ подготовки и хода восстания, рассказывается о тех организационно-технических мероприятиях, которые в период восстания проводились пражскими коммунистами, подробно говорится о последнем нелегальном заседании ЦК КПЧ, которое было проведено 4 мая 1945 г. в Праге.

Смирковский отмечает широкий представительный характер руководящего органа восстания — Чешского национального совета, стоявшего на платформе чехословацкого правительства, созданного в апреле 1945 г. в Кошице. В Совет наряду с коммунистами входили представители домюнхенских политических партий — социал-демократической, пародной и национал-социалистической, а

также массовых общественных организаций: профсоюзных, женских и молодежных.

Особый интерес представляют приведенные Смирковским факты об отношении американского командования к Пражскому восстанию. 7 мая 1945 г. группа американских офицеров, прибывшая в Прагу, предложила руководству Чешского национального совета свою помощь в борьбе с гитлеровцами при условии, если Совет сам ее у них попросит. Однако Чешский национальный совет по настоянию коммунистов отверг это предложение, считая, что в случае прихода американских войск в Прагу в стране будет восстановлен старый капиталистический домюнхенский порядок. Американские представители отказались доставить восставшим оружие.

Многочисленные факты, приведенные автором, свидетельствуют о героизме, с которым сражались пражские патриоты с фашистскими оккупантами, о руководящей роли коммунистов в восстании.

Обращает на себя внимание и статья Ч. Аморта «Борьба за Прагу в свете документов». В книге имеется литературное приложение: отрывок из рассказа Я. Дрды «Когда родилось утро» и стихотворение Ф. Грубияна «Пражский май».

Ф. А. Молок

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В ИЮЛЕ — СЕНТЯБРЕ 1966 г.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Арбатов Ю. Строительство коммунизма в СССР и мировой революционный процесс.— «Правда», 1966, 7 сентября.

Афанасьева О. Визиты и диалоги. (Коротко о дипломатической деятельности социалистических стран в Европе в 1966 г.). Междунар. жизнь, 1966, № 9, с. 142—143.

Братство, единство. (О митинге чехословацко-советской дружбы, состоявшемся в Братиславе 2 июня 1966 г.).— «Правда», 1966, 3 июня.

В интересах мира и безопасности народов. (Редакционная статья о состоявшемся недавно в Бухаресте совещании Политического консультативного комитета государств—участников Варшавского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи). Полит. самообразование, 1966, № 8, с. 9—12.

Единодушие и солидарность. (Передовая статья о совещании в Бухаресте)— «Правда», 1966, 10 июля.

Жить, как добрые соседи. (О встрече в Софии представителей национальных комитетов за балканское взаимопонимание и сотрудничество).— «Правда», 1966, 7 июня.

Загородников Н. Военная мощь социалистической системы и мировой революционный процесс. Коммунист, Вооруж. Сил, 1966, № 16, с. 41—49.

Замятин Л., Фалип В. Важная гарантия мира (к итогом Бухарестского совещания). Мировая экономика и международные отношения, 1966, № 9, с. 3—13.

Крепить единство и сплоченность. Заявление ЦК Болгарской коммунистической партии (по поводу коммюнике об XI пленуме ЦК Коммунистической партии Китая).— «Правда», 1966, 4 сентября.

Любимов Н. Новые формы сотрудничества (между социалистическими и капиталистическими странами).— «В защиту мира», 1966, № 6, с. 13—15.

Матвеев В. Пути обеспечения мира в Европе. (Есть материал о значении Декларации государств — членов Варшавского Договора, принятой Бухарестским совещанием). Междунар. жизнь, 1966, № 9, с. 3—10.

Нас объединяет неразрывная дружба. (О митинге чехословацко-советской дружбы в г. Кладно).— «Правда», 1966, 4 июня.

Открытие совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора (Бухарест, 4 VII 1966 г.).— «Правда», 1966, 5 июля.

Сообщение о встрече руководителей коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи (Бухарест, 7 VII 1966).— «Правда», 1966, 8 июля.

Сплоченность стран социализма. (Передовая статья об итогах совещания в Бухаресте).— «Правда», 1966, 14 июля.

Томашевский С. Товарищеские взаимоотношения — закон социализма. (На материалах ПНР).— «Проблемы мира и социализма», 1966, № 6, с. 38—41.

Торговая политика ЕЭС в отношении социалистических стран. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1966, № 3, с. 58—70.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Адамович А. Новые задачи внешней торговли Польши.— Внеш. торговля, 1966, № 7, с. 22—24.

Аламшиев П., Столпов Н., Телефус А. Развитие экономики стран социализма. (Итоги завершения в 1965 г. пяти-, шести- и семилетних планов).— «Вопросы экономики», 1966, № 7, с. 111—121.

Александров Б. Крепнут экономические связи стран социализма. Коммунист Вооруж. Сил, 1966, № 17, с. 40—45.

Бакырджиев П. От опыта к практике. (О новой системе планирования и руководства народным хозяйством в Болгарии). Экон. газета, 1966, № 31, с. 40.

Беляев Ю. Вопросы хозяйственных связей социалистических стран. Междунар. жизнь, 1966, № 8, с. 24—30.

Бернадский Т. Гидроэнергетика в Польской Народной Республике. Гидротехн. строительство, 1966, № 7, с. 56—59.

Богуславский М. М. Правовые формы обеспечения межгосударственной специализации и кооперирования производства стран — членов СЭВ. Сов. государство и право, 1966, № 8, с. 3—11.

Борисов К. Г. Международно-правовые аспекты регулирования технического прогресса. (Содержится материал о правовом регулировании технического прогресса социалистическими государствами). Сов. государство и право, 1966, № 9, с. 142—145.

Боровский Я. Газовая промышленность Польской Народной Республики. Газовая промышленность, 1966, № 8, с. 49—51.

Быков А., Бульба Т. Экономическое сотрудничество братских стран. Полит. самообразование, 1966, № 7, с. 85—92.

Валoux З. Рационализация управления (в системе народного хозяйства ЧССР). Экон. газета, 1966, № 37, с. 40.

Вангелов К. Племенная работа и производство свинины в Болгарии.— «Животноводство», 1966, № 9, с. 91—93.

Гауэр И. Развитие газовой промышленности в Чехословакии. Газовая промышленность, 1966, № 6, с. 49—51.

Георгиев Е. К итогам конференции по специализации и кооперированию. (Конференция специалистов стран — членов СЭВ проходила в Москве 22 II—1 III 1966 г.). Внеш. торговля, 1966, № 7, с. 16—18.

Глувчик Я. Новое в планировании (Польша). Экон. газета, 1966, № 35, с. 40.

Голечек И. Советско-чехословацкое экономическое сотрудничество. Междунар. жизнь, 1966, № 9, с. 164—165.

Горизонтов Б. Сотрудничество социалистических стран в области транспорта.— «Внешняя торговля», 1966, № 6, с. 16—19.

Демек Я. Современные проблемы чехословацкой географии. Изв. АН СССР. Серия геогр., 1966, № 4, с. 133—140.

Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи. (Исполком и постоянные комиссии). Бюл. экон. информации (Совет Экон. Взаимопомощи), М., 1966, № 3, с. 54—69.

Дмитров К. Победа лепинского кооперативного плана в Болгарии. Коммунист Сов. Латвии, 1966, № 9, с. 56—62.

Дудинский И. Важный фактор экономического прогресса стран социализма. (Значение нового пятилетнего плана Советского Союза для социалистических стран). Междунар. жизнь, 1966, № 6, с. 26—35.

Дудинский Н. В. О соотношении национального и интернационального в развитии мировой социалистической системы.— «Вопросы философии», 1966, № 6, с. 14—26.

Кольмай Г. Мировые экономические структуры и международное социалистическое разделение труда.— «Проблемы мира и социализма», 1966, № 6, с. 42—49.

Компессаров А. В. Польская Народная Республика. (Развитие экономики в 1965 г.). Бюл. иностр. коммерц. информации, М., 1966, 9 авг., № 94. Прил., с. 4.

Копоненко Д. Разделение труда между странами СЭВ.— «Агитатор», 1966, № 14, с. 52—54.

Котковский Я. Международные сопоставления стоимостных показателей (Советского Союза с показателями других социалистических стран, а также капиталистических стран).— «Вопросы экономики», 1966, № 8, с. 80—91.

Котковский Я. Мир социализма сегодня. (Об экономической политике социалистических стран Европы). Коммунист Сов. Латвии, 1966, № 6, с. 41—46.

Кронрод Я. Товарно-денежные отношения в социалистической экономике. Полит. самообразование, 1966, № 6, с. 124—129.

Крчмарик Ш., Мойжпшек З. Магистральный газопровод Советский Союз — ЧССР.— «Строительство трубопроводов», 1966, № 6, с. 9—11.

Кубеца Я. Перестройка бухгалтерского учета в ЧССР. Бухгалтер. учет, 1966, № 6, с. 52—54.

Кудрова Е. Национальный доход европейских социалистических стран. Мировая экономика и междунар. отношения, 1966, № 6, с. 115—126.

Литовка О. П. Города Приморского экономического района Польской Народной Республики.— Комиссия географии населения и городов. Геогр. обв. СССР. Доклады. Вып. 5, Л., 1966, с. 51—62.

Местек К. Заготовительная организация в Чехословакии. Закупки с.-х. продуктов, 1966, № 6, с. 62—63.

Мплованов В. С. Социалистическая Федеративная Республика Югославия. (Развитие экономики в 1965 г.). Бюл. иностр. коммерц. информации, М., 1966, 16 авг., № 97. Прил., с. 3.

Миросииченко Б. Сотрудничество умножает силы. (О координации

народнохозяйственных планов стран — членов СЭВ). Экон. газета, 1966, № 36, с. 41.

Молчанова И. Старт пятой пятилетки. (О плане развития народного хозяйства Болгарии в 1966—1970 гг.). Экон. газета, 1966, № 36, с. 42.

Николаенко Ж. И. Народная Республика Болгария. (Развитие экономики в 1965 г.). Бюл. иностр. коммерц. информации, М., 1966, 9 авг., № 94, с. 1—2 (вкладыш).

Никольский А. С. Положение в болгарской химической промышленности и перспективы ее развития. Бюл. иностр. коммерц. информации, 1966, № 73, с. 4.

Осипов И. Нефтяная река. (О нефтепроводе «Дружба»).— «Новое время», 1966, № 32, с. 25—27.

Отрадовец В. Научно-технический прогресс: планирование, финансирование, стимулирование. Экон. газета, 1966, № 21, с. 41—42.

Петров В., Таривердиев Л. Из опыта торговли в Венгрии и Чехословакии. Сов. торговля, 1966, № 7, с. 50—54.

Полов Т. Использование рабочей силы в сельском хозяйстве Болгарии. Экономика сел. хоз-ва, 1966, № 7, с. 109—112.

Пусенков Н. Н. Чехословацкая Социалистическая Республика. (Развитие экономики в 1965 г.). Бюл. иностр. коммерц. информации, 1966, 16 авг., № 97. Прил., с. 2.

Пусенков Н. Внешняя торговля Чехословакии за годы народной власти. Впеш. торговля, 1966, № 5, с. 6—10.

Развитие алюминиевой промышленности в Югославии. Бюл. иностр. коммерц. информации, 1966, № 59, с. 5.

Семпи П. Сотрудничество стран социализма в новом пятилетии. Междунар. жизнь, 1966, № 7, с. 19—28.

Сепин М. Объективные законы развития мирового социалистического хозяйства. Полит. самообразование, 1966, № 5, с. 43—52.

Сергеев В., Кажипская Е. СЭВ и его буржуазные критики. Научн. доклады высшей школы. Экон. науки, 1966, № 3, с. 72—89.

Скопцов Г. Хозяйственные реформы в европейских социалистических странах.— «Коммунист Узбекистана», 1966, № 4, с. 90—96.

Сладковский М. XXIII съезд КПСС и проблемы экономического сотрудничества социалистических стран.— «Вопросы экономики», 1966, № 6, с. 92—101.

Соловьев С. С. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области производства строительных материалов. Строиц. материалы, 1966, № 6, с. 39—40.

Степаненко В. Против реакционной буржуазной критики хозяйственных реформ в странах СЭВ. Экономика Сов. Украины, 1966, № 6, с. 89—92.

Сторожев В. Интенсификация сельского хозяйства в европейских странах социализма.— «Вопросы экономики», 1966, № 5, с. 90—98.

Стреков И. С. Эффективность общего парка вагонов СЭВ. Ж.-д. транспорт, 1966, № 8, с. 90—92.

Сурков Ю. Новые методы управления производством в Чехословакии. Экономика сельск. хоз-ва, 1966, № 5, с. 112—116.

Сухарев В. В. Комунистична партија Чехословачкини — организатор трудовог змагання у промисловости (1945—1948 рр.). Наукові праці з історії КНРС, 1966, вип. 7, с. 41—53.

Сучнякский Г. Вопросы рационального городского расселения в Польской Народной Республике. Жил. строительство, 1966, № 4, с. 28—29.

Тарповский О. Ценообразование в промышленности европейских стран СЭВ.— «Вопросы экономики», 1966, № 7, с. 82—93.

Татур С., Уткин Э. Международный симпозиум в Болгарии (по вопросам рационального использования финансового механизма для стимулирования производства в странах социализма).— «Финансы СССР», 1966, № 4, с. 89—91.

Тито И. Добиваться нового подъема югославской экономики. (Выступление на VI съезде Социалистического союза трудового народа Югославии 7 VI 1966 г.).— «Правда», 1966, 9 июня.

Томов Шишков А. Правовое облуживание ТКЗХ Болгарии. Сов. юстиция, 1966, № 17, с. 24.

Тыбор И. В. Производство химических волокон в Польше. Текст. пром-сть, 1966, № 4, с. 91—92.

Успеннич М. Некоторые проблемы накопления в странах СЭВ.— «Вопросы экономики», 1966, № 7, с. 71—81.

Уя с М. О новых методах и формах кредитования промышленности в Чехословакии.— «Деньги и кредит», 1966, № 5, с. 73—76.

Фриндлер З. Экономическая реформа в Чехословакии.— «Новое время», 1966, № 34, с. 7—9.

Чертков Л. Экономические связи и развитие транспорта стран — членов СЭВ.— «Вопросы экономики», 1966, № 6, с. 101—111.

Чехословацкая Социалистическая Республика. (Развитие хим. промышленности в 1963—1964 гг.). Хим. пром-сть за рубежом, 1966, № 3, с. 22—25.

Шейнюк Г. С. Городской транспорт Софии. Гор. хоз-во Москвы, 1966, № 6, с. 44—48.

Шмельц Р. Советско-чехословацкое экономическое сотрудничество. Внеш. торговля, 1966, № 4, стр. 15—19.

Экономика социалистических стран в 1965 году. Цифры и факты. Полит. самообразование, 1966, № 9, с. 99—106.

Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ. Бюл. экон. информации (Совет Экон. Взаимопомощи), М., 1966, № 3, с. 3—53.

3. Партийная жизнь

Плакшип С. В. Деятельность КПСС по укреплению сотрудничества со странами социализма в области экономического строительства.— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 9, с. 28—39.

Уверенный курс. (XIII съезд КПГ закончил свою работу).— «Правда», 1966, 5 июня.

Черный А. Комунистична партија — патхеници и организатор кооперативного руху в болгарском сели в перші роки социалистичної революції (1944—1947 рр.).— «Наукові праці з історії КНРС», 1966, вип. 7, с. 102—114.

4. Государственное строительство и право

Боботов С. В., Власов И. С. Систематизация и кодификация законодательства ПНР на современном этапе. Сов. государство и право, 1966, № 3, с. 88—94.

Врублевский А. Дзюрко и его хата. (Очерк польского публициста о судьбе крестьянина — рабочего в новой Польше).— «Новое время», М., № 30, с. 25—28.

Гордишева Т. Наш побратим — Народная Болгария. (В связи с 22-летием).— «Коммунист Белоруссии», 1966, № 8, с. 61—64.

Двадцать лет Народной Республике Болгарии. (Цифры и факты). Коммунист Вооруж. Сил, 1966, № 17, с. 74—75.

Добровольский С. Тысяча років — чи багато це? (Польский писатель о 1000-летнем юбилее польского государства).— «Всесвіт», 1966, № 7, с. 6—12.

Заградка З. Профсоюзы Чехословакии и новая система управления экономикой. Сов. профсоюзы, 1966, № 15, с. 41—42.

Кикоть В. Из опыта кооперативного строительства в европейских социалистических странах. (Правовое регулирование сельскохозяйственной производственной кооперации). Сов. юстиция, 1966, № 16, с. 17—19.

Кирсанов В. Деревья меняют облик. (Опыт работы сельскохозяйственного кооператива в деревне Бухловце в Южной Моравии). Парт. жизнь, 1966, № 16, с. 72—74.

Корышев С. Народная Болгария. (Цифры и факты). Междунар. жизнь, 1966, № 9, с. 160—164.

Коротынский Г. Польская церковь и государство.— «Новое время», 1966, № 36, с. 14—16.

Мартиненко П. Ф. Програмні положення соціалістичної конституції (на прикладі Конституції ЧССР 1960 року). — «Проблеми правознавства» (Міжвідомчий наук. зб.), Київ, 1966, вип. 3, с. 9—16.

Питгарт П. Социологическое исследование права и политических отношений в Чехословакии. Анкета журнала «Правшик»: демократия и роль специалистов. Сов. государство и право, 1966, № 7, с. 153—155.

Рудневский К. Охрана труда в Народной Польше. Охрана труда и соц. страхование, 1966, № 5, с. 46—47.

Сафронов В. М. О совершенствовании представительной системы (в Болгарии). (По странам работ болгарских государствоведов). Сов. государство и право, 1966, № 9, с. 157—159.

Тоцорнин Б. П. Проблемы государственного строительства в условиях перехода от капитализма к социализму (чехословацкий опыт 1945—1948 гг.). Сов. государство и право, 1966, № 7, с. 33—42.

Фарберов Н. Югославия: органы государственной власти. — «Советы депутатов трудящихся», 1966, № 9, с. 100—103.

Харатян Ф. А. Словацкий Национальный совет. Уч. зап. Ереванск. гос. ун-та, 1966, т. 100. Серия юрид. наук, с. 33—57.

Чапек К. Правовые аспекты новой системы управления народным хозяйством в ЧССР. Сов. государство и право, 1966, № 6, с. 102—111.

Шуберт Л. Изучение причин преступности в Чехословацкой Социалистической Республике. Сов. государство и право, 1966, № 8, с. 80—88.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Бирман М. А. Тесняки и руководство II Интернационала. Раскол в болгарской социал-демократии в 1903 г., образование БРСДП (тесных социалистов) и Международное социалистическое бюро. Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, 1966, т. 30. Нац.-освободительное движение южных славян, с. 171—188.

Булатов А. И. Воспоминания узника Шлиссельбургской крепости. (Публикация воспоминаний Л. Ф. Яновича, члена первой политической организации польского рабочего класса «Пролетариат»). — «Вопросы истории», 1966, № 8, с. 116—123.

Вандалковская М. Г. К вопросу о политике царизма в Польше накануне Восстания 1863 года (по материалам дневника П. А. Валугева). Вестн. Моск. ун-та. История, 1966, № 4, с. 76—88.

Винников В. А. Из истории возникновения национального государства в Болгарии (1877—1879 гг.). Сб. ученых трудов Свердловск. юрид. ин-та, 1966, вып. 6, с. 245—272.

Гибиапский Л. Я. Две дискуссии среди югославских историков (о характере событий в Воеводине, а также Хорватии в 1848—1849 гг. и о роли известных политических деятелей Воеводины Светозара Милетича и Михаила Полит-Десанчича в 60—70-е гг. XIX в.). Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, 1966, т. 30. Нац.-освободительное движение южных славян, с. 212—226.

Грабовецкий В. Страта Ивана Пиджовиу Львови. (О казни главы запорожского войска Ивана Подковы). — «Жовтень», 1966, № 6, с. 128—131.

Гринберг С. Из истории развития болгарской промышленности в конце XIX в. (переход к политике протекционизма и поощрения крупной промышленности). Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, 1966, т. 30. Нац.-освободительное движение южных славян, с. 136—152.

Гришина Р. П. Солидарность Болгарской коммунистической партии с германским и австрийским пролетариатом в борьбе против фашизма (1933 — май 1934). Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, 1966, т. 30. Нац.-освободительное движение южных славян, с. 202—211.

Достян И. С. К вопросу о восстании Милеты Радойковича 1835 г. в Сербии. (По материалам Архива внешней политики России). Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, 1966, т. 30. Нац.-освободительное движение южных славян, с. 34—53.

Евстахевич М., Ингльот М. Польскі версії «Листування запорізьких козаків з турецьким султаном». Укр. іст. журн., 1966, № 8, с. 116—120.

Карасев В. Г. К вопросу об участии русских и сербских революционеров в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х годов XIX в. Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, 1966, т. 30. Нац.-освободительное движение южных славян, с. 114—130.

Катренко А. Викривач царського самодержавства. (До 125-річчя від дня народження М. П. Драгоманова). Біографічний очерк публікації донесення цензури в киевську жапдармерію. «Архів України», 1966, № 4, с. 64—72.

Кеппевич С. Тысячелетие Польши. — «Новое время», 1966, № 29, с. 7—10.

Клишко З. Народная Польша — венец тысячелетия. — «Правда», 1966, 22 июля.

Коваленко Л. А. І. Я. Франко — історик-славіст. Укр. іст. журн., 1966, № 8, с. 53—61.

Козак В., Сербіна Г. Документальні матеріали з історії КПЗУ в

Ровенському облдержархіві.— «Архіви України», 1966, № 4, с. 73—75.

Кручковский А. Прошлое, настоящее, будущее. (Тысячелетие Польского государства). Междунар. жизнь, 1966, № 8, с. 42—51.

Куликівський М. Д. До питання про боротьбу Польської робітничої партії за союз робітничого класу і селянства в ході національно-визвольної боротьби і встановлення органів народної демократії (листопад 1943 — червень 1945 рр.).— «Наукові праці з історії КНРС», 1966, вип. 7, с. 65—70.

Куплевацький В. Я. В. І. Леніні виховання чехословацьких марксистів у душі пролетарського інтернаціоналізму (1920—1921 рр.).— «Наукові праці з історії КНРС», 1966, вип. 7, с. 31—40.

Лещиловская И. И. Особенности развития национальной городской буржуазии в Хорватии и Славонии в первой половине XIX в. Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, 1966, т. 30. Нац.-освободительное движение южных славян, с. 74—85.

Лыс Д. П. Краковские подмастерья XVI—XVII вв. Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1966, т. 159. Ист. фак-т, вып. 6, с. 265—285.

Михайлина П. В. Борьба населения западноукраинских мест против польско-шляхетского поневоления на начальном этапе визвольной войны украинского народа (1648 р.).— «Питання історії народів СРСР», Харків, 1966, вип. 3, с. 62—69.

Михайлов Добрев Г. Из воспоминаний болгарского интернационалиста. Сов. архивы, 1966, № 4, с. 55—59.

Мишко Д. І. Звідки пішла назва «Україна». Укр. іст. журн., 1966, № 7, с. 41—47.

Наумов Е. П. Народное восстание в г. Которе и Которской области (1380 г.). (К истории классовой борьбы в Далмации в XIV в.). Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, 1966, т. 30. Нац.-освободительное движение южных славян, с. 3—16.

Очак И. Комкор Д. С. Сердич. (К 70-летию со дня рождения). Воен.-ист. журн., 1966, № 8, с. 127—128.

Павелко В. У. З історії культурних зв'язків Радянської України і Чехословащини (1918—1939 рр.). Укр. іст. журн., 1966, № 7, с. 73—82.

Пляшко Г. А. Рух солідарності на півдні України у зв'язку з польським повстанням 1863 року.— «Питання історії народів СРСР», Харків, 1966, вип. 3, с. 87—93.

Поваль Л. Р., Мітрофанау А. Г. Проблема расселения славян на территории Беларуси у I тысячелетия н. э. (На археологических данных).— «Весті АН БССР». Серія громад. наук, 1966, № 2, с. 43—53.

Рожко В. Пролетарский интернационализм в действии. (Солидарность трудящихся зарубежных стран с народом Советской России в 1917—1920 гг.).— «Коммунист Молдавии», 1966, № 7, с. 49—55.

Стеблій Ф. І. Про селянські заворушення в Галиччині у 1805 році.— «Питання історії народів СРСР», Харків, 1966, вип. 3, с. 81—86.

Сумарокова М. М. Некоторые аспекты хозяйственного развития Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918—1921 гг.). Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, 1966, т. 30. Нац.-освободительное движение южных славян, с. 189—201.

Тысяча лет и два десятилетия. (Передовая статья о 1000-летнем юбилее Польши).— «Новое время», 1966, № 31, с. 1—2.

Фрейденберг М. М. О социальной структуре Тригира в XIII в. Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, 1966, т. 30. Нац.-освободительное движение южных славян, с. 17—33.

Фрейдзон В. И. Общественно-политическая позиция Е. Кватерника (конец 50 — начало 70-х годов XIX в.). Уч. зап. Ин-та славяновед., АН СССР, 1966, т. 30. Нац.-освободительное движение южных славян, с. 86—113.

Хитрова Н. И. Внутривнутриполитическое положение в Черногории в конце XIX — начале XX в. и введение конституции. Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, 1966, т. 30. Нац.-освободительное движение южных славян, с. 153—170.

Чуркина И. В. Развитие капитализма в словенской промышленности (вторая половина XVIII — середина 70-х годов XIX в.). Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, 1966, т. 30. Нац.-освободительное движение южных славян, с. 54—73.

2. Культура, наука, народное просвещение

Анджеевский Е. Как создавался «Пепел и алмаз».— «Вопросы литературы», 1966, № 8, с. 126—134.

Бартольські Л. М. У пошуках своєї свеги. Ліст з Варшави. (О современной польской поэзии).— «Полюмя», 1966, № 8, с. 157—164.

Бобохпдзе Н. В. Планировка и благоустройство территорий отдыха (в Румынии и Болгарии). Гор. хоз-во Москвы, 1966, № 5, с. 37—39.

Британишский В. Журнал поэтов. (Обзор нового польского журнала «Роезжа»).— «Вопросы литературы», 1966, № 8, с. 151—159.

Грица С. И. Спільність мелодичних типів у слов'янській пісенності Карпат. (На сравнительном материале польских, украинских, словацких народных песен).

Нар. творчѣсть та етнографія, 1966, № 3, с. 24—32.

Духин Л. Х., Зорипа С. Н. Специализация и усовершенствование врачей кадров в Народной Республике Болгарии. Здравоохранение Рос. Федерации, 1966, № 4, с. 36—38.

Закруткин В. Земля побратима. (Из болгарских стран).— «Дон», 1966, № 6, с. 140—146.

Кондзельский Ю. Институт книги и чтения Национальной библиотеки в Варшаве. В сб.: «Библиотечное дело и библиография за рубежом», вып. 19, М., 1966, с. 24—44.

Д. Косицкий П. Вопросы географии населения и городов в Польше. Изв. Всесоюз. геогр. об-ва, 1966, вып. 3, с. 230—239.

Крумов Д. Музей болгаро-радянской дружбы в Софии. (Обзор фондов и деятельности). Укр. истор. журн., 1966, № 6, с. 100—103.

Кузин А. М., Комзин Б. И., Карпенко О. М. Эффективность научных исследований. (К итогам симпозиума ученых академий наук социалистических стран, Яблонна, 15—17 марта 1966 г.). Вестн. АН СССР, 1966, № 7, с. 74—75.

Лилатов А. В. У истоков польского романа. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1966, № 3, с. 61—73.

Липовский Я. О чехословацко-советском сотрудничестве в области библиотечного дела. В сб.: «Библиотечное дело и библиография за рубежом», вып. 18, М., 1966, с. 18—22.

Людинолюбное сердце. (О польском писателе и критике Т. Бой-Желепском).— «Жовтень», 1966, № 7, с. 22—23.

Макаров А. Стиль и его представители. (О польской песенной манере по гастролям двух польских эстрадных коллективов: артистов польской эстрады и студенческого театра «Гибриды»).— «Театр», 1966, № 9, с. 158—160.

Михалек Б. Литература в кино. Литераторы и кинематографисты (в польском кино).— «История кино», 1966, № 8, с. 56—62.

Попов Г. Международные научные связи экономистов. (О связях Института экономики АН СССР с экономическими институтами социалистических стран).— «Вопросы экономики», 1966, № 7, с. 156—157.

Пронин П. У пражских коллег. (О работе чехословацких журналистов). Сов. печать, 1966, № 8, с. 51—53.

Путилов Б. Новейшие труды югославских ученых об эпосе. (Обзор работ за 1958—1965 гг.). Сов. этнография, 1966, № 3, с. 159—166.

Пясецкий В. Основные тенденции строительства современных библиотек (Польша). В сб.: «Библиотечное дело и библиография за рубежом», М., вып. 18, 1966, с. 12—17.

Свешникова О. Из опыта друзей. (О постановке музыкального образования в Болгарии). Сов. музыка, 1966, № 4, с. 127—132.

Советско-чехословацкий семинар по библиотечному делу. В сб.: «Библиотечное дело и библиография за рубежом», вып. 18, М., 1966, с. 68—72.

Соколовский В. Из опыта планирования и застройки сел Болгарии.— «Архитектура СССР», 1966, № 7, с. 58—60.

Тарлев В. Г. О профессиональной ориентации учащихся в Народной Республике Болгарии.— «Школа и производство», 1966, № 6, с. 87—89.

Теплиц Е. Двадцать лет польского социалистического кино. (Поиски и перспективы). В сб.: «Вопросы киноискусства», вып. 9, М., 1966, с. 159—182.

Урзова Л. Выставка «Современная польская живопись». (Москва, 1965 г.).— «Искусство», 1966, № 7, с. 52—57.

Фирсов Г. Г. Библиотечное образование в социалистических странах Европы. Сов. библиография, 1966, № 1, с. 100—115.

Харламова А. Искусство Болгарии сегодня. (По материалам выставки живописи, графики и скульптуры в Москве).— «Творчество», 1966, № 8, с. 24—22.

Хромов Ю. Элементы благоустройства в городах Болгарии. (Малые архитектурные формы в создании ландшафта городов Болгарии).— «Архитектура СССР», 1966, № 8, с. 61—63.

Црквевич И., Клеменчик В. Агрогеографические исследования в Югославии. Вестн. Моск. ун-та. География, 1966, № 4, с. 32—39.

Чприлов И. Современная югославская драма.— «Театр», 1966, № 9, с. 142—146.

Шайкевич Б. А. Соответствие чешской литературы и живописи в период становления реализма 40—50-х годов XIX века (Божена Немцова и Йозеф Манес).— «Иноземная филология», Львів, 1966, вып. 7, с. 124—131.

Юзвекко В. А. Иван Франко в польских фольклорно-этнографических изданиях. Нар. творчѣсть та етнографія, 1966, № 3, с. 40—44.

Яворський М. Десять років існування українського суспільно-культурного товариства в Польщі.— Укр. истор. журн., 1966, № 6, с. 40—49.

3. Языкознание

Чернухина И. Я. К вопросу об определенноличных предложениях в их соотношении с двусоставными личными конструкциями в славянских языках. В сб.: «Материалы по русско-славянскому языкознанию», вып. 2, Воронеж, 1966, с. 17—25.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Литературна мисъл», 1966, № 3

Г. Димов. Художественная летопись Апрельской эпопеи (90-летие Апрельского восстания); Т. Жечев. О национальной самобытности литературного развития; И. Паси. Талант и время. Томас Манн: «Доктор Фаустус»; С. Машинский. Эстетические заветы Льва Толстого; С. Цонев. Рождение поэта. Поэма Христо Ботева «Матери»; В. Смоховска-Петрова. Разговоры по поводу польского романа; Е. Копстапниова. Незвестные письма Димчо Дебелянова к Николаю Лилеву; Э. Стайчева. Рикарда Гух и Болгария.

«Език и литература», 1966, № 3

В. Велчев. Илсаров в романе Тургенева «Накануне» (К проблеме прототипа и героя); М. Деянова. Об отождествлении противопоставления между аористом и имперфектом с противопоставлением совершенного и несовершенного вида; Ю. Бегунов. Болгарская компиляция конца X — первой половины XI в. против богомила Федора; Г. Гончарук. Христо Ботев и Павел Грабовский; Хр. Капитанов. Новые данные о Софронии Врачанском как эмигранте в Румынии; Р. Русинов. Имена существительные общего грамматического рода в современном болгарском языке; Г. Данчев. Когда родился Петко Славейков; Ж. Эскенази. Русская народническая поэзия в Болгарии 80-х годов XIX в.

«Български език», 1966, № 2

Д. Тилков. Вокальная фонемная система болгарского литературного языка; Б. Велчева. Норма и традиция в болгарском литературном языке XVI—XVIII вв.; Е. Дограмаджиева. К вопросу о *praesens historicum* в староболгарском языке; Э. Пернишка. О сущности взаимоотношений синонимов; А. Минчева. «Го(спод)а на всемоу домоу» в Хлудовом триоде; Т. Бояджиев. Некоторые вопросы правописания; Е. Балевска. Наблюдения над образованием технических терминов в польском, русском и болгарском языках; Й. Замов. О названии села *Дервенџа* Софийской области; Л. Ванков. Слово *пенкилер*.

«Pamiętnik literacki», 1966, № 1

С. Гжещук. Обстоятельства и время возникновения произведения «*Wurawu plebańskię*»; С. Треугутт. Оды в честь Наполеона Каэтана Козьмяна; М. Длузка. Модернистское барокко

Жеромского. Изучение поэтической прозы писателя; Л. Пшчоловска. Словарь языка поэзии; Д. Данек. К вопросу о французском семнологическом предложении, ч. I; Ю. Шчепанец. Издательская метрика «*Monitora*» за 1763 год; З. Судольски. Найденные фрагменты автографа и копии «Короля—Духа»; А. Бартошевич. Забытая статья о Мицкевиче; Ф. Зейка. Крашевский и Польский национальный музей в Рапервилле; Р. Поллак. Люциан Рыдель о переводе «Орланда» Петром Кохановским.

«*Slavia orientalis*», 1966, № 2

Е. Бореиша. Парижские «*miscellanea*»; С. Фишман. О новой находке текста Мицкевича; Р. Лужны. Павел Берков. Образ ученого; С. Фишман. Герой «Медного всадника»; А. Семчук. Тургенев и натуральная школа; Т. Позняк. Александр Островский в Польше в конце XIX — начале XX вв.; Г. Кпрхнер. Формы типа «хорошо» — «искренне» с точки зрения частей речи и их функций; Я. Ригер. Из бойковской и лемковской топониматики.

«*Československý časopis historický*», 1966, № 3

Й. Кабарда. Главные черты тигмарско-сипахийского строя в Османской империи; Г. Мейдрова. Из истории Союза коммунистической молодежи Чехословакии в 1924—1925 гг.; Б. Черны. «Черный фронт» в Чехословакии (1933—1938 гг.); М. Краса. Неру в Чехословакии в период европейского кризиса 1938 г.; З. Немец. К проблеме составления индекса чехословацкого промышленного производства в период 1918—1938 гг.; Й. Полишенскп. Кубинская война за независимость в 1895—1898 гг. и участие в ней чехов и словаков.

№ 4

Ф. Граус. Славянская литургия и письменность в X веке в Чехии эпохи Пржемысловичей; З. Сладек. Финансирование чехословацкой торговли с СССР в 30-х годах XX в.; Б. Левенштейн. Влияние первой мировой войны на идеологию немцев и иррациональная критика цивилизации. Путь от первой мировой войны к фашизму в свете идеологии и культурной социологии; И. Мацурек. К дискуссии о новой чехословацкой «Мировой истории»; Л. Житкович. Развитие сельского хозяйства на территории чешских земель и в Польше в XVI и начале XVIII в.

«Historický časopis», 1966, № 2

Л. Липтак. Словацкое государство и антифашистское движение в 1939—1943 гг.; Л. Голотик. Борьба за революционную республику Глоговец в 1920 г.; М. Вывиялова. Стремление к унификации языка в 20-х годах XIX в. и Ондрей Бошани; О. Стойка. Уровень преподавания всеобщей и национальной истории в средних и специальных школах; Ю. Месарош. Современное состояние исследования штуровской проблематики.

№ 3

Я. Тибенский. К вопросу о старых и новых взглядах на Бернолака; бернолаковское движение и словацкое национальное Возрождение; Ю. Месарош. Кризис дуализма в словацкое национальное движение в 90-х годах 19 века; З. Голотикова. Некоторые проблемы словацкой политики 1921—1925 гг.; С. V съезда Словацкого исторического общества. Дискуссия.

«Slovansky prehled», 1966, № 2

М. Гибл. Народная демократия в 1946 году; Я. Валента. Польша в первые послевоенные годы; Р. Гофман. Накануне решительного сражения в Венгрии; Я. Опат. Из первых лет строительства новой Югославии; К. Коржалкова. Болгария в 1946 г.; М. Тейхман. Укрепление народной власти в Румынии; О. Янечек. По поводу концепции исторической славистики Зденека Неедлого; Ч. Аморт. Незвестный документ о деле Рихарда Зорге; В. О. Ключевский. Афоризмы.

№ 3

М. Моравцева. Развитие населения в социалистических странах Европы; Я. Опат. 25-я годовщина восстания в Югославии; В. Жачек. Сербская «Омладина»; В. Куделка. Словенская драма в послевоенном двадцатилетии; Р. Гавранкова. «Свобода или смерть!». К 90-летию Апрельского восстания в Болгарии.

№ 4

К. Коржалкова. Чехословакия и польское Временное правительство в 1944—1945 гг.; В. Штястны. Леон Василевски и славянская идея в Чехии; В. Жачек. Польская эмиграция и чехи в прошлом столетии; М. Шмерда. Польско-русский конфликт и наше национальное Возрождение; Я. Микужка. К вопросу о чешско-польских связях в эпоху феодализма; М. Кудел-

ка. По поводу дискуссии о понятии славяноведения, славянской идеи и современности; Выводы из дискуссии о задачах исторической науки в области славистики; В. Чейхан. Еще раз к вопросу об отношении польских участников Славянского съезда к Пражскому восстанию в июне 1848 г.; К. Герман. Царь, Распутин и другие.

«Česka literatura», 1966, № 3

П. Ракош. Смысл американской «новой критики»; В. Кохл. Сладкович в переводах на чешский язык; О. Кралик. Что сохранилось из героической эпики Чехии времен «пржемысловцев»?

№ 4

М. Козликова. Роль мотивов «повседневного» в лирике Ярослава Сейферта; Я. Циганек. К вопросу об анатомии массовой культуры.

«Slovenská literatura», 1966, № 3

М. Пишут. Словацкий предромантический роман; В. Марчок. Рационалистическая концепция человека в творчестве Байзы; С. Жолкевский. Две теории структурализма; В. Турчаный. Замечки к творчеству Сватоплука Голлого; Р. Бртань. Державин в словацкой поэзии; П. Вонгрей. Незвестные данные о публицистической деятельности Сладковича в 1850 г.; М. Вывиялова. Письмо Коллара от 1825 г. по поводу «Хрестоматии или Книги для чтения молодежи в школах славянских», содержащей словакизирующие тенденции; М. Вывиялова. Об авторстве противобернолаковского стихотворения в газете Матея Крамериуса 1790 г.

«Slavia», 1966, № 2

В. Колесов. Изменение фонемы *e* в древнерусском языке; Ф. Вольман. Русский панславизм за рубежом; С. Ольман. Автограф «Славянства» Штура; Д. Зилынский. Шевченко в чешской литературе XIX в.; Э. Эйхлер. К славянскому ономастическому атласу; М. М. О니шкевич. Формы творительного падежа единственного числа местоимений в диалектах западных областей УССР; О. Кралик. Еще раз о существовании славянского жития Проккопия Чешского; Я. Кадлец. К событиям в Сазанском монастыре во 2-й половине XI века; К. Миколаш. Аллегория «О счастье» и ее польский перевод 1515 г.; Р. Николаева. К авторству чешских статей о жизни и творчестве А. И. Герцена (1861—1863 гг.).

«Slovenska reč», 1966, № 3

Ф. Буфф а. Частицы *nie-, vol'a-, da-, -si* в словацких диалектах; Е. Байз и ко в а. Самостоятельные члены предложения; А. С р ш е н ь. К проблематике перевода заглавий фильмов; М. И в а н о в а - Ш а л л и н г о в а. Стилистические квалификаторы в Словаре словацкого языка; Л. Д в о и ч. Еще раз о написании заглавных букв в названиях типа *Geograf bayorský*; Ф. М и к о. Склонение названий типа *Pod Hradovou*.

«Slovo a slovesnost», 1966, № 2

К. С в о б о д а. К вопросу о сущности предложения, особенно с точки зрения модальности; М. Е л и н е к. Место разговорного стиля в ряду функциональных стилей языка; О. М ю л л е р о в а. К проблеме синтаксиса малоразвитой разговорной речи. (Дополняющие выражения и конструкции); Я. О н д р а ч к о в а. К вопросу о пазальной окраске гласных в чешском языке; З. П а л к о в а. Роль предупредительного слога с точки зрения прозаического ритма.

«Историјски записи», 1966, № 1

М. М и л о ш е в и ч. Положение в Босне Которской в период подготовки к освобождению Герцег-Нови от турок (1684—1687 г.); Н. Р а ж н а т о в и ч. О деятельности радикальной оппозиции, князя Петра Карагеоргиевича и князя Николая против режима короля Милана в Сербии в 1883—1889 гг.; С. М и й у ш к о в и ч. Новое толкование одного фрагмента из «*Tabula Peutini Geriana*»; Г. С т а н о в и ч. Несколько случаев примирения между населением Боселья и турками; Л. Ч е л а п. Материалы о переселении черногорцев в Россию в XVIII в. в архивном фонде штаба славонской границы; Д. В у й о в и ч. Прошение населения села Велика от 1864 г. на имя французского консула в Скадаре; Н. К л и б а р д а. Сведения о Боголюбe Петрановиче; Д. В у й о в и ч. Встреча князя Николая и Мустафы-пашы в 1872 г.; В. Й о в о в и ч. Библиография о народно-освободительной борьбе в Черногории в югославских газетах и журналах.

«Izraz», 1966, № 5

С. К о л е в и ч. Игра сознания в бытии в романе Джойса «Улисс»; Е. Д е п е г р и. Заметка о «меандраах» Юлия Книфера; Б. М а р и п к о в и ч. Об Алексии Везиличе; Д. И л л е ш. Традиция и новаторство в литературе (поэзия); Р. Т р и ф к о в и ч. Трилогия

Ивана Раоса; Н. П е т к о в и ч. Между поступком и сомнением; М. К а п о р. Узник моря. (О художнике Д. Рендиче).

№ 6

Р. Б а р т. Два вида критики (в современной Франции); М. Б е л и ч. Овещение Скерличем творчества Якова Игњатовича; И. В и д а н. Проблема образа и связи в современном романе; А. Р и с т и ч. Заметки о Георгии Тракле; З. С т о б е р с к и. VII фестиваль малых и экспериментальных сцен (Сараево. 26.3—5.4.1966 г.); И. Л е ш и ч. Регистрировать или двигать вперед; С. П е н ч и ч. Многозначность образов у Л. Леонова; М. С у ш к о. Надежда и абсурд в произведениях Саула Беллеу; Б. К р о ч е. Поэзия и литература (VI).

№ 7

Э. Г л у ш к е в и ч. Блеск и пицета литературной критики; Р. Т а у т о в и ч. Сатира Эриха Коша; Е. Д е н е г р и. Живопись без предрассудков; В. Б а л в а н о в и ч. Стократная жизнь Бориса Виана; М. Р а н к е в и ч. Оригинальность как эстетическая категория; С. Т р у м и ч. Современные представители классицизма среди нас; Л. С к о к. Атака на свободу художественного творчества; З. Л е ш и ч. Югославские писатели в Оксфордской библиотеке классиков мировой литературы; Л. Г о л ь д м а н. Структурно-генетический метод в истории литературы.

«Jezik», 1966, № 5

Решения пленума Союза писателей Хорватии; Резолюции Загребского лингвистического кружка; Декларация о единстве и вариантах хорватскосербского литературного языка; Р. К а т и ч и ч. Терминология в современной лингвистике; Д. Б р о з о в и ч. О проблемах сравнительной славистики; Л. Й о н к е. Замечания к статьям проф. М. Храсте и проф. Й. Вуковича; Редакция журнала «Език».

«Jezik in slovstvo», 1966, № 5

Б. М е р х а р. Еще кое-что о словенской рифме; Т. Л о г а р. Словенские наречия; Я. С п в е ц. Успление преподавания языка (в основной школе); Ф. З а д р а в е ц. Взгляды на искусство речи (ч. III); Й. Т о н о р и ш и ч. Акцентные и морфологические типы в академическом словаре словенского литературного языка; Ф. Е с е н о в е ц. Виды косвенной подчиненности в словенском языке.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 1000-ЛЕТИЮ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

12—13 октября 1966 г. в Москве состоялась научная сессия, посвященная 1000-летию Польского государства. Она была организована Академией наук СССР и Министерством высшего и среднего специального образования СССР. Сессию открыл Президент АН СССР академик М. В. Келдыш. В своем вступительном слове академик М. В. Келдыш горячо приветствовал польских гостей, прибывших на сессию, и отметил всемирно-историческое значение 1000-летия Польского государства.

Эта сессия, сказал академик М. В. Келдыш, посвящена знаменательной дате в жизни братского польского народа и всех славянских народов, имеющей всемирно-историческое значение, — 1000-летию Польского государства.

Польское государство с первых лет своего существования стало играть важную роль в истории Европы. С обретением своей государственности польский народ получил возможность всестороннего развития своей страны. На протяжении многих веков он вносит крупный вклад в мировую цивилизацию. Польский народ создал богатую и самобытную культуру, которая оказывала и оказывает благотворное влияние на культурное развитие других народов. Польша дала миру выдающихся деятелей в области науки, литературы и искусства, плеяду замечательных общественных деятелей. Всеобщим признанием пользуются имена Миколая Коперника и Яна Длугоша, Гуго Коллонтая и Сташислава Сташица, Адама Мицковича и Юлиуша Словацкого, Фридерика Шопена и Станислава Монюшко, Элизы Ожешко и Яна Матейко, Марии Складовской-Кюри и Мариана Смолуховского, Стефана Банаха и многих других, внесших неоценимый вклад в сокровищницу мировой науки и культуры.

Вся история Польши являет собой пример многовековой борьбы народа за свободу и независимость своей родины. Польский народ не раз показывал яркие образцы самоотверженной борьбы за свободу и выдвинул таких революционеров как Ярослав Домбровский, сражавшийся

на баррикадах Парижской коммуны, и Феликс Дзержинский, выдающийся деятель нашей партии и Советского государства.

В истории освободительного движения наших народов особое место занимают русско-польские революционные связи. Уже первые русские революционеры — декабристы провозгласили в качестве одного из своих основных требований независимость Польши. Это требование, вошедшее в проект конституции, разработанный Южным обществом — в пестелевскую «Русскую Правду», явилось прочной основой для совместной борьбы польских и русских революционеров за свободу и независимость против общего врага — царизма. Декабристы и польские революционеры протянули друг другу руку дружбы и союза, который позднее еще более расширился и укрепился. Известно, что во второй половине XIX в. революционеры Польши были тесно связаны с русскими революционными демократами во главе с Чернышевским.

Новый этап в истории революционного содружества наших народов ознаменовал выход на политическую арену рабочего класса. Во время революции 1905—1907 гг. против царизма рука об руку сражались русские и польские рабочие. Тысячи поляков участвовали в Великой Октябрьской социалистической революции, а затем с оружием в руках отстаивали ее завоевания, видя в установлении социалистического строя в России залог светлого будущего своей страны, своего народа.

Победа Великого Октября создала условия для восстановления независимого Польского государства. Декларация прав народов России провозгласила право всех народов, входивших в состав бывшей царской империи, на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Декретом Советского правительства от 29 августа 1918 г., подписанным В. И. Лениным, были отменены царские договоры с Германией и Австро-Венгрией, касающиеся Польши; за польским народом было признано неотъемлемое право на неза-

висимое существование. Так подтвердилось положение, высказанное В. И. Лениным еще задолго до Великой Октябрьской революции: «Свобода Польши невозможна без свободы России».

Однако в конце 1918 г. власть в Польше захватили буржуазия и крупные помещики, которые стали проводить враждебную политику в отношении Советской республики. Эта губительная политика правящей верхушки привела Польшу к сентябрьской катастрофе 1939 года.

Совместная борьба против гитлеровской Германии сплотила наши народы. Советские воины вместе с воинами Войска Польского освободили Польшу от фашистских оккупантов. Трудящиеся массы Польши, объединившиеся вокруг своей марксистско-ленинской партии, установили народно-демократический строй. Разгром фашистской Германии дал возможность воссоединить с Польшей ее исконные Западные и Северные земли.

Рождение Польской Народной Республики открыло новый этап во взаимоотношениях между нашими государствами. Советско-польский договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве является самой прочной гарантией свободы и независимости Народной Польши, неприкосновенности ее справедливых государственных границ.

Польское государство вступает во второе тысячелетие своего существования в расцвете своих сил. Под руководством своего рабочего класса и его авангарда — Польской объединенной рабочей партии польский народ успешно строит социализм. Новый общественный строй открыл широкие перспективы в развитии экономики, науки и культуры. Наши польские друзья добились громадных успехов в создании мощной индустрии, в повышении материального благосостояния и духовного богатства народа. Современная Польша является равноправным членом содружества социалистических стран, идущих в авангарде человечества.

Сотрудничество Советского Союза с Народной Польшей в различных областях экономики, науки, культуры год от года крепнет и расширяется. Установились разносторонние творческие контакты между Академией наук СССР и Польской академией наук, между советскими и польскими учеными. Неуклонно развиваются обмен результатами исследований и совместная разработка актуальных научных проблем. Участие в работе данной сессии выдающихся польских ученых — один из примеров нашего научного сотрудничества.

В порядке дня нашей сессии — ряд докладов советских ученых и наших дорогих польских коллег. Эти доклады посвящены важнейшим проблемам истории Польши, русско-польских революционных связей в прошлом, истории и совре-

менному этапу советско-польских отношений.

В заключение мне хотелось бы пожелать плодотворной работы сессии и выразить уверенность, что она послужит укреплению советско-польской дружбы и дальнейшему развитию марксистско-ленинской исторической науки.

С докладом «Влияние Октябрьской социалистической революции на характер второй Польской республики» выступил министр высшего образования Польской Народной Республики, вице-президент ПАН академик Генрик Яблоньский. Указав на значение Великой Октябрьской социалистической революции в завоевании польским народом своей национальной независимости, докладчик обстоятельно охарактеризовал влияние Октябрьской революции на внутриаполитическое развитие нового Польского государства. Оказавшись у власти, польские имущие классы вынуждены были считаться с воздействием социалистической революции на рабочих и крестьян, с усилившейся революционной борьбой народных масс. Это нашло свое выражение в ряде актов и мер государственных властей, в известной мере учитывавших требования трудящихся масс. Позднее господствующие классы, укрепив свои позиции, постарались упразднить важнейшие завоевания народа.

Маршал Советского Союза И. С. Конев сделал доклад на тему «Боевое содружество Советской Армии и Войска Польского в борьбе за освобождение Польши от фашистских оккупантов». Докладчик рассказал о героической борьбе Гвардии Людовой и Армии Людовой, о боевых действиях 1-й и 2-й Армий Войска Польского, о боевом содружестве советских и польских воинов в борьбе против фашистских захватчиков. И. С. Конев высоко оценил боевые действия Войска Польского, героизм польских солдат и офицеров и указал на значение боевого содружества Советской Армии и Войска Польского, армий социалистических стран в деле обеспечения мира и безопасности народов.

Доклад В. Д. Королюка («Польша X—XI вв. в системе европейских международных отношений») был посвящен анализу внешнеполитического развития древнепольского государства в X—XI вв. Отметив, что главной тенденцией развития в Центральной и Восточной Европе было образование национальнооднородных раннефеодальных государств, докладчик подчеркнул, что главной осью внешней политики Польши в XI в. были польско-немецкие отношения. Древнепольское государство вело тяжелую борьбу с германскими феодалами за государственную самостоятельность. Этим же целям служила христианско-феодалная государственная идеология, противостоящая имперской универсалистской идео-

логии германских феодалов, стремившихся подчинить своей власти западно-славянские страны.

Академик Генрик Ловмянский (Польша) в докладе «Взаимные отношения Польши и Руси в средние века» отметил, что примерно до 1340 г. этнический принцип определял территориальные границы славянских государств. Вопрос о границе между Польским и Русским государствами в области Западного Буга осложнялся тем, что на его левом берегу образовалась зона смешанного польско-русского населения. Спор между обоими государствами продолжался 50 лет и окончился присоединением этой территории к Русскому государству. С тех пор установились нормальные соседские отношения; в происходивших в это время войнах польские князья принимали участие в расправах между Рюриковичами — и наоборот. При этом не замечаются ни с одной, ни с другой стороны стремления к подчинению земель соседа в более широком масштабе. Меняется положение после 1340 г., когда Польша подчинила себе (частью с венгерской помощью) Галицкую землю. В результате унии с Литвой в составе Польши оказались обширные белорусские и украинские земли. Вследствие ассимиляции белорусских и украинских феодалов, народные массы очутились лицом к лицу с польскими феодалами (хотя разного этнического происхождения). Классовый антагонизм усугубился национально-религиозным угнетением.

Доклад В. Т. Пашуто был посвящен русско-польским политическим связям (с середины XI в. до монгольского нашествия) и их международному значению. Эти связи, как отметил докладчик, были весьма тесными. В обеих странах в рассматриваемое время не было социальных групп, заинтересованных в широкой территориальной экспансии и способных ее осуществить. В то же время давние торговые связи, обширные зоны обоюдной этнической инфльтрации и общие интересы в колонизации Пруссии содействовали взаимному сближению. Важное значение имели союзные отношения в условиях нарастающей экспансии немецких феодалов. Монгольское вторжение тяжело ударило по обеим странам и сильно осложнило их взаимоотношения и борьбу за независимость.

В докладе акад. П. Н. Поспелова и А. Ф. Смирнова «Польский вопрос в европейской политике XVI—XIX вв.» (Новые материалы из рукописного наследия К. Маркса) были проанализированы рукописи К. Маркса, возникшие в процессе работы над брошюрой: «Германия и Польша. Размышления военно-политического характера в связи с польским восстанием 1863 г.». В центре внимания Маркса стояли вопросы дипломатической борьбы по польскому вопросу в период

подготовки и осуществления разделов Польши, наполеоновских войн и Венского конгресса. Особое внимание Маркс уделял разоблачению антипольской политики Пруссии, подчеркивая, что интересы восстановления независимой Польши и воссоединения Германии на демократической основе требуют уничтожения Пруссии как особого государственного организма, — конгломерата немецких и польских земель.

Весной 1863 г. Маркс обратил внимание также и на двучленную политику кабинетов Парижа и Лондона, осуществляющую ими в ходе дипломатической борьбы, вызванной восстанием 1863 г. Эти сюжеты были затем развиты Марксом в его выступлениях по польскому вопросу в Генеральном Интернационале (декабрь 1864 г.). Авторы доклада дали также критику сборника «К. Маркс. Рукописи по польскому вопросу», выпущенного Международным институтом социальной истории (1961 г.).

«Русско-польские культурные связи в XVIII и XIX столетиях» были освещены в докладе И. Ф. Балзы. Докладчик отметил исконность этих связей, объясняющуюся братской общностью славянских народов. В XVIII в. укреплению русско-польских связей в значительной мере способствовало развитие антифеодальных, антикрепостнических идей, высказывавшихся как «Польскими братьями», так и Ломоносовым и Новиковым. После падения Речи Посполитой многие деятели польской художественной культуры переезжают в Петербург. Даже после поражения восстания 1830—1831 гг. дружба деятелей русской и польской культуры продолжалась и успешно развивалась, особенно благодаря Пушкину, переводившему Мицкевича. В свою очередь, польская общечеловечность с глубоким уважением и любовью относилась к Пушкину, Гоголю, Лермонтову, Толстому, Достоевскому. В дальнейшем решающую роль в развитии русско-польских связей сыграла деятельность революционных демократов.

В докладе «Освободительная борьба польского народа и русское революционное движение в XIX в.» И. С. Миллер подчеркнул, что определяющим фактором польского исторического процесса XIX в. было освободительное движение, и отметил всевропейское и в особенности всероссийское значение польского освободительного движения, охарактеризовал общие условия складывания и развития русско-польского революционного союза в XIX в.

И. М. Беляевская в докладе «Русско-польские революционные связи в 50—70-х гг. XIX в.» осветила совместную борьбу русских и польских революционеров против феодального и национального гнета, за свободу и независимость народов, пораженных царизмом. Особенно ярко.

сотрудничество польских и русских революционеров проявилось накануне и в период восстания 1863 г. Когда царизм и его прислужники в целях борьбы с польским восстанием и русским революционным движением развязали разгузданную шовинистическую антипольскую кампанию, русская революционная демократия продолжала отстаивать свободу и независимость Польши. Мужественная борьба русской революционной демократии вывела уважение и симпатии польского народа.

В докладе А. Я. Манусевича «Польские революционеры в борьбе за Советскую Россию и свободную Польшу» было показано значение Октябрьской революции для развития освободительного движения польского народа и участия поляков в борьбе за победу Советской власти в России. В России было свыше двух миллионов жителей коренных польских земель — беженцев, солдат, мобилизованных в царскую армию, и др. В составе большевистской партии перед Октябрем действовало свыше 40 польских социал-демократических групп. Тысячи польских революционеров содействовали установлению и утверждению Советской власти. Польские революционеры, сражавшиеся за дело Октябрьской революции, были не только убежденными интернационалистами, но и глубокими патриотами. Их патриотизм выражался не только в объективном значении победы Советской власти в России для освобождения Польши от чужеземного господства, но и в том, что они всеми своими действиями стремились приблизить час социального и национального освобождения польского народа.

Проблема рабочего движения в Польше

в период образования и становления буржуазного государства (1918—1919 гг.) была рассмотрена в докладе С. М. Стецкевича. КРПП и ее предшественница — СДКПиЛ и ППС-левица, отметили докладчик, указывали пролетариату на необходимость свержения власти буржуазии, сыграли главную роль в создании Советов рабочих депутатов и стремились превратить их в органы борьбы за диктатуру пролетариата. Объективные и субъективные условия не позволили КРПП осуществить эту задачу. ППС, проводя политику соглашения с буржуазией, способствовала утверждению господства эксплуататорских классов в стране.

И. А. Хренов в докладе «Советско-польские отношения в послевоенный период — новый тип междугосударственных отношений» кратко охарактеризовал советско-польские отношения в предвоенный период и в годы второй мировой войны и подчеркнул значение советско-польского договора от 21 апреля 1945 г. для дальнейшего развития братского сотрудничества между советским и польским народами. Дружеские отношения между Советским Союзом и Народной Польшей были закреплены новым договором, подписанным 8 апреля 1965 г. На основе этого договора успешно развивается всестороннее сотрудничество между обеими странами. Новые отношения, сложившиеся между СССР и ПНР в послевоенный период, базируются на принципах социалистического интернационализма и обеспечивают успешное построение социализма и коммунизма в братских странах.

Сессия привлекла внимание научной общественности.

И. К.

К 50-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

VII УКРАИНСКАЯ СЛАВИСТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

30 IX—3 X 1966 г. в Днепропетровске состоялась VII украинская славистическая конференция, она была посвящена проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция и культура славянских народов». Открывая конференцию, проректор Днепропетровского университета проф. З. С. Донцова подчеркнула важное научное и общественное значение славистических исследований и в особенности изучения проблем, связанных с 50-летием Октябрьской революции.

Академик АН УССР И. К. Белодед охарактеризовал основные проблемы изучения истории славян, их фольклора, культуры, быта, литературы, языка и сформулировал задачи, стоящие перед учеными каждой из этих отраслей славистической науки. Докладчик подчер-

кнул, что в центре внимания лингвистов находилось изучение взаимосвязей славянских языков, их история, а также анализ их грамматической и фонетической систем, сравнительно-исторические исследования в области славянской акцентологии.

И. К. Белодед отметил активное участие украинских славистов в работе международных славистических съездов, их достижения в изучении западно- и восточнославянских языков, публикации памятников, создании словарей, исследованиях межславянских и славяно-балтских связей.

Историческим традициям и развитию дружбы и сотрудничества украинского народа с народами зарубежных славянских стран был посвящен доклад И. Н.

Мельниковой (г. Киев). Докладчик охарактеризовала исследования украинских историков в этой области, в том числе коллективный труд, подготовленный Институтом истории АН УССР «Украинская ССР и зарубежные социалистические страны» и ряд других работ.

С докладом «Октябрьская революция и зарубежные славянские литературы» выступил Г. Д. Вербес (Киев). Докладчик рассмотрел состояние разработки данной проблемы в СССР и странах народной демократии, борьбу вокруг проблемы советской литературы в зарубежной марксистской критике, показал ее влияние на литературный процесс. В докладе подчеркнута родственность метода зарубежных революционных литератур с методом советской литературы.

В докладе В. С. Ващенко (Днепропетровск) «Об изучении межславянских языковых контактов» говорилось о состоянии изучения межславянских языковых контактов и задачах в этой области. Докладчик подчеркнул, что особое внимание необходимо уделить изучению межславянских контактов в период после формирования национальных языков и тенденций дальнейшего языкового развития.

Дальнейшая работа конференции проводилась по секциям.

В центре внимания секции истории были проблемы участия зарубежных интернационалистов в борьбе за победу Советской власти. Интересный материал по этой тематике содержался в докладах и сообщениях: П. М. Калпиченко, И. М. Кулиннича, П. С. Сохана и И. А. Петерса (Киев) — об участии трудящихся зарубежных стран в борьбе за Советскую власть на Украине в 1917—1920 гг.; К. Н. Познякова (Днепропетровск) — об участии славян-интернационалистов в защите Советской страны в период третьего похода Антанты; Г. С. Кручевича (Львов) — об участии польских революционных частей в борьбе против интервентов и контрреволюции на Украине; Н. А. Стручковой (Днепропетровск) — об участии зарубежных славян в борьбе за Советскую власть в Екатеринославщине и др.

Ф. П. Шевченко (Киев) посвятил свой доклад участию зарубежных антифашистов в партизанском движении на Украине.

В послевоенные годы перед народами славянских стран, приступившими к строительству социализма, открылись новые возможности для всестороннего сотрудничества и братской взаимопомощи. Анализ некоторых новых форм этого сотрудничества на примере конкретных стран были посвящены сообщения И. К. Вороная (Днепропетровск), И. Т. Лисевича, Л. Г. Ляшенко (Киев). Первое из них касалось анализа некоторых экономических проблем, остальные — вопросов культурных связей.

На секции был также заслушан доклад П. М. Калпиченко о некоторых нерешенных вопросах истории Советов рабочих депутатов в Польше (1918—1919 гг.) и сообщении П. И. Воробей (Одесса) о польско-украинских отношениях накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции.

Выступившая на заседании секции И. Н. Мельникова подчеркнула необходимость коллективной разработки важнейших проблем истории славянских народов.

В литературоведческой секции, разбитой на подсекции: «Октябрь и развитие восточнославянских литератур» и «Октябрь и развитие зарубежных славянских литератур», — было заслушано 11 докладов и 9 сообщений.

Рассматривались проблемы влияния Октябрьской революции на зарубежных славянских писателей, воплощения или темы Советского Союза, роли советской литературы в их творчестве. Здесь можно назвать доклады Ю. Л. Булаховской (Киев) «Тема Октября в революционной борьбе в послевоенной польской поэзии», Б. О. Шайкевича (Одесса) «Советская тема в поэзии Вацарова», В. О. Захаржевской (Киев) «Л. Стоянов — публицист и литературный критик», Н. Ф. Копытянской (Львов) — о воплощении темы Октября в чешской прозе 20-х годов и т. д. Значительный архивный материал был использован в докладе Т. П. Агапкиной (Москва) «К истории связей польской и советской литературы в 1939—1941 гг.». Выдвинуты были интересные методологические вопросы как путем освещения опыта советского литературоведения в докладах А. В. Чичерина (Львов) «Н. К. Гудзий — исследователь славянских литератур» и Л. Д. Иванова (Днепропетровск) «А. Шамрай как исследователь литературных связей», так и в результате попытки типологического сопоставления творчества отдельных писателей в докладе А. Р. Волкова (Черновцы) о драматургии К. Чапека и Б. Брехта. Существенные вопросы развития зарубежных славянских литератур явились темой докладов И. Е. Жураской (Киев) о новаторстве в чешской прозе критического реализма 20—30-х годов XIX в. и В. И. Шевчука (Киев) «Образ ветерана словацкого революционного движения в произведениях Кервеша и Мнячки». Значительное внимание было уделено традициям культурных связей между Украиной и зарубежными странами: доклады Г. Д. Наливайко (Нежлин) — «Украина в зарубежных историко-литературных источниках», В. А. Моторного (Львов) — «Нерешенка украинских писателей с чешскими деятелями культуры».

Проблема литературных взаимосвязей заняла центральное место и в выступлениях, посвященных восточнославянским литературам: в докладе И. А. Луценко

(Днепропетровск), — «Великий Октябрь и межнациональные литературные связи», в сопоставлениях творчества виднейших писателей: Т. Г. Шевченко и В. С. Курочкин (Е. Н. Опришко, Днепропетровск), А. Твардовский и Я. Купала (Н. Ф. Винник, Днепропетровск), Э. Багрицкий и В. Сосюра (М. М. Гордон, Днепропетровск), а также развития отдельных жанров: поэмы (Л. К. Хвыля, Днепропетровск), новеллы (Ф. М. Белецкий, Днепропетровск), очерка (М. Б. Богаткина, Днепропетровск). Подчеркивался глубокий интернационализм советской литературы, рассматривалось отражение проблемы славянского единства в творчестве ее крупнейших представителей: доклады В. М. Борщевского (Винница) «Тема дружбы русского и украинского народов в творчестве М. Рыльского», П. Я. Лещенко (Ровно) «Славянское единение в творчестве М. Рыльского периода Великой Отечественной войны», выступление Я. А. Колбовского о славянской теме в публицистике М. Горького.

На заседаниях секции фольклористов было прослушано 15 докладов и сообщений. М. Т. Яценко (Киев) выступил с докладом «Образ В. И. Ленина и тема Коммунистической партии в фольклоре восточнославянских народов». В докладе Н. С. Шумады и В. А. Юзвенко (Киев) «Развитие славистических исследований в области фольклористики на Украине (1917—1965 гг.)» прослеживается путь развития отечественной славистической науки. М. М. Гайдай (Киев) в докладе «Традиционное и новаторское в современном чешском и словацком фольклоре» глубоко проанализировал идейную направленность, тематику и образную систему таких жанров современного народного творчества чехов и словаков, как рабочие песни, частушки рабочих, анекдоты.

Об образной системе чешского и словацкого рабочего песенного творчества говорил в своем сообщении В. Н. Скрипка (Киев).

В. Г. Бойко (Киев) осветил вопрос о современных литературно-фольклорных связях, отметил успехи советской науки в изучении этой проблемы.

А. А. Мордвинцев (Киев) в своем выступлении поставил вопрос о планомерном изучении фольклора болгарских сел на юге Украины и публикации материалов фольклорных экспедиций. На тему «Революционная песня у славянских народов» сделала доклад В. Г. Хоменко (Киев). А. М. Кинько (Киев) в своем докладе «Стилевые особенности современной восточнославянской послеоктябрьской песни» дал детальную характеристику многостильности песен.

Освещению того нового, что появилось в народном творчестве Закарпатья в годы советской власти, были посвящены

доклады П. В. Липштура и Ю. Д. Туряницы (Ужгород).

В. С. Ващенко в сообщении «Новые языковые признаки послеоктябрьского фольклора» акцентировал внимание на признаках нового в лексике пословиц и поговорок послеоктябрьского периода.

Мастерство М. Т. Рыльского и Л. Первомайского как переводчиков сербских народных песен и теоретиков перевода охарактеризовал в своем интересном сообщении М. Я. Гольберг (Дрогобыч). Т. П. Булат выступила с сообщением «Александр Кошиц — пропагандист украинской народной песни».

На заседаниях секции языковедов были заслушаны и обсуждены 21 доклад и 18 сообщений. А. С. Мельничук (Киев) в докладе «Проблемы сравнительно-исторической лексикологии славянских языков» изложил принципы составления этимологических словарей и выполнения тематически специализированных этимологических исследований. О неологизмах в современных славянских языках докладывали И. А. Багмут (Киев), А. А. Москаленко (Одесса), В. Т. Коломиец (Киев), Л. Н. Саркисова (Донецк), Ю. К. Стехня (Днепропетровск), И. Е. Шапкин (Днепропетровск), В. П. Токарь (Донецк), И. С. Олійник (Запорожье), М. В. Симулик (Ужгород), О. Г. Давыдова (Днепропетровск). Вопрос о восточнославянских аббревиатурах и их соответствии в западно- и южнославянских языках был освещен С. Ф. Самойленко (Запорожье). Вопросам перевода трудов классиков марксизма-ленинизма на украинский язык были посвящены доклады М. У. Каранской (Киев) и А. А. Савченко (Днепропетровск). О переводах художественных текстов сделали сообщения П. А. Петрова и Л. Ф. Миронюк (Днепропетровск).

Ф. П. Медведев (Харьков), В. В. Ильенко (Днепропетровск), И. А. Варченко (Киев), В. И. Стобунова (Черновцы) в своих докладах рассматривали вопросы межязыковых контактов.

О подготовке к изданию IV тома трудов А. А. Потебни рассказала В. Ю. Франчук (Киев).

Разным вопросам западнославянских языков были посвящены выступления К. К. Трофимовича (Львов), П. А. Москаленко (Одесса), В. Т. Коломиец (Киев), И. И. Ковалика (Львов).

По вопросам диалектологии, ономастики и топонимии выступили П. А. Дзедзеливский (Ужгород), И. Д. Сухомлиш, В. А. Шадура (Днепропетровск), П. Н. Лизанец, К. И. Галас (Ужгород), П. Д. Тимощенко (Киев).

Результаты лингвистических наблюдений над стихотворениями польского поэта В. Броневского сообщил П. П. Плющ (Киев). В. Г. Кузема и Н. П. Серый (Днепропетровск) посвятили свои выступления характеристике синонимич-

ческих словарей. О развитии лексикографии в Закарпатье сообщил Н. А. Грицак (Ужгород). О семантическом объеме соответствующих по значению слов в чешском и украинских языках говорила А. И. Багмут (Киев). Л. Ф. Коваленко (Днепропетровск) рассмотрела синтаксическую модель — сочетание прилагательного с определяемым именем существительным — назвавшем лица.

На итоговом заседании конференции с

заключительным словом выступил председатель Украинского комитета славистов И. К. Белодед; он подчеркнул, что конференция является важным этапом в подготовке к VI Международному съезду славистов.

*Ф. М. Белецкий,
М. В. Калининченко,
В. А. Новодран
В. А. Щадура*

КОНГРЕСС БАЛКАНИСТОВ В СОФИИ

В последние годы заметилось оживление в области балкаповедческих исследований, активизировались контакты между учеными-балканистами. В апреле 1962 г. в Бухаресте на совещании представителей всех балкапских (Албания, Болгария, Греция, Румыния, Турция и Югославия) и ряда небалкапских стран (Австрия, Великобритания, Венгрия, Италия, Ирак, Ливан, Польша, СССР, Франция, Чехословакия) в рамках ЮНЕСКО была учреждена международная организация — «Международная ассоциация по изучению стран Юго-Восточной Европы». Ассоциация поставила перед собой задачу содействовать изучению истории, лингвистики, литературы, философии, фольклора, искусства и этнографии народов балкапских стран и Юго-Востока Европы вообще. Руководит Ассоциацией Международный комитет, составленный по принципу — два представителя от каждой из балкапских стран и один представитель от каждой из остальных стран. В 1964 г. по поручению Международного комитета только что возникший в Софии Институт балканистики Болгарской академии наук взялся за подготовку I Международного конгресса по балкапским исследованиям, который и проходил в Софии с 26 августа по 1 сентября 1966 г.

В течение недели 1300 делегатов из 24 стран обсуждали научные проблемы балканистики. Наиболее многочисленными были делегации из балкапских стран, а также из СССР, США, Франции, Венгрии, Чехословакии, Польши, ФРГ, ГДР.

На пленарных заседаниях и на заседаниях отдельных секций было сделано более 500 докладов и сообщений, по которым состоялось свыше 1000 выступлений. Они отразили современный уровень научных исследований по балканистике. На открытии конгресса вступительное слово пропознес председатель Международной ассоциации по изучению Юго-Востока Европы акад. Владимир Георгиев. С приветственными речами выступили председатель Совета Министров Народной Республики Болгарии Тодор Живков и генеральный секретарь ЮНЕСКО Рене Майо. С приветствиями к участникам конгресса обратились также

акад. К. Дайковичу (Румыния), проф. А. Мирамбель (Франция), проф. Р. Сайма (Англия), проф. А. Пертуси (Италия), акад. Е. М. Жуков (СССР).

На пленарном заседании были заслушаны подготовленные коллективами исследователей доклады — «Народы Юго-Восточной Европы и их роль в истории» (представил акад. Е. Кондураки), «Развитие литератур Юго-Восточной Европы и их отношение к другим литературам» (представил проф. А. Мирамбель), «Общие черты и отличия в искусстве балкапских народов» (представил М. Хаджипакис), «Основные проблемы балкапской лингвистики» (представил акад. В. Георгиев).

Обсуждение пленарных докладов происходило в четырех секциях. В секции истории выступили профессора: Хр. Данов, Ив. Дуйчев, Хр. Христов, В. Хаджипакис (НРБ), Е. Вернер (ГДР), акад. Е. М. Жуков, А. С. Тверетинова, А. Л. Нарочницкий (СССР), С. Димитров, М. Дан (Румыния) и др.; выступавшие отметили место отдельных балкапских народов в общей истории Балкан, охарактеризовали некоторые тенденции в развитии исторической науки на Балканах, сделали ряд уточнений и критических замечаний по отдельным положениям, выдвинутым авторами первого доклада. В частности, подверглась критике та часть доклада, где говорилось о роли османского завоевания в истории балкапских народов. В обсуждении пленарных докладов в других секциях выступили: у языковедов — профессора Э. Петрович и А. Росетти (Румыния), Гылыбов и В. Георгиев (Болгария) и др.; у литературоведов — Димарас (Греция), Туц (Румыния) и др.; в секции по искусству — В. Вытышану (Румыния), А. Шолуди (Венгрия) и др.

С 27 августа по 1 сентября 1966 г. работа конгресса протекла в 11 секциях.

В секции литературоведения, где было заслушано и обсуждено около 50 докладов, особое внимание было уделено проблемам Возрождения в балкапских литературах, а также проблемам сравнительного изучения и взаимоотношений литератур балкапских народов, их свя-

зей с литературами других европейских народов.

Среди заслушанных в секции этнографии 36 докладов привлекли внимание вопросы родоплеменных отношений, исторической антропологии и этногенеза балканских народов.

В секции фольклористики (заслушано 35 докладов) были обсуждены вопросы эпоса и исторической эволюции фольклора балканских народов. Особое внимание было уделено народной балладе на Балканах.

В секции искусствоведения (прочитано 29 докладов) привлекли внимание темы средневекового искусства балканских народов и его связей с византийским искусством, развитие стиля и формы различных памятников искусства и т. д.

На лингвистической секции конгресса было заслушано около 100 докладов, посвященных основным проблемам античной балканистики, сравнительно-типологическому изучению балканских языков, истории и современной структуры албанского, румынского, болгарского, македонского, новогреческого, турецкого и др. языков. В центре внимания языковедов стояла проблематика, связанная с «балканским языковым союзом», его генезисом, с теорией балканского субстрата, с историей взаимоотношений отдельных балканских языков. Во многих докладах трактовались вопросы древнейших генетических связей между румынским и албанским языками, а также древнейших романо-славянских языковых контактов к югу от Дуная. Ряд докладов был посвящен вопросам истории, диалектологии, фонологической и грамматической структуры албанского языка, проявляющего его роль в истории «балканского языкового союза». Большой интерес вызвали доклады, посвященные хронологизации балканизмов в среднеболгарских памятниках, вопросу о роли греческого языка в формировании старославянского и новоболгарского литературного языка, вопросы румыно-болгарских и албано-болгарских языковых связей. Широкое освещение на конгрессе получили важные проблемы балканской тюркологии: вопрос о классификации турецких диалектов Балканского полуострова, вопрос о влиянии балканских турецких диалектов на анатолийские диалекты, вопрос о роли тюркских языков Балканского полуострова в формировании «балканского языкового союза».

В секции археологии было заслушано 37 докладов, посвященных проблемам древнейшей истории племен и народов, населявших Юго-Восточную Европу. В частности, в некоторых докладах был представлен интересный материал последних раскопок в Болгарии, Греции, Румынии и Югославии, свидетельствующий о процветании в VI и V тысячелетии до н. э. в Юго-Восточной Европе, особен-

но в южных частях полуострова, неолитической культуры.

Секция античной истории заслушала и обсудила 18 докладов, в которых были рассмотрены различные проблемы, главным образом из области социально-экономического, политического и культурного развития балканских народов в античную эпоху.

В секции раннего средневековья (V—XV век) было сделано 22 доклада, охвативших вопросы средневековой культуры на Балканах, политических и экономических связей между отдельными балканскими государствами (в частности, связи Дубровника с другими балканскими странами).

Секция истории балканских стран XV—XVII вв. заслушала и обсудила около 50 докладов об аграрных отношениях в Османской империи, этнических изменениях на Балканах в указанное время, о методах и размерах исламизации балканских народов и т. д.

В секции истории балканских народов XVIII и первой половины XIX в. было заслушано свыше 50 докладов. Заметную группу составляли доклады, посвященные социально-экономическим вопросам, особое внимание привлекли выступления о роли городов в торговле с разными частями Балканского полуострова. Центральное место здесь заняли доклады, освещающие те или иные стороны национального движения, политические связи балканских народов между собой, идеологические взаимоотношения. Большое количество докладов было посвящено греческому восстанию 1821 г., а также периоду обострения национальной борьбы во время Восточного кризиса 70-х годов XIX в. По докладом развернулись оживленные прения.

В секции истории второй половины XIX—XX вв., привлекая наибольшее число участников конгресса, было заслушано около 90 докладов и примерно столько же выступлений в прениях. Предметом внимания секции были общие проблемы балканской истории, а также вопросы истории рабочего движения на Балканах. Большой интерес вызвали доклады о солидарности балканских народов в период войн начала XX в., о сотрудничестве балканских народов в борьбе против реакционных режимов и фашизма накануне и в годы второй мировой войны, об отношениях между балканскими государствами и политике великих держав на Балканах в новейшее время, о социально-экономических изменениях в балканских странах после второй мировой войны. Некоторые доклады вызвали оживленные дискуссии, в ходе которых выявились позиции представителей различных методологий.

Советские ученые-балканисты приняли активное участие в работе конгресса;

они сделали более 40 докладов и научных сообщений.

В ходе работы конгресса был выдвинут ряд конкретных предложений по научно-организационным вопросам: о создании журнала общевосточного профиля, который на первых порах должен иметь характер преимущественно библиографического издания; о координации действий и обеспечении своевременной и точной научной информации путем издания реферативного бюллетеня, охватывающего все исследования по восточноведению; о создании из представителей восточных стран смешанной комиссии по совместному изучению исторической географии Юго-Востока Европы.

В период работы конгресса в Софии состоялся II фестиваль этнографического и фольклорного фильма балканских стран, а также была открыта выставка книг и журналов, посвященная тематике конгресса (около 1500 публикаций из разных стран). Болгарские ученые, являвшиеся организаторами конгресса, приложили много усилий к его организации.

Конгресс восточноведения продемонстрировал укрепление взаимных связей ученых-востоковедов и их сотрудничество и явился несомненным вкладом в укрепление мира на Балканах.

Б. В. Н.

В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Изучение истории зарубежных славянских стран в Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина имеет известные традиции. Первым ректором университета (1921—1930 гг.) был выдающийся историк-славист Владимир Иванович Пичета. В довоенные годы в университете работали А. Н. Яспинский (исследователь аграрной истории Чехии) и действительный член АН БССР В. Н. Перцев, занимавшийся проблемами борьбы славянских народов с немецкой агрессией.

В послевоенные годы научная разработка истории зарубежных славянских стран в университете велась слабо. Однако в последние годы положение стало изменяться. В настоящее время на историческом факультете разрабатывается ряд важных проблем по истории Болгарии, Польши и Чехословакии.

И. о. доцента Д. С. Климовский в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Германо-польский договор 1934 года». Используя архивные материалы польского и германского министерств иностранных дел, имеющиеся в Историко-дипломатическом архиве СССР, и различные документальные публикации, автор раскрыл подрывную деятельность германской дипломатии по отношению к Польше. Он показал, что договор о дружбе и ненападении между Германией и Польшей, подписанный 26 января 1934 г., ослабил безопасность народов Европы, способствовал укреплению позиций фашистской Германии и привел к катастрофе в сентябре 1939 г.¹

В настоящее время Д. С. Климовский готовит к печати монографию, посвящен-

ную германо-польским отношениям в период с 1929 по 1932 г.

История франко-польских отношений в период от Версаля до Локарно посвящена диссертация аспиранта Б. Н. Загорского, в которой рассматриваются следующие вопросы: а) франко-польские отношения в период становления польского государства; б) франко-польский договор 1921 года в Малая Антанта; в) Польша и Франция в период обострения репарационного вопроса и рурского конфликта; г) Франция и Локарно. Вопрос о гарантии западных границ Польши.

Завершает работу над кандидатской диссертацией на тему «Белорусско-польские культурные связи в первой половине XIX века» старший преподаватель Я. П. Науменко. В ней будут освещены общественно-политические, научные и литературные связи Белоруссии и Польши, проблемы взаимообогащения национальных культур двух братских народов, укрепления уз дружбы белорусского и польского народов в совместной борьбе за свое социальное и национальное освобождение.

Доцент кафедры истории философии А. С. Клевченя работает над докторской диссертацией на тему «Развитие марксистско-ленинской философии в Польше (1918—1939 гг.)», в которой будет освещено идейное наследие и практическая деятельность выдающихся деятелей Коммунистической партии Польши Юлиана Лещинского (Ленского), Ежи Рынга, Марши Кошутской, Юлиана Бруна и др. А. С. Клевченя опубликована статья, посвященная идейному наследству польского философа-коммуниста Стефана Руднянского².

¹ Основные положения диссертации опубликованы автором в книге «Германский империализм — злейший враг Польши», Минск, 1963.

² А. С. Клевченя. Об идейном наследстве польского философа коммуниста Стефана Руднянского. — В сб.:

Аспирант С. А. Малевич изучает научное наследие польского философа и общественного деятеля Людвика Кшишцкого, сыгравшего значительную роль в развитии связей с русскими и белорусскими революционерами-демократами, в укреплении дружбы между славянскими народами.

Изучением истории дипломатических, экономических и культурных связей между Болгарией и Советским Союзом начиная с 1917 г. занимается доцент Д. Б. Мельцер. Им опубликованы ряд статей и брошюра «Социалистической Болгарии — 20 лет», посвященные строительству социализма в Болгарии. Вместе с доцентом П. З. Савочным он подготовил к печати работу о братской дружбе и сотрудничестве белорусского и болгарского народов.

Аспирантка Т. А. Кургуляни приступила к работе над кандидатской диссертацией на тему «Германо-чехословацкие отношения в период Веймарской республики (1919—1932 гг.)».

Проблемами гуситского движения занимается и о. доцента кафедры истории древнего мира и средних веков П. А. Гусакова. Темой ее исследования является борьба городских низов в начале XV в. и, в частности, демократическое движение в Праге под руководством одного из вождей и идеологов народных масс Яна Желковского. По этому вопросу П. А.

«Научные доклады высшей школы. Филологические науки», № 3, 1964, стр. 119—124.

Гусакова защитила кандидатскую диссертацию и опубликовала ряд статей³.

В настоящее время Н. А. Гусакова работает над темой «Чешско-белорусские связи в эпоху феодализма».

Ряд работ кандидата исторических наук В. Н. Рабцевича посвящен нумизматике Польши и Чехии, в частности обращению чешской монеты XIV—XV вв. на территории Украины, Белоруссии и Литвы⁴, распространению медной монеты на территории Речи Посполитой.

Сотрудники факультета активно участвуют в международных и всесоюзных конференциях и симпозиумах.

Сейчас истории университета готовится к IV межвузовской конференции историков-славистов, которая состоится в Минске в феврале 1968 г.

Д. Мельцер

³ Н. А. Г у с а к о в а. Ян Желковский как идеолог городского плебса.— «Вопросы всеобщей истории», Минск, 1960; е е ж е. Из истории борьбы плебейской оппозиции против феодально-католической реакции в начале гуситского движения (1419—1422 гг.). Минск, 1963.

⁴ В. Н. Ра б ц е в и ч. Обращение пражского гроша на западнорусских землях.— В сб.: «Тезисы докладов, прочитанных на научной сессии, посвященной 200-летию Государственного Эрмитажа». Л., 1964; е г о ж е. К вопросу о денежном обращении западнорусских земель в XIV—XV вв.— В сб.: «Нумизматика и сфрагистика», Київ, 1965.

НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН МГУ

В 1965/66 учебном году на кафедре в специальных семинарах, руководимых доцентами И. М. Белянской, Л. А. Воронковым, В. Г. Карасевым, Л. П. Лавтевой, Б. М. Руколь, И. Д. Очаком и И. П. Частухиным было подготовлено и в апреле — мае 1966 г. защищено студентами дневного, вечернего и заочного отделений 26 дипломных работ. Основное внимание при этом было уделено изучению проблем новейшей истории и в первую очередь различных аспектов послевоенного развития зарубежных славянских стран.

Большая часть работ по современной истории касается отдельных сторон социалистического строительства в Польше. Дипломники рассматривали в них аграрную политику ПОРП в 1950—1960 гг. (Т. И. Афанасьева) и такую специфическую для польской деревни форму кооперирования крестьян как сельскохозяйственные кружки в 1956—1963 гг. (З. И. Суркова), реформы в области планирования и управления промышленностью в 1956—1958 гг. (Л. Ф. Цыгель)

и некоторые моменты политической ситуации, имевшей место в 1956 г. (М. В. Петрова). Особый интерес представляет работа А. А. Мальчина, в которой на базе материалов ЦГАНХ СССР характеризуются польско-советские экономические отношения 1944—1956 гг. По истории Болгарии дипломниками разрабатывались также темы, как участие молодежных организаций в революционных преобразованиях 1945—1947 гг. (Л. Н. Огурцова)¹ и аграрная реформа 1946 г. (А. М. Выставкин), а по истории Чехословакии — борьба профсоюзов за национализацию промышленности в 1945—1948 гг. (Г. А. Киселева). Периоду второй мировой войны посвящена работа об антифашистской борьбе болгарского народа в 1941—1944 гг. (Г. М. Буланчикова). Основными источниками для всех перечисленных выше дипломных работ послужили различного рода пуб-

¹ Ее работа частично основана на материалах Центрального и текущего архивов ЦК ВЛКСМ.

ликация, статистические сборники, прессы и мемуарная литература.

Из истории межвоенного двадцатилетия изучались проблемы рабочего движения югославян в США в 1918—1939 гг. (работа Т. С. Катинной, в которой использованы данные из официальных послевоенных американских публикаций), политическая платформа югославянских интернационалистов в России в 1918—1920 гг. по материалам их газет (Г. Н. Голиков). Плодом кропотливых архивных изысканий явилась работа Ю. И. Мисюрева о чешском интернационалисте С. Частеке.

В ряде дипломных сочинений затрагивались некоторые вопросы истории Польши и Югославии середины XIX в., в том числе программа и деятельность Познанского Национального комитета в 1848 г. (Н. В. Чернева), внутривнутриполитическая борьба в Сербии накануне и во время Святоандреевской скупщины 1858—1859 гг. (Г. Д. Головина) и русско-сербские отношения начала 60-х годов XIX в. (Т. И. Вербичкая). В двух последних работах использованы материалы Архива внешней политики России. Активному участию сербов в русском революционном движении конца XIX—начала XX вв. посвятила свое исследование Т. Г. Иванова, разыскавшая в архивах документы о деятельности В. Перазича.

Тематика нескольких работ связана с историей Польши и Чехословакии XVI—XVIII веков. Авторы их, основываясь главным образом на публикациях, изучали деятельность и общественно-политические взгляды Т. Костюшко (Г. А. Миронович), роль Варшавы в восстании 1794 г. (Л. С. Котова), аграрное законодательство в Чехии последней четверти XVIII в. (В. М. Плотников),

морскую торговлю Гданьска в XVI в. (Л. Г. Чайкина).

Впервые значительную группу составили дипломные сочинения о развитии культуры зарубежных славянских стран в XIX—XX веках. Здесь попытки и воссоздать научные биографии Я. Коллара (Г. Ю. Харцнева) и Л. Штура (К. Д. Таликова), и раскрыть характер научных связей с Россией на примере деятельности П. Шафарика (О. Ю. Селванова), и выяснить систему эстетических взглядов З. Р. Неядлы (С. В. Гречишников). Эти задачи решались путем анализа произведений и корреспонденции выдающихся деятелей чешского и словацкого народов. Некоторые вопросы культурного строительства в послевоенные годы затронуты в работах о политике ПОРП в области литературы в 1956—1959 гг. (Н. П. Иванова) и о роли журнала «Исторически преглед» в развитии марксистско-ленинской исторической науки в Болгарии (А. Ф. Гладких).

Все это свидетельствует о значительном расширении хронологических рамок, охватываемых дипломными работами, о большом разнообразии тематики, повышении политической актуальности и научной значимости этих работ. В некоторых из них вводятся в оборот новые документы и материалы, найденные студентами в ходе самостоятельных поисков в архивах. Усилия по совершенствованию проблематики специальных семинаров и более широкому вовлечению студентов, специализирующихся в области истории зарубежных славянских народов, в научно-исследовательскую работу продолжают оставаться главной заботой кафедры.

И. В. Созиц

О РАБОТЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК АН СССР В ОБЛАСТИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ФБОН АН СССР, являясь научно-вспомогательным учреждением в системе гуманитарных институтов Академии наук СССР, уделяет серьезное внимание обслуживанию научных работников в области славяноведения и изучения европейских социалистических стран. Работа Библиотеки в данной области ведется в двух направлениях — комплектование литературы соответствующего профиля для основного книгохранилища и сети институтских библиотек¹ и изда-

ние текущей информационной, тематической и ретроспективной библиографий по данному комплексу проблем.

Широкий интерес научной общественности к политическим, социально-экономическим, культурным проблемам европейских социалистических стран, их историческому прошлому, закономерностям развития мировой системы социализма, созданные с этой целью специального Института славяноведения, Института экономики мировой системы социализма и соответствующих секторов и групп в ряде других институтов Академии наук поставили перед ФБОН задачу широкого книгообмена с зарубежными странами, в частности со странами социалистической системы. С 1948 г. книго-

¹ Речь идет о комплектовании иностранной литературы. Советская литература поступает в Библиотеку в порядке обязательного экземпляра и покупки в книготорговой сети.

обменные отношения начинают носить регулярный характер.

Тематика комплектуемой литературы по европейским социалистическим странам определяется профилем ФБОН и обслуживаемых ею академических институтов в области общественных наук. Библиотека исчерпывающе комплектует научную и научно-популярную литературу, статистические, официальные, справочно-библиографические издания. Таким образом, в ней широко представлена литература по вопросам марксистско-ленинской теории, философии, социологии, экономики, праву, истории, филологии, искусству европейских социалистических стран, общим проблемам мировой социалистической системы и славяноведения. Довольно широко отражена в фондах и художественная литература этих стран, в частности, комментированные издания. Как правило, основная масса научной литературы комплектуется в двух-трех экземплярах, что дает возможность систематически пополнять хранилища ФБОН и библиотек соответствующих институтов, а также удовлетворять запросы периферийных читателей через межбиблиотечный абонемент.

Библиотека связана книгообменными отношениями с 490 организациями европейских социалистических стран.

Первое место в этом обмене занимают научные центры европейских социалистических стран — центральные библиотеки академий наук и их филиалов, гуманитарные институты академий наук, научные общества, университетские библиотеки, центральные и областные архивы, краеведческие музеи. Вторую большую группу организаций составляют национальные и публичные библиотеки, библиографические центры. Общественно-политические организации представлены библиотеками ЦК коммунистических и рабочих партий, молодежных организаций, центральных советов профессиональных союзов, союзов писателей. С целью сокращения сроков получения литературы ФБОН стремится установить книгообменные связи непосредственно с издающими центрами, поэтому обмен литературой производится со статистическими и плановыми управлениями, редакциями журналов, издательствами общественно-политического, экономического, литературоведческого профиля.

Если обратиться к статистическим данным, то совершенно очевидно, что ведущее место как по числу организаций, так и по количеству получаемой литературы занимают научные и научно-вспомогательные центры европейских социалистических стран. Так, из 86 организаций Польши, с которыми ФБОН состоит в книгообменных отношениях, 68 составляют институты Польской академии наук, научные общества, университетские библиотеки, архивы и музеи. В Чехосло-

вакии из 75 организаций 44 составляют научные и научно-вспомогательные центры страны.

При установлении книгообменных отношений помимо политической и научной значимости организаций, их тематического профиля обращается также внимание на равномерность территориального охвата. В процессе развития книгообменных отношений ФБОН стремилась установить книгообмен хотя бы с одной из организаций указанных выше групп в каждом из крупных городов страны. Подобного рода относительно равномерное территориальное распределение книгообменных связей преследует две цели. С одной стороны, оно дает ФБОН возможность через периферийные центры получать необходимую библиотеке местную литературу, с другой — облегчает задачу наиболее равномерного и полного снабжения советской литературой европейские социалистические страны.

Наряду с литературой европейских социалистических стран, комплектуемой Отделом того же названия, отраслевые библиографические отделы ФБОН, такие как Отдел истории, Отдел экономики и другие, регулярно комплектуют литературу о социалистических странах Европы и проблемах славяноведения, выходящую в капиталистических странах.

Чтобы дать наглядное представление об ежегодном объеме поступающей в ФБОН из-за рубежа литературы по европейским социалистическим странам, достаточно привести цифры 1965 г.: из социалистических стран Европы было получено 9945 книг, 19 901 номер журналов и газет.

Помимо комплектования текущей литературы, ФБОН уделяет серьезное внимание пополнению своих фондов довоенной литературой. Библиотеке удалось собрать в своем фонде почти все издания по общественным наукам академий наук европейских социалистических стран, скомплектовать издания Познанского общества любителей наук, Лодзинского научного общества, Варшавского научного общества, Общества любителей истории и памятников старины Кракова, Научного общества в Торунь, Вроцлавского общества любителей истории, издания университетов в Софии, Праге, Братиславе, Брно, Белграде, Будапеште, Сегеде.

Вся поступающая в Библиотеку текущая литература экспонируется на еженедельно сменяемых выставках в читальном зале Кабинета европейских социалистических стран, после чего поступает в библиотечные институты.

Книгообмен с европейскими социалистическими странами протекает в тесном контакте с работой международного абонемента Библиотеки. Необходимая научным сотрудникам литература в случае

отсутствия ее в библиотеках Москвы выписывается на определенный срок из-за рубежа.

Наряду с комплектованием литературы важнейшей задачей ФБОН является регулярная информация научной общественности страны, в первую очередь сотрудников гуманитарных институтов Академии наук, о новых поступлениях Советской и иностранной литературы в ее фонды, а с 1963 г. — и в другие крупнейшие библиотеки Москвы. 23 серии библиографических бюллетеней дают всестороннее, под разными углами зрения, в зависимости от профиля издающего отдела, освещенные поступающей литературы. Ведущее место здесь принадлежит Отделу европейских социалистических стран, выпускающему 9 комплексно-отраслевых библиографических бюллетеней как по отдельным европейским социалистическим странам, так и по общим проблемам этих стран, входящих в мировую систему социализма — по Болгарии (с 1948 года), Венгрии (с 1956 г.), ГДР (с мая 1962 г.), Польше (с 1948 г.), Румынии (с 1950 г.), Чехословакии (с 1950 г.), Югославии (с 1956 г.), общим проблемам европейских социалистических стран (с 1964 г.), ежеквартальный бюллетень по общим проблемам славяноведения (с 1966 г.). Данная серия бюллетеней, всесторонне освещающая процессы становления, развития отдельных европейских социалистических стран, а также общие закономерности мировой системы социализма, современное политическое, экономическое, культурное развитие народов этих стран, их историческое прошлое, язык, литературу, рассчитана на широкий круг специалистов в области экономики, права, философии, социологии, истории, филологии этих стран. Бюллетени по европейским социалистическим странам включают книги, статьи из журналов и сборников, опубликованных в этих странах, в Советском Союзе, капиталистических странах. С 1964 г. бюллетени выборочно стали отражать иностранные поступления Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы (книги и статьи), Научной библиотеки им. Горького МГУ (книги), а с 1965 г. и книжные поступления Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Вся серия бюллетеней по европейским социалистическим странам за год включает около 34 000 названий книг и статей на языках народов социалистических стран, Советского Союза и западноевропейских языках.

Наряду с Отделом европейских социалистических стран библиографированием литературы по отдельным отраслям и проблемам этих стран занимаются и другие отделы Библиотеки; однако в них работа не носит комплексного характера и ограничивается профилем Отдела. Так в бюллетенях Отдела экономики отража-

ется иностранная и советская литература о мировой системе социализма, экономическом соревновании и сотрудничестве двух мировых систем, общих проблемах экономики и политической экономики социалистических стран².

Бюллетени Отдела истории отражают состояние изучения исторического прошлого народов Центральной и Юго-Восточной Европы, литературу о внешней политике России в отношении зарубежных славян, общие работы о развитии международного рабочего движения, международных отношений, проблемах второй мировой войны; что касается древнейшей истории славянских народов, то она освещается в разделе, посвященном первобытной археологии зарубежной Европы³.

Отдел философии наряду с освещением общеполитических и социологических проблем мировой системы социализма, государства и права стран народной демократии, мирного сосуществования двух систем, национальных проблем, социологических проблем труда, быта, культуры, форм общественного сознания специальное место уделяет истории философии и общественно-политической мысли в европейских социалистических странах, состоянию научно-исследовательской работы в этих странах в области философии и социологии⁴.

Бюллетень советской литературы Отдела литературоведения широко отражает материалы о литературе и народно-поэтическом творчестве народов европейских социалистических стран; в бюллетене иностранной литературы того же Отдела находят отражение материалы по международным литературным связям⁵.

Проблемы славянского языкознания, а также венгерского, румынского языков во всей полноте представлены в двух бюллетенях Отдела языкознания⁶.

В ФБОН существует специальный Отдел науки, собирающий литературу об

² «Новая советская экономическая литература». Ежемесячный библиографический бюллетень. Вых. с 1934 г.; «Новая иностранная экономическая литература». Вых. с 1947 г.

³ «Новая советская литература по истории, археологии и этнографии». Вых. с 1934 г.; «Новая иностранная литература по истории, археологии и этнографии». Вых. с 1934 г.

⁴ «Новая советская литература по философии». Вых. с 1934 г.; «Новая иностранная литература по философии». Вых. с 1934 г.

⁵ «Новая советская литература по литературоведению». Вых. с 1953 г.; «Новая иностранная литература по литературоведению». Вых. с 1954 г.

⁶ «Новая советская литература по языкознанию». Вых. с 1954 г.; «Новая

организации науки и научно-исследовательской работы в Советском Союзе и за рубежом. В бюллетенях этого Отдела читатель может найти литературу о международных научных связях, организации научно-исследовательской работы в области славяноведения и изучения европейских социалистических стран в СССР, социалистических и капиталистических странах, материалы о состоянии и задачах отдельных отраслей наук, деятельности научных учреждений, библиотек, музеев, архивов, высшей школы, о подготовке научных кадров ⁷.

Наряду с текущей информационной библиографией по европейским социалистическим странам ФБОН, в частности Отдел европейских социалистических стран, работает над рядом тематических и ретроспективных библиографий; некоторые из них уже вышли из печати.

В первую очередь необходимо отметить двухтомный библиографический указатель по народно-демократической Болгарии, включающий литературу по всем областям жизни страны за период с сентября 1944 по 1952 г. включительно на болгарском, западноевропейских языках и языках народов Советского Союза ⁸, и примыкающие к нему два тома, включающие литературу на указанных языках за 1945—1958 гг. по истории Болгарии до 9 сентября 1944 г. ⁹.

Тематические библиографии Отдела европейских социалистических стран охватывают и более узкие, однако весьма актуальные проблемы этих стран. Так, в 1964 г. Отделом был выпущен указатель книг и статей за 1957—1962 гг. на языках европейских социалистических стран и Советского Союза, которые освещают проблемы экономического сотрудничества стран социалистической системы, входящих в СЭВ ¹⁰.

Большая тематическая библиография, над которой Отдел работает в течение ряда лет, посвящена подъему революционного движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1917—1923 гг.

иностранный литература по языкознанию». Вых. с 1954 г.

⁷ «Новая советская литература о науке и научно-исследовательской работе в СССР». Вых. с 1947 г.; «Новая литература о науке и научно-исследовательской работе за рубежом». Вых. с 1947 г.

⁸ И в а п о в Д. Д. Народная Республика Болгария. Историческая библиография в 3-х томах. Т. I (1944—1947 гг.), т. II (1948—1952 гг.). М., 1954—1958.

⁹ И в а п о в Д. Д. История Болгарии до 9 сентября 1944 г. Указатель литературы за 1945—1958 гг. Ч. 1—2. М., 1962—1963.

¹⁰ «Экономическое сотрудничество европейских социалистических стран—участниц СЭВ». Библиография книг и статей за 1957—1962 гг. М., 1964.

под влиянием Великой Октябрьской революции. В 1959 г. опубликована часть материалов, включающих литературу за 1951—1957 гг. ¹¹. К 50-летию Октябрьской революции будет опубликовано расширенное издание данного указателя, охватывающего литературу за послевоенное двадцатилетие. Некоторые проблемы периода послеоктябрьского революционного подъема в зарубежных странах на советском материале получили частичное отражение в библиографических указателях Отдела истории, посвященных Великой Октябрьской революции ¹². Историческая тематикашла также отражение в изданной к 100-летию польского национально-освободительного восстания 1863 г. библиографии дореволюционной и советской литературы ¹³, а также в Указателе советской литературы по истории СССР за 1917—1952 гг., где содержится перечень литературы о внешней политике России в отношении зарубежных славянских народов, о восстании 1863 г. на территории Литвы, Белоруссии и польских земель, входивших в состав Российской империи ¹⁴.

Совместно с Всесоюзной государственной библиотекой иностранной литературы и Государственной исторической библиотекой Отдел европейских социалистических стран работает над составлением библиографии по движению Сопротивления в Европе в годы второй мировой войны.

В планах Отдела на ближайшие два года предусмотрено издание библиографического указателя по проблемам реорганизации системы планирования и руководства народным хозяйством в европейских социалистических странах.

Работа Отдела в области ретроспективной библиографии преследует цель соз-

¹¹ «Литература о международном революционном движении. Великая Октябрьская социалистическая революция и подъем революционного движения в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии и Чехословакии». Указатель книг и статей, вышедших в 1951—1958 гг. М., 1959.

¹² «Великая Октябрьская социалистическая революция. Борьба за власть Советов в период иностранной военной интервенции и гражданской войны». Указатель литературы за 1957—1958 гг. Вып. 1—3. М., ФБОН, 1959 г.; Указатель литературы за 1959 г. Вып. 1—2. М., ФБОН, 1960 г.; Указатель литературы за 1960—1961 гг. Вып. 1—3. М., ФБОН, 1962 г.

¹³ «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». Библиографический указатель литературы на русском языке. М., 1962.

¹⁴ «История СССР». Указатель советской литературы за 1917—1952 гг. Т. I—II. М., 1958.

дания перечня книг и статей по дореволюционному русскому и советскому славяноведению. Под последним понимается широкий комплекс проблем истории, культуры, филологии, экономики, права, философии славянских народов, а также организация научно-исследовательской работы в области славяноведения.

В настоящее время Отдел располагает картотекой журнальных статей из крупнейших дореволюционных периодических изданий за 1800—1870 гг. Литература по советскому славяноведению за 1917—1963 гг. была опубликована к V Международному конгрессу славистов¹⁵. В дальнейшем Отдел предполагает систематически публиковать раз в пять лет указатели советской славяноведческой литературы. Ближайший такой указатель, включающий литературу за 1963—1967 гг., предполагается издать к VI Международному конгрессу славистов.

Специально вопросам славянского языкознания посвящен указатель, подводящий итоги исследовательской работы в данной области за 1918—1960 гг.¹⁶. В настоящее время совместно с Институтом русского языка АН СССР готовится дополнительный указатель литературы за 1961—1965 гг.

Итоги деятельности советских ученых в области изучения литератур зарубежных славянских народов за 1955—1960 гг. подведены в совместном издании ФБОН и Института славяноведения, приуроченном к V Международному конгрессу славистов¹⁷.

Вопросы взаимосвязей и взаимовлияний литератур народов европейских социалистических стран, в частности проб-

лемы взаимосвязей славянских литератур, нашли отражение в указателе литературы за 1945—1960 гг., к которому готовится дополнение за последующее пятилетие¹⁸.

Определенный интерес для научных работников безусловно представляют библиографические указатели Отдела науки ФБОН, содержащие литературу о научных съездах, конференциях и совещаниях в СССР, в частности в области общественных наук¹⁹, а также указатель, специально посвященный борьбе ученых всего мира за мир²⁰. Этим же Отделом с 1951 г. издаются ежегодные списки рецензий на издания Академии наук СССР, где тщательно собираются и рецензии на литературу по европейским социалистическим странам, а также ведется специальная картотека переводов трудов советских ученых за рубежом и зарубежной литературы о развитии науки в Советском Союзе.

Чтобы дать полное представление о работе ФБОН в области славяноведения и изучения европейских социалистических стран, необходимо указать на новое направление в ее работе, связанное с реферированием литературы европейских социалистических стран. В настоящее время опубликованы два сборника рефератов и переводов, один из которых посвящен новой системе планирования и руководства народным хозяйством в Болгарии, Польше, Чехословакии, Югославии, другой — разработке проблем социологии и политических наук в этих странах.

И. А. Калова

¹⁵ «Советское славяноведение. Литература о зарубежных славянских странах на русском языке. 1918—1960». М., 1963; «Советское славяноведение. Литература о зарубежных славянских странах на русском языке. 1961—1962 гг.». М., 1963.

¹⁶ «Славянское языкознание». Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1960 гг. Ч. I—II. М., 1963.

¹⁷ «Советское литературоведение о литературах зарубежных славян (1955—1960 гг.)». Вып. I—II. М., 1963.

¹⁸ «Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур». Библиография. 1945—1960 гг. Ч. I—III. М., ФБОН, 1962.

¹⁹ «Научные съезды в СССР. 1946—1953 гг.». Библиографический указатель. М., 1958; «Научные съезды, конференции и совещания в СССР. 1954—1960 гг.». Библиографический указатель. Вып. I. Общественные науки. М., 1966.

²⁰ «Ученые мира в борьбе за мир». Библиографический указатель советской и иностранной литературы за 1946—1963 гг. М., 1965.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ В СМОЛЕНИЦАХ

26—29 июня 1966 г. в Смоленицах (Чехословакия) состоялся научный симпозиум на тему «Людовит Штур, межславянские связи, идеи славянской взаимности в середине XIX века», организованный Институтом истории САН совместно с Институтом истории ЧСАН, Институтом европейских социалистических стран САН, Чехословацким и Словацким комитетами славистов.

Цель этого знаменательного научного собрания, посвященного 150-летию со дня рождения и 110-й годовщине со дня смерти Л. Штура, состояла в том, чтобы обсудить на широком международном форуме вопросы национально-освободительной борьбы славянских народов в середине XIX в., показать значение межславянских связей в этом процессе, проанализировать и дать оценку главным идеям и концепции славянской взаимности как важной составной части идеологии национально-освободительного движения угнетенных славянских народов. В связи с этим на симпозиуме говорилось о Людовите Штуре как о создателе особой концепции славянской взаимности, исходным моментом которой было признание права всех славянских народов на свое национальное самоопределение в рамках славянского целого. Участники стремились рассматривать словацкое национально-освободительное движение в сравнении с движением других славянских народов, в широком контексте современной европейской истории и подчеркивали его связь с прогрессивными общественными течениями.

Симпозиум был составной частью подготовки чехословацких историков к VI Международному конгрессу славистов; он проходил в рамках деятельности Международной комиссии славянских исследований Международного комитета по историческим наукам.

В работе симпозиума приняли участие 30 чехословацких специалистов из Братиславы, Праги, Мартина, Брно и Прешова, главным образом, из Отделения истории САН и ЧСАН и почти такое же количество гостей из СССР, Польши, Венгрии, Югославии, Болгарии, ГДР, Англии, Франции, ФРГ и Австрии. В числе гостей были проф. Р. Оти (Оксфорд) — вице-президент Международного комитета славистов, проф. С. А. Никитин (Москва) — заместитель председателя Международной комиссии славянских исследований, проф. Г. С. Уотсон (Лондон), проф. Г. Роде (Майнц), проф. П. Шейберт (Марбург), проф. Г. Люсиани (Бордо), проф. Я. Шидак (Загреб), проф. Й. Матл (Грац) и др. Доклад отсутствовавшего проф. Э. Винтера (ГДР) был прочитан доц. В. Зейлом.

Симпозиум проходил в дружественной атмосфере. На рабочих заседаниях было прочитано 9 докладов (из них 4 — зарубежными учеными), сделано 11 содокладов (из них 3 — зарубежными учеными) и заслушано 23 дискуссионных выступления. Такая плодотворная и активная работа симпозиума стала возможной благодаря тщательной подготовке его программы. Доклады были предварительно размножены на словацком, русском и немецком языках и розданы участникам симпозиума, что дало авторам возможность делать лишь короткие выступления и перенести центр тяжести работы на содоклады и дискуссии.

Симпозиум открыл директор Института истории САН чл.-кор. ЧСАН Людовит Голотик. Первым в программе стоял доклад проф. М. Пшута (Университет Коменского) «Словаки и славянская взаимность в 20—30-х годах XIX века». По нему были сделаны следующие содоклады: Я. Тибенского (Институт истории САН) о некоторых проблемах начального периода словацкого национального возрождения, А. Матёвчика (Мартин) о Яне Геркеле и его взглядах на славянскую взаимность и общий славянский язык, И. Бутвина (Университет Коменского) о национально-освободительных идеях и некоторых аспектах словацкого народного движения 40-х годов XIX в., Й. Амбруша (Институт словацкой литературы САН) об идеях славянской взаимности Яна Гоголя и содоклад К. Розенбаума (Институт словацкой литературы САН) о гуманизме славянских концепций Я. Коллара, П. Шафарика и Л. Штура.

Вторым был прочитан доклад проф. Я. Шидака «Иллиризм и его проблемы». Автор выдвинул ряд новых и интересных положений и оценок, которые способствуют лучшему пониманию особенностей иллиризма и его программы как специфической формы идеологии освободительного и объединительного хорватского национального движения 30—40-х годов XIX в. В дискуссии по этому докладу выступили проф. Й. Матл и В. Матула (Институт истории САН). Выступление В. Матулы было посвящено словацкому национальному движению и отношению Л. Штура к иллиризму, а также ведущих деятелей иллирийского движения к концепции славянской взаимности Штура.

С большим вниманием участники симпозиума заслушали доклад Й. Кочи (Институт истории ЧСАН) «Австрославизм и его роль в чешской политике». Автор убедительно показал, что нельзя считать консервативной и реакционной новую национально-политическую программу чешского национального движения начала

40-х годов XIX в., которая, вследствие специфического положения чешского народа в многонациональной монархии, получила форму австрославизма. Выступление буржуазии, несмотря на классовую ограниченность, способствовало формированию самосознания чешского народа. Однако противоречия, которые содержала в себе эта программа, приводили к тому, что в сложных условиях революционной борьбы в стране, в определенной ситуации на первый план выступили ее реакционные стороны. Этому в значительной мере способствовал и аптиславянский национализм немецкого и венгерского национального движения. В. Жачек (Институт истории европейских социалистических стран ЧСАН) выступил с содокладом, посвященным исследованию австрославянской тенденции в программе национального движения других славянских народов. Я. Новотный (Институт истории ЧСАН) высказал много интересных мыслей по поводу оценки чешского австрославизма. В дискуссии по этой теме выступили также проф. П. Шейберт, Н. Петрович (Белград) и О. Пустейевский (Мюнхен).

В докладе проф. Э. Винтера содержалось много интересных данных об отношениях ведущих представителей политической и культурной жизни Германии к славянским народам. Автор показал, что эти отношения не всегда были четкими и только отрицательными. Серьезным вкладом в понимание и оценку отношений словацкого и венгерского национального движения 30—40-х годов прошлого столетия явился доклад Ю. Месароша (Институт истории САН) на тему «Венгры и панславизм в словацком национальном движении накануне революции 1848—1849 гг.». Доклад был положительно встречен как чехословацкими, так и зарубежными учеными. Венгерский историк Г. Кемень подтвердил основные выводы доклада Месароша и дополнил его фактами из области словацко-венгерских отношений того периода. Доклад Л. Гараксыма (Институт истории европейских социалистических стран САН) «Славянские программы в революции 1848—1849 гг.» также вызвал значительный интерес участников симпозиума, хотя некоторые выступления иностранных гостей прозвучали в достаточно полемическом тоне (например, выступление проф. Я. Шидака). Содоклад на тему «Штурм и Бакушин» сделал В. Чейхан (Институт истории европейских социалистических стран ЧСАН). В дискуссии выступили проф. Й. Матл, проф. Я. Шидак, проф. Г. Роде, проф. П. Шейберт и П. Новотны (Бауцен).

Следующую группу составили доклады проф. С. А. Никитина «Россия и славянский вопрос в середине XIX века», кото-

рый был посвящен, главным образом, внешней политике России по отношению к национально-освободительному движению южных славян и доц. А. Валицкого (Варшава) «Славянские концепции русских славянофилов», который явился подлинным вкладом в понимание и освещение некоторых сторон славянской концепции Штура. А. Валицкий убедительно показал, что в русском славянофильстве и панславизме «славянская идея» была в сущности «русской идеей», а не идеей славянской взаимности. Если славянофильство, по мнению Валицкого, было своего рода благородной и богатой идеями романтической утопией, реакционной в ретроспективном смысле, то панславизм (в который переросло славянофильство) был реакционен в смысле реального влияния на ход общественной и политической жизни страны. Разумеется, «славянская идея» в истории русской общественной мысли не сводится только к славянофильству и панславизму; ее придерживались декабристское «Общество объединенных славян», Бакушин, Герцен. В дискуссии по названному докладу приняли участие проф. Х. Христова (София), проф. С. А. Никитин, проф. Р. С. Уотсон, проф. П. Шейберт, Н. Петрович и проф. Г. Роде. С большим сообщением на тему «Луи Леже и идея славянской взаимности» выступил проф. Г. Люснани.

В докладе В. Матулы «Людовит Штурм в Россия» были проанализированы взгляды Штура на Россию главным образом на основе изданного посмертно произведения Штура «Славянство и мир будущего». Новые факты свидетельствуют об интенсивных связях Л. Штура с М. Ф. Раевским и дают ответ на многие до сих пор кажущиеся непонятными стороны этого сочинения Штура, в первую очередь, на вопрос о мотивах его написания. С содокладом на тему «Людовит Штурм в русской историографии второй половины XIX — начала XX века» выступила доц. Л. П. Лаптева (Москва). В дискуссии по этой проблематике участвовали проф. Р. Оти, доц. А. Валицкий, проф. Я. Шидак, проф. С. А. Никитин, проф. П. Шейберт и проф. Й. Матл.

Работа симпозиума показала, что словацкие и чешские историки за последние годы достигли в этой области значительных результатов. Эти результаты, несомненно, будут способствовать исправлению зачастую весьма упрощенных и предвзятых представлений некоторых западных славистов об исторической роли славянских народов и их национально-освободительном движении.

Институт истории САН предполагает издать материалы симпозиума к VI Международному конгрессу славистов.

Владимир Матула

ЯРОСЛАВ ВАНИЦКИЙ

15 июня 1966 г. трагически погиб при исполнении служебных обязанностей в Национальном музее в Праге один из крупнейших историков культуры Чехословакии, доктор философии, президент Бетховенского общества ЧССР, руководитель музыкального отделения Национального музея Ярослав Ваницкий.

Я. Ваницкий родился 17 апреля 1922 г. в Триове над Добрушкой. Вскоре после окончания школы был репрессирован гитлеровцами и вместе с другими чехословацкими патриотами брошен в один из фашистских лагерей. После освобождения страны изучал историю, эстетику и музыковедение в Карловом университете. В 1952 г. получил степень доктора философии за исследование о Палестрине. На протяжении ряда лет работал в нескольких пражских издательствах, в Обществе распространения политических и научных знаний и начиная с 1947 г. вел напряженную научно-исследовательскую деятельность. Блестящий знаток древних языков и палеографии, Ваницкий работал в разных областях истории культуры, в частности занимался литературой и музыкой. Он изучал памятники чешской культуры не только на родине, но и в архивах и библиотеках ГДР, Польши, Норвегии, Дании, Венгрии. Результатом этих поездок были ценнейшие находки, расшифровка уникальных доку-

ментов: Ваницкий опубликовал, например, работу о первой чешской энциклопедии XV века, хранящейся в Ягеллонской библиотеке в Кракове, о первопечатных чешских изданиях, о Эбраславской хронике, об истоках чешской гимнастики, исследование о миннезанге (тексты, комментарии и вступительная статья), а также очерк истории чешской музыки (Прага, 1955). Ваницкий написал также первую часть (с древнейших времен до начала будительского движения) коллективного труда «О чешской музыке», изданного в прошлом году в Москве (остальные две части написали Б. Карасек и Я. Пйранек).

Работы покойного ученого, переведенные на несколько языков, характеризуются глубокой, разносторонней эрудицией, стремлением основываться на первоисточниках и умением обобщать данные различных областей истории, литературы, искусства и палеографии. Нельзя не вспомнить также с чувством глубокой признательности то неизменное дружелюбие, с которым Ярослав Ваницкий оказывал содействие приезжавшим в Чехословакию советским исследователям, делясь с ними своими обширными знаниями, охотно помогая в работе и дружески беседуя о проблемах, стоящих перед историками культуры.

Игорь Балза

CONTENTS

- L. Ja. Gibiansky.* The pattern of class forces in Yugoslavia in 1941—1945. *B. P. Mateev* (Bulgaria). The collectivization in the USSR and the co-operative movement in Bulgaria in the 30-ies — the beginning of the 40-ies. *A. I. Nedorezov.* K. Gottwald's role in realization revolutionary line of the Czechoslovak labour movement. *Ju. I. Smirnov.* The problems of the study of the inter-Slavic folklore unity. *A. E. Suprun.* On the systemic and statistical representation of the grammatical isoglosses of the Slavic linguistic world. 3

COMMUNICATIONS, MEMOIRS

- Khristian Katev.* Among the fighters for the victory of the revolution. *M. M. Sumarokova.* New data on the beginning of Filip Filipović's revolutionary activity. *A. S. Mylnikov, T. A. Mylnikova.* The first Czech newspaper on Russia. *D. M. Segal.* Observations on the phonemic structure of the Polish verse. *M. Ja. Golberg.* More about the Serb ballad on the Russian North. *V. A. Dybo.* In memory of V. M. Illich-Svitych. 51

BIBLIOGRAPHY

Reviews and review — articles

- S. A. Sherlainova.* «Impuls» — a new magazine of the Czech literary scholars. *P. Olshansky.* A new book on Soviet-Polish relations. *O. P. Valeva.* Memoirs of a Bulgarian trades-union veteran. *Igor Belza.* A Monograph on Strykowski. *S. Marlinsky.* On the eternal and unshakeable friendship. *L. A. Aksamitova-Malash.* A valuable study on Z. J. Chodakowski. *O. M. Malevich.* «Sborník ševčenkovský». *Marta Kyrpacheva* (Bulgaria). A contribution into Slav bibliography. *V. P. Gudkov.* И. В. Арбузова, П. А. Дмитриев, Н. И. Сокаль. Сербохорватский язык. *N. Kotova.* И. Умленски. Кюстендилският говор. 78

Book notices

- F. Petrov.* I. P. Vacek — a soldier of the Lenin guard. *F. A. Molok.* Josef Smrkovský — Cestmír Amort. Květnové povstání v Praze. 99

Bibliographical publications

- The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in July — September 1966. The contents of foreign periodicals. 100

SCIENTIFIC LIFE

- I. K.* Scientific Seccion devoted to the Millenium of the Poliss state. *F. M. Beletzky, M. V. Kalininchenko, V. A. Novodran, V. A. Shadur.* The VII-th Ukrainian Slavistic Conference. *B. V. N.* The congress of the Balkanologists in Sofia. *D. Meitzer.* At the Byelorussian State Lenin University. *I. V. Sozin.* At the Chair of the history of the Western and Southern Slavs at the Moscow University. *I. A. Kaloeva.* On the Slavistic aspects in the work of the Fundamental Humanities and Social Science Library of the USSR Academy of Sciences. . . 110

Scientific Life Abroad

- Vladimir Matula* (ČSSR). An International Symposium at Smolenice. *Igor Belza.* Jaroslav Wanicki. 125

Технический редактор *T. A. Михайлова*

Т. 15779 Подписано к печати 14/XII-1966 г. Сдано в набор 18/X—1966 г. Тираж 1200 экз. Зак. 1445
 Формат бумаги 70×108 1/16 Печ. л. 14,2 Бум. л. 4 Уч.-изд. листов 13,9

2-я типография Издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.

**Индекс
70891**